

WYDAWCA
H. C. MITCHELL

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНІЙ
Н. С. ЛѢСКОВА.

ИЗДАНИЕ ТРЕТЬЕ

съ критико-біографическимъ очеркомъ Р. И. Сементковскаго и съ приложеніемъ портрета Лѣскова, гравированнаго на стали Ф. А. Брокгаузомъ въ Лейпцигѣ.

ТОМЪ ТРИДЦАТЫЙ.

Приложеніе къ журналу „Нива“ на 1903 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. МАРКСА.

1903.

<http://rcin.org.pl>

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ
Н. С. ЛЕОНОВА

ТОМЪ ПЕРВЫЙ

Артистическое заведение А. Ф. МАРСА, Измайл. пр., № 29.

ЛЕГЕНДА О СОВѢСТНОМЪ ДАНИЛѢ.

«Пристрастіе не дальповидно, а некависть
повсе ничего не видить».

Исидоръ Пелусіотъ (письмо къ Кириллу).

«Легко тому, чье сердце не знаетъ состраданья, но пусть онъ, однако, не радуется, ибо его постигнуть жестокое мученіе и оно начнетъ терзать его тогда, когда онъ будетъ уже не въ состояніи исправить свою вину. Огонь гienскій, по моему сужденію, есть не что иное, какъ позднее раскаяніе».

Исаакъ Сиринъ (сл. XVIII).

Полторы тысячи лѣтъ тому назадъ на Востокѣ, близъ Синайской горы, жилъ въ маленькомъ скитѣ молодой человекъ, по имени Данила. Скитъ въ тогданнее время не былъ похожъ на нынѣшніе русскіе скиты, гдѣ живутъ монахи, у которыхъ есть храмы и готовое содержаніе. Въ старое время на Востокѣ скитомъ называли нѣсколько хижинокъ, — чаще нѣсколько нещерокъ въ горѣ, да вокругъ тѣсное огражденное мѣсто, гдѣ ютились три или четыре человека, собравшіеся по единому слю, чтобы жить вдали отъ соблазновъ. Люди эти вели строгую жизнь и питались трудами своихъ рукъ. Церквей у нихъ не было и не было тоже и священниковъ, и долгое время скитниками не управляло никакое начальство.

Скиты устранивались легко и не скрывали въ себѣ никакихъ драгоценностей, а располагались они часто близко къ самому рубежу крещеной земли, чтобы имѣть возможность научать христіанской вѣрѣ «варваровъ». Варварами называли некрещенныхъ людей, которыхъ было еще много

повсюду. Много ихъ кочевало и въ жаркихъ стѣняхъ близъ Синая.

Порубежные скитники отъ варваровъ не скрывались, а, напротивъ, сами искали случая встрѣчаться съ ними, чтобы говорить имъ о благѣ, которое можетъ міру дать Христово ученіе. Они старались убѣдить варваровъ, что Богъ есть Отецъ всѣхъ людей и что воля Его заключается въ томъ, чтобы всѣ люди жили въ любви и чтобы никто не дѣлалъ другъ другу никакого зла, а если кого обидитъ, чтобы онъ не мстилъ, но старался бы заплатить за обиду добромъ и побѣдилъ зло любовью, ибо только одна любовь обезоруживаетъ зло и побѣждаетъ его. Варвары же по дикости своей не понимали и не вѣрили, что всѣ люди равно достойны состраданія и что прощеніе обидъ можетъ привести миръ на землю. Они надѣялись на силу и часто нападали на ближайшихъ скитниковъ, а какъ скитники были бѣдны и взять у нихъ было нечего, то варвары забирали самихъ ихъ къ себѣ въ неволю, угоняли въ степи и тамъ заставляли плѣнниковъ стережечь своихъ коней, ословъ и верблюдовъ, стричь овецъ и сушить навозъ съ бурьяномъ на топливо.

Случилось, что варвары напали и на тотъ скитъ на Синаѣ, гдѣ жилъ Данила. Сколько здѣсь было старыхъ людей—они всѣхъ перебили, а Данилу, какъ человѣка молодого и годнаго къ работѣ, взяли съ собою, связали ему ноги, посадили на верблюда и увезли очень далеко въ степь, а тамъ приставили его караулить стада отъ звѣрей и отъ хищниковъ.

Данила служилъ своимъ плѣнителямъ долго, научился ихнему языку и перекочевывалъ съ ними съ мѣста на мѣсто нѣсколько лѣтъ. Онъ ихъ вѣру не порочилъ, а они не мѣшали ему вѣрить по-своему и, замѣчая, какъ онъ живетъ съ ними честно, до того въ немъ увѣрились, что совсѣмъ не стали за нимъ смотрѣть, а во всемъ на него полагались, будто какъ на своего человѣка. Данила нѣсколько разъ могъ бросить порученныя ему стада, сѣсть на коня и ускакать, но ни разу на это не покусился. А потомъ Данила сталъ замѣчать, что варвары какъ-будто стали любить слушать, какъ онъ разсуждаетъ по-христіански, и во многихъ сужденіяхъ начали сами и говорить, и дѣлать съ нимъ согласно. Стало Данилѣ и жить хорошо, и началъ онъ раз-

умѣть, что онъ живетъ съ чужими людьми не безъ пользы, потому что наводитъ ихъ на хорошее послѣдованіе доброму ученію. Но разъ прискакалъ на своемъ конѣ одинъ варваръ, бывшій на рубежѣ, и объявилъ, что крещеные прислали черезъ него за Данилу выкупъ и что теперь Данилу надо отпустить.

Данила очень обрадовался, что можетъ вернуться къ своимъ, но какъ остался онъ послѣднюю ночь въ степи подъ шатромъ, стало ему жалко и варваровъ. «Вотъ,—думалось ему,—только-что нѣкоторые изъ нихъ начали-было по-доброму разсуждать и поступать съ другими милостивѣе, а вотъ я теперь уйду—они опять все позабудутъ и обратятся къ старинной злобѣ. Миѣ бы ихъ беречь въ добрѣ, а я ухожу... Вѣдь это и есть мое дѣло, для котораго я оставилъ домъ и сталъ жить въ скитѣ, откуда плѣненъ былъ». Но желаніе жить въ обществѣ своихъ людей христіанской вѣры все-таки стало сильнѣе этихъ сужденій, и Данила рѣшился уйти. А варвары подѣлили между собою присланный выкупъ, дали Данилѣ тыкву воды и бѣлаго пшена и послали двухъ верховыхъ, чтобы проводить его до рубежа, откуда онъ безъ опасенія можетъ одинъ идти къ крещенымъ.

Данила благополучно воротился къ себѣ за рубежъ и сталъ жить прежнею скитскою жизнью. Но это недолго продолжалось: черезъ полгода наскружили на ихъ скитъ другіе темнолицыя варвары и опять угнали Данилу въ плѣнъ и заставили его сушить навозъ для огня и сторожить овецъ, коней и верблюдовъ.

Данилѣ теперь гораздо досаднѣе сдѣлалось, чѣмъ въ первый разъ, да и жить ему съ этими варварами показалось хуже, потому что съ прежними онъ былъ уже обвыкшись и они съ нимъ были ласковѣе, а эти его не знали и не заботились о немъ, а показали, что дѣлать, и оставили безъ присмотра.

Онъ сталъ все больше скучать и разсуждать, что варвары владѣютъ имъ совсѣмъ неправильно, потому что онъ уже разъ выкупленъ, и, улучивъ удобное время, покинулъ все, что ему довѣрено, и убѣжалъ. И опять благополучно перебрался за рубежъ крещеной земли и пришелъ въ скитъ; но варвары скоро его хватились, вскочили на коней, при-

скакали къ скиту, всю огорожу развалили, всѣ пещерки поразметали и старыхъ людей побили, а Данилу опять въ плѣнъ повели плѣшымъ, прицѣпивъ его веревкою за шею къ верблюжьему сѣдлу. Для того же, чтобы Данила не останавливался, а скорѣе поспѣвалъ за верблюдомъ, сзади его ѣхалъ молодой варваръ и кололъ Данилу острымъ коньемъ въ спину. Подвигался Данила немощными ногами, стоналъ, и на слѣдъ его по пескамъ капала его кровь.

Идучи за этимъ караваномъ, Данила вспоминалъ свои два прежніе плѣна и плакалъ, что ни въ первый, ни во второй разъ надъ нимъ никогда такого свирѣпаго тиранства не было, и почувствовалъ онъ въ себѣ противъ своихъ мучителей несносное озлобленіе, особенно противъ того молодого сильнаго варвара, который былъ черенъ какъ муриръ *) и ѣхалъ верхомъ на ворономъ конѣ въ самомъ хвостѣ каравана и подгонялъ Данилу коньемъ въ спину.

Поднимался противъ него въ Данилѣ послѣ каждого раненія такой духъ мести, что если бы сила его взяла, то онъ такъ бы на этого варвара и бросился и убилъ бы его.

А озлобляющій Данилу молодой эеіонъ все ѣдетъ въ высокомъ сѣдлѣ и бѣлыми зубами скрипитъ, а глазами ворохаетъ и все Данилу коньемъ колеть.

Привели варвары Данилу на свое становище, гдѣ у нихъ шатры раскинуты и большой и мелкій скотъ пасется. Тутъ они слѣзли съ коней, и жены, и дѣти къ нимъ изъподъ шатровъ выѣжали, одни у нихъ стали коней и верблюдовъ принимать и разсѣдывать, а другія шено въ котлахъ заварили, и вотъ всѣ стали ѣсть и Данилѣ варенаго шена на лонухѣ бросили, а сами разговариваютъ, что надо имъ это становище завтра кинуть и на другое идти, потому что здѣсь вокругъ трава жаромъ спалена и скоту голодно.

Данила же, долго живъ между варварами, понималъ ихъ разговоръ и думалъ: «ну, если завтра меня опять идти на ногахъ погонять, то я не могу, и пусть они лучше сразу убьютъ меня мечомъ или шикою».

Но за ночь вышла перемена: тотъ самый черный варваръ, который гналъ Данилу, разболѣлся страшной горяч-

*) Муриръ — черный человекъ, эеіонъ. Въ нѣкоторыхъ церковныхъ книгахъ муринами называются также бѣсы. (Перем. 46, 9).

кой, такъ что жена его копала руками холодную глину и обкладывала ему голову. Тогда другіе сказали:

— Оставимъ ихъ одинъ шатеръ здѣсь и плѣнника съ ними. Прикуемъ ему на ногу колодку и пусть онъ имъ тутъ работаетъ, а жена пусть за мужемъ смотритъ, пока онъ поправится.

Данила же радовался, что онъ отдохнетъ и раны его хоть немножко заживутъ.

Такъ караванъ и отбылъ, а одинъ шатеръ остался на старомъ мѣстѣ и при немъ конь, верблюдъ и оселъ, и при нихъ на-сторожѣ Данила, а къ нему за ногу приклепали на цѣпи толстое и тяжелое полѣно, съ которымъ наслу можно было ноги двигать.

Между варварами, какъ и между крещеными, но непро-свѣщенными людьми, есть такіе суевѣрные, которые будто въ Бога вѣрятъ, а сами любятъ примѣчать примѣты и вы-водить отъ нихъ причины вещей по своимъ догадкамъ. Женѣ варвара привидѣлось во снѣ, будто Данила принесъ имъ несчастье, и она сказала это мужу и дѣтиямъ, и стали вмѣстѣ еще жестоце озлоблять Данилу. А напоследъ эта варварка сказала своему мужу:

— Только ему и жить на свѣтѣ, что до твоей смерти. Если же ты умрешь, — то, общаюсь тебѣ, — что я убью этого плѣнника, который принесъ намъ несчастье, и зарою его въ песокъ у ногъ твоихъ. Это и будетъ за тебя отомщеніе.

Данила, какъ услышалъ это, такъ сталъ думать, что те-перь ему дѣлать? Время для размысленія было очень ко-ротко, а мечъ на его погубленіе близокъ и отточень на обѣ стороны. Прошелъ еще день и больному стало хуже, а вдобавокъ, въ шатрѣ не хватало воды. Только больному давали пить и то понемножку, а ээіонка сама не пила и Данилѣ пить не давала, но при всемъ томъ все-таки къ вечеру осталось воды въ запасномъ кубанѣ на самомъ до-нышкѣ. Данилу не хотѣли послать по воду, чтобы онъ не ушелъ, да онъ и не зналъ, гдѣ надо искать колодець, а потому поднялась сама ээіонка. Взяла она горластый му-равленый кубанъ на плечо, а грудного мальчишку подцѣ-пила покромкой за спину и пошла къ колодцу, а колодець отъ шатра былъ на полдня пути. За собою она повела

также ослепка съ пустыми мѣхами, а за мѣхами къ хвосту посадила на кострець старшую дѣвочку. Данила остался одинъ при шатрѣ, чтобы стеречь кося и верблюда и помочь повернуться больному варвару. Больной же метался въ жару и гнѣвался безъ порядка, спрашивая съ Данилы то одно, то другое, и прежде чѣмъ плѣнникъ успѣвалъ исполнить одинъ его приказъ, онъ ему заказывалъ другое наново. Данило и за верблюдомъ, и за конемъ смотрѣлъ, и отмахивалъ камышевымъ листомъ острыхъ желтыхъ мухъ, которыя садились на покрытое болѣзненнымъ потомъ лицо эоіона, и пекъ для него въ раскаленныхъ камняхъ у поднятой полы шатра катышки изъ просяной муки. А жаръ палестинскій такой, что и здоровому его нѣтъ силы вытерпѣть, не только больному, и эоіонъ все проситъ пить, и когда всю послѣднюю воду выпилъ, то сталъ говорить, будто ее выпилъ Данила.

Въ большомъ раздраженіи варваръ потянулся, досталъ изъ накаленныхъ камней одинъ и бросилъ его горячій Данилѣ въ лицо, а Данила же, не стерпѣвъ боли, схватилъ другой камень и такъ треснулъ имъ эоіона по головѣ, что тотъ и не вскрикнулъ, а протянулся ничкомъ и руки, и ноги врозь растопырилъ. Данила его приподнялъ и увидалъ, что у него уже языкъ въ зубахъ закусился и одинъ глазъ выскочилъ и у виска на жилѣ мотается и на Данилу смотритъ.

Данила понялъ, что эоіонъ убитъ, и сейчасъ же подумалъ:

«Ну, теперь мнѣ пропасть, если я не скроюсь прежде, чѣмъ вернется эоіонка!»

Хоть она женщина, но, однако, для Данилы она была страшна, потому что у него на ногахъ прикована колодка и ему несвободно защищаться.

Онъ положилъ колодную цѣпь на одинъ камень, а другимъ сталъ колотить по звеньямъ, и цѣпь разбилъ, а мотавшееся на ней тяжелое полѣно съ ноги сбросилъ; и сначала зарѣзалъ ножемъ верблюда, досталъ у него въ брюхѣ воды. Вода была не мутная, но склизкая, какъ слюна, но Данила, однако, напился ею, а потомъ сѣлъ на варварова коня и помчался по пустынѣ. Несся онъ на конѣ въ томъ направленіи, въ какомъ по его примѣтамъ надо было держать къ крещеной землѣ.

Проскакалъ Данила по знойной стѣнѣ весь день до вечера, не шая скакуна, и самъ ничего не ѣлъ и все боялся: въ ту ли онъ сторону ѣдетъ, куда нужно? Ночью, когда вывѣздило, онъ поднялъ лицо къ небу и сталъ соображать по созвѣздію Ремфана: гдѣ рубежъ крещеной земли, но въ это время добрый конь аравійскій подъ нимъ храннулъ, затрясся и упалъ на землю, придавивъ Данилѣ голень ноги.

Данила едва выпутался и сталъ побуждать коня подняться, но онъ не поднимался. Зашелъ Данила ему съ головы и видитъ, что у него ясный мѣсяць въ утомленныхъ большихъ глазахъ играетъ и отражаетъ, какъ одинъ братъ убиваетъ другого.

Данила понялъ, что конь уже никогда больше не встанетъ, и пошелъ дальше пѣший.

Шелъ онъ всю ночь и, мало заснувъ, на зарѣ опять поднялся и шелъ до полуденнаго зноя, и вдругъ сталъ чувствовать, что ноетъ у него придавленная голень и изнемогаютъ всѣ его силы отъ усталости, отъ жажды и голода.

Пошелъ онъ еще черезъ большую потугу, разнемогся еще болѣе и упалъ съ ногъ долой, и все передъ нимъ помутнѣло и въ очахъ, и въ разумѣ, и пролежалъ онъ такъ незнаемый часъ, доколѣ почувствовалъ прохладу и, раскрывъ глаза, увидалъ надъ собою созвѣздіе Ремфана и всѣ другія звѣзды въ густой синевѣ ночного аравійскаго неба.

Шевельнулъ Данила руками и ногами, а ни ноги, ни руки его не слушаютъ,—только одна память ясно свѣтитъ. Вспомнилъ Данила, откуда онъ ушелъ и куда стремится, и какъ онъ шелъ изъ перваго и изъ втораго плѣна, и насколько послѣдній, третій плѣнъ, былъ для него тягостнѣе; въ первый разъ онъ могъ научить людей доброму, да ушелъ и не научилъ, а во второй разъ довѣрія лишился, а въ третій съ нимъ уже обращались немилостиво и все ему шло хуже до той поры, пока онъ убилъ камнемъ варвара, зарѣзалъ ножомъ верблюда, задушилъ усталостью чужого коня и теперь вотъ онъ самъ въ такомъ положеніи, что его или хищный звѣрь растерзаетъ, или встрѣчный варваръ опять въ новый плѣнъ возьметъ, а тамъ, когда эѳионка возвратится въ шатеръ и увидитъ убитаго мужа, то какъ она начнетъ ужасно стнать, какъ будетъ биться и проклинать его, который сдѣлалъ ее вдовою, а дѣтей ея—сиротами... А самъ эѳионъ лежитъ передъ нимъ, какъ и прежде, растопыривъ

руки и ноги, и косить на Данилу оторваннымъ глазомъ. И сдѣлалось отъ этого взгляда Данилъ такъ жутко и страшно, что онъ посиѣшилъ закрыть свои глаза, но темный эѳіонъ въ немъ внутри отражается. Не грозитъ, не рошцетъ и о дѣтихъ не тоскуетъ, а только тихо устами двигаетъ.

«Что такое онъ мнѣ говоритъ?» подумалъ Данила, а эѳіонъ въ немъ отвѣчаетъ:

— Я, братъ, теперь въ тебѣ поживу.

Послѣ того опять забылся и опять черезъ неизвѣстное время пришелъ въ себя Данила, и было это на вечерней зарѣ, а первое, что онъ ощутилъ, это съ нимъ вмѣстѣ пробудился въ немъ и эѳіонъ.

Данила сталъ осуждать себя, зачѣмъ онъ убилъ эѳіона?

— Если бы не было это противно духу Божію, не болѣлъ бы во мнѣ духъ мой и черный эѳіонъ не простерся бы во всю мою совѣсть. Заповѣдь Божія прима: «не убей». Она не говоритъ: «не убей искренняго твоего, но убей врага твоего», а просто говоритъ «не убей», а я ее нарушилъ, убилъ человѣка и не могу поправить вины моей. Училъ я другихъ, что всѣ люди братья, а самъ поступилъ какъ извергъ,—освирѣпѣлъ какъ звѣрь и пошелъ громоздить зло противъ зла, и сдѣлалъ и убійство, и хищничество, и разореніе, и содѣлалъ, что жена человѣка стала вдовой, а дѣти его сиротами... И зато я чувствую, что осужденъ я въ духѣ моемъ и приставленъ ко мнѣ простирающійся во мнѣ истязатель. Встану скорѣй и пойду назадъ въ пустыню, откуда бѣжалъ, найду шатеръ варвара и его вдову и сиротъ, — повинюся передъ нею въ убійствѣ и отдамъ себя на ея волю: если хочеть, пусть обратитъ меня въ раба, и я буду вѣчно трудиться для нея и ея сиротъ, а если хочеть— пусть отдастъ меня на судъ кровныхъ своихъ, и приму отъ нихъ отмщеніе.

Сказавъ это себѣ, Данила поднялся и пошелъ на дрожащихъ ногахъ въ обратную сторону, а эѳіонъ былъ съ нимъ и говорилъ:

— Иди, Данила, на рабство и на казнь,—иди, не опаздывай, чтобы не было тебѣ еще что-нибудь худшее, потому что ты убилъ человѣка, ты расхитилъ его имѣніе и сдѣлалъ жену его вдовою, а дѣтей его сиротами. Не ищи оправданія ни въ какой хитрости, потому что не дозволено убивать никого.

И еще шелъ Данила и увидалъ падалъ загнуаннаго имъ гарварскаго коня, надъ которымъ теперь сидѣли орлы и рвали его внутренности...

Но сколько онъ дальше ни шелъ—не находилъ ни шатра, ни верблюда, а сталъ чувствовать, что силы его оставляютъ и всѣ слѣды и примѣты пустыни въ глазахъ его путаются.

Видитъ Данила вокругъ себя махровые кринны и обло-снѣжныя долины, а между нихъ человѣчьи и верблюжьи слѣды и туда и сюда по стени перекрещены во всѣ стороны, и надо всѣмъ то свѣтъ сверкнетъ, то вихорь завьется, а въ немъ самомъ, въ глубинѣ его духа, будто тьма застилаетъ все и обнимаетъ его эоюпъ и валитъ его какъ комъ въ извѣтренную горячую пыль и самъ въ немъ ложится и за-сыпаетъ...

«О, горе!—подумалъ Данила:—это вѣдь ангель тьмы по-сылается въ плоть мѣ! Какое есть отъ него избавленье?»

Не придумалъ онъ себѣ избавленія и не скоро послѣ этого открылъ опять свои глаза Данила, а открывши, долго не могъ опознаться: въ какомъ онъ мѣстѣ находится. Чувствуетъ онъ въ воздухѣ палящій зной, на небѣ горитъ огнемъ жгучее солнце, но онъ заслоненъ отъ припека,—кто-то при-бралъ его въ тѣнь,—онъ лежитъ на сухомъ тростникѣ подъ окопцемъ. Въ окопцѣ прохладно за оградой изъ сложенныхъ камней, по камнямъ ползутъ желтыя илети тыквы, а какъ разъ противъ его глазъ бѣлый мѣловой срѣзь и въ немъ узкій входъ въ мѣловую пещерку, возлѣ входа сидитъ на колѣняхъ старичокъ и плететъ руками корзинку.

Старичокъ какъ замѣтилъ его пробужденіе — сейчасъ и заговорилъ ласковымъ голосомъ:

— Будь благословенъ Господь, возвращающій тебя къ жизни. Сейчасъ я подамъ тебѣ воды.

Данила спросилъ:

— Какъ твое имя, авва?

— Имя мое «грѣшникъ»,— отвѣчалъ старичокъ:—но не тревожь себя разговоромъ, укрѣпись и тогда побесѣдуемъ. А пока знай, что ты находишься среди христіанъ на бого-шественной горѣ Синаѣ, а это моя пещерка, гдѣ я прожилъ уже сорокъ лѣтъ, а привезъ тебя сюда христіанскій кара-ванъ, который поднялъ тебя сожженного солнцемъ и дш-шеннаго чувствъ въ дикой пустынѣ.

Когда же Данила обмогнулся, онъ разсказалъ пустынику все, что съ нимъ было, ничего не утаивъ, и выразилъ скорбь свою и жалобу: какъ мучить его совѣсть за убійство человѣка, и сталъ просить у старца совѣта. Старецъ же ему отвѣчалъ:

— Я простой, бѣдный грѣшникъ, и не умудренъ, чтобы подавать совѣты, гдѣ нужно большое познанье. Насъ, неученыхъ, стали теперь вразумлять патріархи. Иди въ Александрію къ Тимоою—онъ въ санѣ великомъ и знаетъ какъ судить всякое дѣло.

Данила всталъ и пошелъ въ далекій путь въ Александрію, гдѣ въ ту пору сидѣлъ на патріаршемъ престолѣ Тимоей Элуръ *).

Данила пошелъ къ патріарху.

Патріархъ былъ занятъ тѣмъ, какъ въ это время стояли церковные споры Византіи съ римскимъ папою, и, выслушавъ бѣднаго пришлеца, сказалъ ему:

— Что ты напрасно нудишь себя и безъ дѣла докучаешь пустяками нашему смиренію. Ты былъ въ неволѣ насилемъ и въ томъ, что ты убилъ некрещенаго варвара, тебѣ нѣтъ никакого грѣха.

— Но меня мучить моя совѣсть—я заповѣдь помню, которою никого убивать не позволено.

— Убійство варвара къ тому не подходитъ. Это не то, что убійство человѣка, а все равно, что убійство звѣря; а если боишься отвѣта—иди въ храмъ убѣжный.

Но Данила искалъ не того и не утѣшили его слова Тимоея.

— Можетъ быть правду о немъ говорятъ, что онъ не право держитъ ученіе Христово. Не пощажу трудовъ моихъ у пойду въ Римъ къ папѣ,—онъ вѣрно иначе разсудитъ и научитъ меня, что мнѣ сдѣлать.

Пришелъ Данила въ Римъ и удостоился предстать папѣ, который собирался тогда въ Византію и обдумывалъ: какъ согласить то, что ранѣе объявили за несогласное **).

*) Айлоброс—вертунъ, переметчикъ, вертикавость. Онъ былъ монофизитъ, но поддавался по обстоятельствамъ къ чему выгоды представлялось (См. Церк. Ист. Гассе).

***) Папа римскій упоминается въ старыхъ книгахъ, употребляемыхъ въ русскомъ старовѣріи, которое къ «старому Риму» относится съ уваженіемъ.

Папа его выслушалъ и говоритъ:

— Тебѣ хорошо сказалъ патріархъ александрійскій,— я съ нимъ въ другомъ не соглашаюсь, а въ этомъ согласенъ: убійство варвара—это совѣтъ не то, что запрещено заповѣдью. Иди съ миромъ.

— Благодарю, твое святѣйшество, но только яви мнѣ милость—укажи во святомъ Христовомъ Евангеліи то мѣсто, гдѣ это такъ изъясняется?

— Для чего это тебѣ? Какъ ты смѣешь не вѣрить папѣ!

— Прости мнѣ,—отвѣтилъ Данила:—слухъ мой слова твои слышитъ и хочу тебѣ вѣрить, но совѣсть не принимаетъ: съ часа убійства я вижу ее въ чернотѣ эіона и черезъ то не могу быть въ мирѣ.

Папа оналися на Данилу и сказалъ ему выйти воцъ.

Данила удалился, но все чувствовалъ, что мира въ немъ нѣтъ,—что совѣсть его попрежнему говоритъ то же самое, что внималъ съ перваго раза въ пустынѣ, и ни папа, ни патріархъ его эіона не умыли.

— Нельзя мнѣ такъ это дѣло оставить,—подумалъ Данила:—эти оба священства теперь сильно заняты другимъ—какъ имъ другъ друга оспорить, но вѣдь, кромѣ ихъ, есть еще и другіе патріархи, которые, можетъ-быть, иначе уметвуютъ. Мнѣ не сладить съ собою и я себя не пожалѣю: пойду ко всѣмъ патріархамъ, въ Ефесъ и въ Ерусалимъ, въ Царьградъ и въ Антіохію. Который-нибудь изъ сидящихъ на престолахъ патріарховъ умудритъ меня и скажетъ, какъ я могу убѣлить терзающаго меня эіона.

Пошелъ Данила въ Ефесъ, добился свиданія съ тамошнимъ патріархомъ и открылъ ему объ убійствѣ варвара и объ отвѣтахъ александрійскаго патріарха и римскаго папы и, кланаясь, сказалъ ему:

— Помилуй меня, святой отецъ,—дай мнѣ средство утолить муки моей совѣсти. Папа и святѣйшій Тимофей тебѣ не указъ, ты самъ напоенъ божественной мудрости и зришь въ тайны Божіи: капни каплю благоразумія твоего въ мой обѣдннй разумъ; скажи, что мнѣ дѣлать?

Ефесскій патріархъ отвѣчалъ, что онъ, конечно, имѣетъ свой даръ пронцать въ тайны смотрѣннй, не нгытая ума у Тимофея и папы, но па тотъ счетъ, о чемъ Данила проситъ,

опъ согласепъ и съ Тимооеемъ, и съ папою: убить варвара вовсе не противно ученію христіанскому.

— Вотъ я только въ этомъ и хочу удостовѣренія: покажи мнѣ это въ словѣ Христовомъ?

Патріархъ ефесскій не показалъ, а сказалъ: «Что тебѣ еще надо! Ты невѣжда», — и не захотѣлъ съ Данилою больше разговаривать, а отпустилъ его, какъ и прежніе, — съ миромъ.

Отправился Данила въ Царьградъ, въ Іерусалимъ и въ Антиохію и исповѣдывалъ свою совѣсть патріархамъ царьградскому, іерусалимскому и антиохійскому, и всѣ они, хотя объ иномъ, чего Данила и понять не старался, рассуждали другъ съ другомъ не сходно, но насчетъ убійства челоуѣка другой вѣры всѣ были одного мнѣнія: всѣ сказали, что убить иновѣрца и обидчика это вовсе не грѣхъ, и что Данилъ совѣмъ не о чемъ скорбѣтъ, что онъ убилъ варвара.

— Но что же мнѣ сдѣлать съ эѳіопомъ! Вы не знаете, какъ черепъ и смраденъ эѳіопъ, который живетъ въ моей совѣсти,—говорилъ имъ Данила.

А они ему отвѣчали:

— Перестань мыть этого эѳіопа,—это все равно, что бороздить огонь и варить камни.

Данила не зная больше высокоосвященныхъ владыкъ и съ горя рѣшился идти въ свой городъ, откуда былъ родомъ, чтобы предстать тамъ своему князю и просить надъ собою суда за убійство.

И когда Данила легъ спать въ эту ночь, онъ увидѣлъ въ полуснѣ совѣсть свою: она уже не была такъ черна, какъ муринъ, а показалась ему смуглою какъ дитя, рожденное отъ эѳіопки и эллина.

Добрался Данила до своего города и, не разыскивая сродниковъ, сталъ похаживать около княжаго терема, съ надеждою увидать кого-нибудь изъ княжескихъ отроковъ и просить ихъ иривести его передъ лицо князя.

Отроки спали, а замѣтилъ Данилу княжій прислѣбникъ и закричалъ на него:

— Что ты здѣсь, нѣтягъ лѣнливый, болтаешься. Вѣрно усталъ и оголодалъ отъ праздности и пришелъ сюда обнюхивать кухонные очаги у князя! Здѣсь нѣтъ для тебя лакомыхъ свѣдей!

А Данила отвѣтилъ:

— Я не ишу обонять очаги, чтобы насытиться лакомыхъ снѣдей, и совсѣмъ не забочусь о моемъ внутреннемъ мѣшкѣ. Если бы я хотѣлъ откармливать себя какъ птицу, жирѣющую въ потьмахъ невѣдѣнія, я не обошелъ бы столько, сколько обошли мои ноги.

Приснѣникъ подумалъ: быть-можетъ, это отецъ Мартянъ, который въ два года обѣжалъ сто шестьдесятъ четыре города, скрываясь отъ женщинъ, и все-таки вездѣ ихъ находилъ,—и онъ закинулъ за плечи свой фартукъ и положилъ ложку, которою снималъ иѣну, и сказалъ:

— Я, пожалуй, налью тебѣ сочнаго варева и отрѣжу печенаго мяса, а ты съѣшь поскорѣй и Расскажи мнѣ: какъ ты отъ женщинъ бѣжалъ и какъ онѣ за тобой гнались, и какимъ родомъ тебя соблазнили.

Данила отвѣтилъ, что онъ ни взвара, ни мяса не хочетъ и женщины ему нигдѣ жить не мѣшали.

— Такъ чего-жъ тебѣ нужно и зачѣмъ ты пришелъ?

— Я убилъ человѣка и мучаюсь отъ этого въ совѣсти. Я уже обошелъ всѣхъ патріарховъ и папу и всѣмъ каялся.

— Вотъ ты счастливецъ, сколько ты видѣлъ святыни. Это не то, что я, несчастный, верчусь у моего очага. Хочешь я тебя угощу крыломъ красной иглицы, а ты мнѣ скажи поскорѣй, что сказали тебѣ патріархи и папа?

— Они мнѣ сказали, что на мнѣ иѣтъ грѣха за убійство, но я этого не чувствую, и пришелъ теперь къ князю.

— А это ты и напрасно едѣлалъ, — сказалъ приснѣникъ. — Я отъ природы охотникъ все знать, и скажу тебѣ прямо, что если тебѣ не удовольнись своимъ прощениемъ патріархъ, носящій образъ великаго Марка, то можетъ ли князь что-нибудь тебѣ сдѣлать. Онъ тебѣ не проститъ убійства.

— Вотъ я того-то и желаю, — отвѣчалъ Данила.

— Ты хочешь получить смертное наказаніе?

— Я хочу получить то, чего я достоинъ, чтобы духъ мой отстрадалъ свою вину и очистился.

— А это тоже любопытное дѣло: у князя есть судбищное мѣсто, гдѣ онъ садится и разбираетъ народъ. Ты положи здѣсь вотъ эту лепешку, а я разбуду князьихъ отроковъ и приду послушать, когда князь разберетъ твое дѣло: велитъ ли онъ тебя распять на деревѣ, или прикажетъ тебя отвести на потраву въ звѣринецъ.

Приспѣшникъ побѣжалъ сказать о Данилѣ княжымъ отрокамъ, а тѣ взяли его, отвели къ темничному стражу и велѣли держать подъ крѣпкимъ карауломъ, пока князь захочетъ судить людей и тогда его потребуетъ.

Набили Данилѣ на шею тяжелую колодку и бросили его въ яму надолго.

Дожидался Данила въ ямѣ княжяго суда не день, не два и не мѣсяць, а много лѣтъ; во все это время князь былъ то на ловахъ, то въ бояхъ, на пирахъ и въ ристаньяхъ, по, наконецъ, разъ онъ воротился въ свой столичный городъ и, всѣми иными дѣлами наскучивъ, захотѣлъ разсудить ожидавшихъ его связней. Вышелъ для этого князь изъ терема и сѣлъ на свое мѣсто, а отроки начали подводить къ нему одного за другимъ виноватыхъ и сказывать на нихъ вины, какими кто преступился.

Князь всѣхъ разсудилъ и приказалъ, кто кому долженъ заплатить и кого за какую провинность чѣмъ наказать надо, а когда дѣло дошло до Данила, то отроки о немъ сказали:

— Этотъ старый человѣкъ, котораго видишь (ибо Данила уже состарѣлся)—явился самъ на твой судъ по своей доброй волѣ. Онъ сказываетъ на себя убійство человѣка, а гдѣ и надъ кѣмъ онъ то убійство сдѣлалъ, это онъ тебѣ одному откроетъ.

Князь удивился, что Данила уже старъ и слабъ—такъ, что едва ли онъ могъ съ кѣмъ-нибудь сильничать и кого-нибудь убить?

А Данила ему отвѣчаетъ:

— Это я состарѣлся, княже, отъ моего грѣха. Истерзала меня совѣсть, въ которой я много лѣтъ волочу эеіона, но когда я сдѣлалъ убійство, я тогда былъ еще молодъ. Дозволь рассказать тебѣ все и разсуди меня, какъ бы я только вчера сдѣлалъ мой грѣхъ.

— Хорошо,—сказалъ князь:—я тебѣ это обѣщаю.

Данила и рассказалъ князю все и прибавилъ, какъ онъ ходилъ ко всѣмъ патриархамъ и къ папѣ, и что они ему отвѣчали.

— Что же: неужели тебя это не облегчило?—вопросилъ князь.

— Нѣтъ, мнѣ стало еще тяжелѣе.

— Отчего?

— Оттого, княже, что я началъ думать: не закрыли бѣ отъ глазъ нашихъ слово Христово слова человѣческа, тогда отбѣжить отъ людей справедливость и законъ христіанской любви будетъ имъ все равно какъ бы неизвѣстенъ. Я боюсь соблазна и не ищу далѣе вразумленія отъ освященныхъ, а предсталъ предъ тобою и прошу себѣ кары за смерть человѣка.

И Данила упалъ и простерся передъ княземъ на землю.

Князь же, взглянувъ на Данилу пристальнымъ взглядомъ и видя на лицѣ его слезы и терзающую скорбь, отвѣчалъ:

— Старикъ, ты смутилъ меня. Давно не видалъ я того, что на лицѣ твоёмъ вижу: вотъ ты имѣешь добрую совѣсть и я вижу, что ее носить не легко. Радъ бы тебѣ я помочь, но суда патріарховъ я отмѣнять не могу, а, какъ князь, въ своёмъ смыслѣ еще нѣчто добавлю. Если бы ты убилъ человѣка нашего княжества и святой вѣры нашей, тогда я бы тебя осудилъ къ платажу, или къ казни на смерть, но какъ же я тебя осужу, когда ты убилъ врага-супостата, некрещенаго варвара! Не они ли, скажи, дѣлають изъ-за рубежа набѣги на княжество наше, не они ли угоняютъ нашъ скотъ и уводить людей? Какъ же намъ ихъ жалѣть?.. По-моему, ты хорошо сдѣлалъ, что убилъ одного варвара, а еще бы лучше сдѣлалъ, если бы убилъ семерыхъ варваровъ, тогда бы ты отъ меня еще большей хвалы былъ бы достоинъ.

Данила же, услыхавъ это княжесъ слово, ощутилъ въ груди своей живую бодрость и сказалъ:

— О, князь! хорошо ты говоришь объ угнatomъ скотѣ, но жалко, что о забытомъ Христѣ плохо знаешь: мечъ изощряешь, мечомъ погубляешь и самъ отъ меча можешь погибнуть.

И сталъ Данила вдругъ горячо говорить изъ Христовыхъ словесъ о врагахъ, и такъ проиалъ всѣхъ, что князь пощипъ головою и все его слушалъ, а потомъ сказалъ:

— Иди, авва, слово твое вѣрно, да въ насъ не мѣстится, ибо наше благочестіе со властію сопряжено и страхомъ ограждается, — и, не глядя на Данилу, князь поднялся и пошелъ къ себѣ въ теремъ, а отрокамъ своимъ велѣлъ хорошо накормить Данилу, дать ему одежду и отпустить, куда хочетъ. Но Данила велѣлъ сказать поклонъ князю, по ни хлѣба, ни соли ѣсть не сталъ и одежды не принялъ, и не

пошелъ въ городъ, потому что тамъ всё въ заботахъ какъ въ волнахъ на тонувшемъ кораблѣ заливаются, а пошелъ за городъ, какъ былъ, въ своемъ рубищѣ. Пройдя много, онъ очутился въ далекомъ, безмолвномъ и возвышенномъ мѣстѣ, откуда передъ нимъ открывалась безбрежная степь. Душѣ Данилы здѣсь стало легче, чѣмъ было въ Римѣ и въ Византіи, и передъ судилищемъ князя; жизнь его быстро пробѣгала теперь передъ нимъ, какъ скороходъ на площади, и онъ всю ее снова увидѣлъ. Онъ припомнилъ, какъ отбѣжалъ бодрый отъ рукъ матери, а до теперешней черты достигъ утомленный, и на зло себѣ слышишь, что все его горе совсѣмъ будто и не горе, никто его не осуждаетъ за то, что онъ убилъ человека иной вѣры и иной державы, а еще всё ему въ ладони плещуть, но зато эѳіонъ его своего мѣста держится: онъ только мало посвѣтлѣлъ, но сидитъ въ немъ попрежнему.

— Немилосердный ты! — воскликнулъ, ударивъ себя въ грудь, Данила. — Куда я тебя ни посылъ, кому я тебя ни показывалъ, никто мнѣ не далъ средства убѣлить твою безобразіе: чего же ты отъ меня хочешь?

А эѳіонъ ему отвѣчалъ:

— Слѣпецъ ты, бѣдный Данила! Какъ это ты во столько лѣтъ не умѣлъ узнать: кто тебѣ другъ и кто недругъ? Я твой другъ, потому что я не даю тебѣ покоя, а ты себѣ врагъ, потому что ты ищешь забыть меня. Безъ меня ты могъ бы остаться съ обольщеніемъ, которое бы тебя погубило.

Данила подумалъ и понялъ, что гнетущую его совѣсть вънаправду надо считать не за кару неумолимаго Бога, а за доброе напоминаніе, не допустившее Данилу до легкаго усиленія себя, и онъ обрадовался и, заплакавъ отъ счастья, воскликнулъ:

— Какъ благъ Ты, о Боже, меня наказуя! Но гдѣ же, о гдѣ взять исцѣленья тому, кто угасилъ свѣтильникъ жизни, не имъ запаленной?

— Какъ пролитой на землю воды не сберешь обратно въ кувшинъ, такъ не возвратишь и жизнь тому, у кого ее отнял, — прозвучалъ эѳіонъ. — И ты долженъ былъ это знать и, сдѣлавъ зло, не тратить силы и время на разговоры, а долженъ былъ дѣлать дѣло.

— Но что же я могу дѣлать?

— Смотри не такъ высоко, а пониже.

Данила встрепенулся и сталъ вглядываться въ даль по землѣ. Опять онъ видитъ ту же сухую степь, но за то впереди себя, и невдалекѣ, замѣчаетъ что-то ни на что не похожее. Лежитъ что-то такое не имѣющее вида,—что-то одного цвѣта съ пылью, не живое и не мертвое,—будто какъ комъ земли, а межъ тѣмъ содрогаются.

Данила всталъ и пошелъ къ этому неподобию и увидѣлъ зловоннаго прокаженнаго человѣка, у котораго уши и носъ, и персты на рукахъ и ногахъ—все отпало, и черепъ обнажился, и глаза выпали,—а зѣла только одна пустая пасть на мѣстѣ рта и оттуда исходитъ невыразимый смрадъ и сильное шипѣніе.

«Кто его сюда занесъ и кто его здѣсь поить и кормить? — подумалъ Данила. — Но пока не вижу того, кто о немъ заботится, пойду, принесу для него пищи и напою его водою».

Отыскалъ Данила воды и принесъ въ пригоршняхъ и съ ужасомъ сталъ вливать ее въ пасть прокаженному, а потомъ остался ждать того, кто придетъ и уберетъ его на почъ. Но никто не приходилъ, а межъ тѣмъ спустилася тьма и сдѣлался рѣзкій холодъ, и прокаженный началъ ежиться и щелкать пастью. Это было такъ странно, что не только сердце, но всѣ кости въ Данилѣ затрепетали, и онъ вдругъ понялъ, что ему надо дѣлать, и сказалъ себѣ:

— Вотъ мнѣ урокъ и работа. За то, что я смѣлъ считать Бога безсильнымъ измѣнить къ добру живую душу варвара и убилъ его, я долженъ отдать мою жизнь тому, кто безъ надежды страдаетъ. Стану служить этому безнадежному трупу, доколѣ въ немъ тлѣетъ угасающій уголь его жизни.

И Данила снялъ съ себя, какое на немъ было, ветхое лохмотье и одѣлъ имъ прокаженнаго, а самъ остался голый. Потомъ онъ опять нашелъ воду и еще разъ напоилъ больного изъ своихъ ладоней; потомъ отыскалъ въ глинищѣ ущелинку, раскопалъ ее пошире руками и спелъ туда прокаженнаго. Къ тѣлу Данилы прилипали струнья и гной прокаженнаго, но ему не было скверно и онъ не боялся заразиться. Онъ нашелъ дѣло и сталъ жить около прокаженнаго, ходя днемъ на торгъ, на подешницу, а ввечеру приносилъ прокаженному пищу. Такъ и шло, пока узнали, что онъ сообщается съ прокаженнымъ и не стали его пу-

скать въ городъ. Тогда онъ насѣялъ бобовъ, они скоро выросли, и Данила, и прокаженный—оба ими питались.

Когда же прокаженный совсѣмъ распался и жизнь его оставила, тогда Данила понялъ, что ему надлежало бы начать съ первой минуты, когда онъ совершилъ грѣхъ, убивъ варвара, но теперь онъ былъ уже старъ и не могъ принести людямъ такой пользы, какую могъ бы приносить въ хорошей порѣ своей.

— О, Данила! Данила,—сказалъ онъ себѣ:—не драь бы тебѣ взоры высоко, а давно глядѣть бы по землѣ, да искать, кому ты могъ быть полезенъ. А теперь вотъ и издыхай какъ старый песъ: ты уже никому ни на что не годишься.

— О, авва, авва! Какъ я тебя ищу, и какъ ты мнѣ нуженъ!—прозвучалъ къ нему голосъ, и Данила увидалъ передъ собою юношу въ пышной одеждѣ.

— Авва,—началъ онъ:—я пришелъ къ тебѣ издали: я былъ большой грѣшникъ.

— Что же дѣлать. Исправься.

— Да, я узналъ, въ чемъ ученье Христа, и хочу жить по его примѣру.

— Ты блаженъ,—отвѣчалъ Данила.

— Я разстался съ людьми и пришелъ къ тебѣ, чтобы быть твоимъ ученикомъ.

— Если тебя коснулася любовь Христа, то тебѣ уже непристойно быть ни чѣмъ ученикомъ.

— Такъ ты, по крайней мѣрѣ, хоть однажды поруководи меня.

— Хорошо. Только будь мнѣ послушенъ.

— Ей, авва, буду.

— Оставайся при одномъ учении Христа и иди служить людямъ.

ЛЕВЪ СТАРЦА ГЕРАСИМА.

ВОСТОЧНАЯ ЛЕГЕНДА.

Триста лѣтъ послѣ Иисуса Христа жилъ на Востокѣ богатый человѣкъ, по имени Герасимъ. У него были свои дома, сады, болѣе тысячи рабовъ и рабынь и очень много всякихъ драгоценностей. Герасимъ думалъ: «мнѣ ничто не страшно», но когда онъ одинъ разъ сильно заболѣлъ и едва не умеръ, тогда онъ началъ размышлять иначе, потому что увидалъ, какъ жизнь человѣческая коротка и что болѣзни нападаютъ отовсюду, а отъ смерти не спасетъ никакое богатство, а потому не умнѣ ли будетъ заранѣе такъ распорядиться богатствомъ, чтобы оно на старости лѣтъ не путало, а потомъ бы изъ-за него никто не ссорился.

Сталъ Герасимъ съ разными людьми совѣтоваться: какъ ему лучше сдѣлать. Одни говорили одно, а другіе другое, но все это было Герасиму не по мыслямъ.

Тогда одинъ христіанинъ сказалъ ему:

— Ты хорошо сдѣлаешь, если поступишь съ своимъ богатствомъ, какъ совѣтуетъ Иисусъ Христосъ: — ты отпусти своихъ рабовъ на волю, а имущество раздай тѣмъ, кто страдаетъ отъ бѣдности. Когда ты сдѣлаешь такъ, ты будешь спокоенъ.

Герасимъ послушался, — онъ сдѣлался христіаниномъ и роздалъ все свое богатство бѣднымъ, но вскорѣ увидѣлъ, что, кромѣ тѣхъ, которыхъ онъ надѣлилъ, осталось еще много неимущихъ, которымъ онъ уже ничего не могъ дать, и эти стали его укорять, что онъ не умѣлъ раздѣлять свое богатство такъ, чтобы на всѣхъ достало.

Герасимъ огорчился: ему было прискорбно, что одни его бранятъ, а другіе надъ нимъ смѣются, что онъ прежде жилъ достаточно, а теперь, все раздавши, и самъ бѣдствуетъ,

и всѣхъ наслѣдниковъ обидѣлъ, а всѣхъ нищихъ все-таки не поправилъ.

Стало отъ этого Герасиму очень смутительно, и чтобы не терпѣть досажденій отъ наслѣдниковъ, Герасимъ поднялся и ушелъ изъ люднаго мѣста въ пустыню. А пустыня была дикая, гдѣ не жилъ ни одинъ человѣкъ, а только рыскали звѣри, да ползали змѣи.

Походилъ Герасимъ по жаркой пустынѣ и почувствовалъ, что здѣсь ему лучше. Тутъ хоть глухо и страшно, но зато наслѣдники его не бранить и не проклинаютъ, и никто надъ нимъ не смѣется и не осуждаетъ его, что онъ такъ, а не этакъ сдѣлалъ. А онъ самъ спокоенъ, потому что поступилъ по слову Христову: «отдай все и иди за Мною»,— и больше не о чемъ беспокоиться.

Нашелъ Герасимъ норку подъ мѣловымъ камнемъ, натаскалъ туда тростника и сталъ жить здѣсь.

Жить Герасиму было тихо, а ѣсть и пить нечего. Онъ съ трудомъ находилъ кое-какіе съѣдобные корни, а за водою ходилъ на ручей. Ключъ воды былъ далеко отъ пещерки, и пока Герасимъ напьется да подойдетъ назадъ къ своей норкѣ, его опять всего опалить; и звѣрей ему страшно, и силы слабѣютъ, и снова пить хочется. А ближе, возлѣ воды, нѣтъ такого мѣста, гдѣ бы можно спрятаться.

— Ну,—думаетъ разъ въ большой жаръ Герасимъ:—миѣ этой муки не снестъ: вылѣзешь изъ моей мѣловой норки, надо сгорѣть подъ солнцемъ; а здѣсь безъ воды и долженъ умереть отъ жажды, а ни кувшина, ни тыквы, никакой другой посуды, чтобы носить воду, у меня нѣтъ. Чтò миѣ дѣлать? Пойду,—думаетъ Герасимъ,—въ послѣдній разъ къ ключу, напьюсь и умру тамъ.

Пошелъ Герасимъ съ такимъ рѣшеніемъ къ водѣ, и видитъ на пескѣ слѣды, — какъ будто бы здѣсь прошелъ караванъ на ослахъ и верблюдахъ... Смотритъ онъ дальше и видитъ, что лежитъ тутъ одинъ растерзанный звѣремъ верблюдъ, а не вдалекѣ отъ него валяется еще живой, но только сильно ослабѣвшій, осликъ и тяжело вздыхаетъ, и пожатками дрыгаетъ, и губами смочетъ.

Герасимъ оставилъ безжизненнаго верблюда валяться, а объ осликѣ подумалъ: этотъ еще жить можетъ. Онъ только отъ жажды затомился, потому что караванчики не знали,

гдѣ найти воду. Прежде чѣмъ мнѣ самому помереть, попробую облегчить страданіе этого бѣднаго животнаго.

Герасимъ приподнялъ ослика на ноги, подцѣпилъ его подъ брюхо своимъ поясомъ и сталъ волочь его, и доволоть до ключа свѣжей воды. Тутъ онъ обтеръ ослу мокрой ладонью запекшуюся морду и сталъ его изъ рукъ понавивать, чтобы онъ сразу не ошылся.

Осликъ ожилъ и поднялся на ножки.

Герасиму жаль стало его тутъ бросить, и онъ повелъ его къ себѣ, и думалъ:

— Помучусь я еще съ нимъ—окажу ему пользу.

Пошли они вмѣстѣ назадъ, а тѣмъ временемъ огромный верблюдъ уже совсѣмъ почти былъ съѣденъ; и въ одной сторонѣ валялся большой лохмотъ его кожи. Герасимъ пошелъ взять эту кожу, чтобы таскать въ ней воду, но увидѣлъ, что за верблюдомъ лежитъ большой желтый левъ съ гривой, — отъ сытости валяется и хвостомъ по землѣ хлопаетъ.

Герасимъ подумалъ: «ну, должно-быть, мой конецъ: навѣрно этотъ левъ сейчасъ вскочитъ и растерзаетъ и меня, и осленка». А левъ ихъ не тронулъ, и Герасимъ благополучно унесъ съ собой лохмотъ верблюжьей кожи, чтобы сдѣлать изъ нея мѣшокъ, въ который можно наливать воду.

Набралъ тоже Герасимъ по пути острыхъ сучьевъ и сдѣлалъ изъ нихъ ослику загородочку, у самой своей норки.

«— Тутъ ему будетъ ночью свѣжо и спокойно»,—думалъ старецъ, да и не угадалъ.

Какъ только на дворѣ стемнѣло, вдругъ что-то будто съ неба упало надъ пещеркой, и раздался страшный ревъ и ослиный крикъ.

Герасимъ выглянулъ и видить, что давешній страшный левъ протрясъ первую сытость и пришелъ съѣсть его осла, но это ему не удалось: прыгнувъ съ разбѣга, левъ не замятилъ ограды и воткнулъ себѣ въ пахъ острый сукъ и взревѣлъ отъ невыносимой боли.

Герасимъ выскочилъ и началъ вынимать изъ раны звѣря острые спицы.

Левъ отъ боли весь трясся и страшно ревѣлъ и порывилъ хватить Герасима за руку, но Герасимъ его не пугался и всѣ колючки повывнулъ, а потомъ взялъ верблюжью

кожу, взвалилъ ее на ослика и погналъ къ роднику за свѣжей водою. Тамъ у родника онъ связалъ кожу мѣшочкомъ, набралъ ее полною водою и пошелъ опять къ своей норѣ.

Левъ во все это время не тронулся съ мѣста, потому что раны его страшно болѣли.

Герасимъ сталъ омывать раны льва, а самъ подносилъ къ его разинутой пасти воду въ пригоршнѣ, и левъ лаялъ ее воспаленнымъ языкомъ съ ладони, а Герасиму было не страшно, такъ что онъ самъ надъ собою удивлялся.

Повторилось то же на другой день и на третій, стало льву легче, а на четвертый день, какъ пошелъ Герасимъ съ осломъ къ роднику, — посмотрѣть, — приподнялся и левъ и тоже вслѣдъ за ними пошелъ.

Герасимъ положилъ льву руку на голову, и такъ и пошли рядомъ трое: старикъ, левъ и осленокъ.

У ключа старецъ свободной рукою омылъ раны льва на вольной водѣ, и левъ всеѣмъ освѣжѣлъ, а когда Герасимъ пошелъ назадъ, и левъ опять пошелъ за нимъ.

Ставъ старикъ жить со своими звѣрями.

У старца выросли тыквы, онъ началъ ихъ сушить и дѣлать изъ нихъ кувшины, а потомъ сталъ относить эти кувшины къ источнику, чтобы они годились тѣмъ, у кого не во что захватить съ собою воды. Такъ жилъ Герасимъ и самъ питался, и другимъ людямъ по силѣ своей былъ полезенъ. И левъ тоже нашелъ себѣ службу: когда Герасимъ въ самый зной отдыхалъ, левъ стерегъ его осла. Жили они такъ изрядное время, и некому было на нихъ удивляться, но разъ увидали эту компанію проходившіе караваномъ путники и рассказали про нихъ въ жилихъ мѣстахъ по дорогамъ, и сейчасъ изъ разныхъ мѣстъ стали приходять любопытные люди: всеѣмъ хотѣлось смотрѣть, какъ живетъ бѣдный старикъ и съ нимъ осликъ и левъ, который ихъ не терзаетъ. Все этому стали удивляться, и спрашивали у Герасима:

— Открой намъ, пожалуйста: какою ты силою это дѣлаешь? вѣрно ты не простой человекъ, а необыкновенный, что при тебѣ происходитъ Исаево чудо: левъ лежитъ рядомъ съ осликомъ.

А Герасимъ отвѣчалъ:

— Итъ, я самый обыкновенный человекъ, — и даже, признаюсь вамъ, что я еще очень глупъ: я вотъ съ звѣрями живу, а съ людьми совсѣмъ жить не умѣлъ: всѣ они на меня обидѣлись, и я ушелъ изъ города въ пустыню.

— Чѣмъ же ты обидѣлъ?

— Хотѣлъ раздѣлить между всѣми свое богатство, чтобы всѣ были счастливы, а намѣсто того они всѣ перессорились.

— Зачѣмъ же ты ихъ умѣе не поровнялъ?

— Да вотъ то-то оно и есть, что ровнять-то трудно тѣхъ, кои сами не ровняются; я сдѣлалъ ошибку, когда забрала себѣ много сначала. Не надо бы мнѣ забирать себѣ ничего противъ другихъ лишняго, — вотъ и спокойно было бы.

Люди закивали головами:

— Эге!—сказали,—да это старикъ-то дурасливый, а между тѣмъ все-таки же удивительно, что у него левъ ослика караулитъ и не съестъ ихъ обоихъ. Давайте, поживемъ мы съ нимъ нѣсколько дней и посмотримъ, какъ это у нихъ выходитъ.

Остались съ ними три человекъ.

Герасимъ ихъ не прогонялъ, только сказалъ:

— вмѣстѣ жить надо не такъ, чтобы троимъ на одного смотрѣть, а надо всѣмъ работать, а то придетъ несогласіе, и я васъ тогда забоюсь и уйду.

Три согласились, но на другой же день при нихъ случилась бѣда: когда они спали, заснуть тоже и левъ и не слышалъ, какъ проходившіе караваномъ разбойники накинули на ослика петлю и увели его съ собою.

Утромъ люди проснулись и видятъ: левъ спитъ, а ослика и слѣда нѣтъ.

Три и говорятъ старцу Герасиму:

— Вотъ ты и въ самомъ дѣлѣ дождался того, что тебѣ давно слѣдовало: звѣрь всегда звѣремъ будетъ, вставай скорѣй,—твой левъ съѣлъ, наконецъ, твоего осла, и вѣрно зарылъ гдѣ-нибудь въ несокъ его кости.

Вылѣзъ Герасимъ изъ своей мѣловой норы и видитъ, что дѣло похоже на то, какъ ему трое сказываютъ. Огорчился старикъ, но не сталъ спорить, а взвалилъ на себя верблюжий мѣхъ и пошелъ за водою.

Идетъ, тяжко переступаетъ, а смотритъ — за нимъ вдалекѣ его левъ плетется; хвостъ опустилъ до земли и головою понурился.

«— Можетъ-быть, онъ и меня хочетъ съѣсть,—подумаль старикъ.— Но не все ли равно мнѣ какъ умереть? Поступлю лучше по Божью завѣту и не стану рабствовать страху?»

И пришелъ онъ и опустился къ ключу и набралъ воды, а когда восклонился,—видитъ, левъ стоитъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ всегда становился осель, пока старецъ укрѣплялъ ему на спину мѣхъ съ водою.

Герасимъ положилъ льву на спину мѣхъ съ водою и самъ па него сѣлъ и сказалъ:

— Песи, виноватый.

Левъ и понесъ воду и старца, а три пришельца, какъ увидѣли, что Герасимъ ѣдетъ на левѣ, еще пуще дивились. Одинъ тутъ остался, а двое изъ нихъ сейчасъ же побѣжали въ жилое мѣсто и возвратились со многими людьми. Всѣмъ захотѣлось видѣть, какъ свирѣпый левъ таскаетъ на себѣ мѣхъ съ водою и дрихлаго старца.

Пришли многіе и стали говорить Герасиму:

— Признайся намъ,—ты или волшебникъ, или въ тебѣ есть особливая сила, какой нѣтъ въ другихъ людяхъ?

— Нѣтъ,—отвѣчалъ Герасимъ:—я совсѣмъ обыкновенный человекъ и сила во мнѣ такая же, какъ у васъ у всѣхъ. Если вы захотите, вы всѣ можете это сдѣлать.

— А какъ же этого можно достигнуть?

— Поступайте со всѣми добромъ да ласкою.

— Какъ же съ лютымъ быть ласково,—онъ погубить.

— Эко горе какое, а вы объ этомъ не думайте и за себя не бойтесь.

— Какъ же можно за себя не бояться?

— А вотъ такъ же, какъ вы сидите теперь со мной и моего льва не боитесь.

— Это потому намъ здѣсь смѣло, что ты самъ съ нами.

— Пустяки,—что я отъ льва за защита.

— Ты отъ звѣря средство знаешь и за насъ заступишься.

А Герасимъ опять отвѣчалъ:

— Пустяки вы себѣ выдумали, что я будто на льва средство знаю. Богъ свою благодать далъ мнѣ — чтобы въ себѣ

страхъ побѣдить—я звѣря обласкалъ, а теперь онъ мнѣ зла и не дѣлаетъ. Спите, не бойтесь.

Всѣ полегли спать вокругъ мѣловой норки Герасима, и левъ легъ тутъ же, а когда утромъ встали, то увидѣли, что льва нѣтъ на его мѣстѣ!.. Или его кто отпугнулъ, или убилъ и зарылъ трупъ его ночью.

Всѣ очень смущились, а старецъ Герасимъ сказалъ:

— Ничего, онъ вѣрно за дѣломъ пошелъ и вернется.

Разговариваютъ они такъ и видятъ, что въ пустынѣ вдругъ закурилась столбомъ пыль и въ этой пронизанной солнцемъ пыли вѣялся странный чудища съ горбами, съ крыльями: одно поднимается вверхъ, а другое внизъ падаетъ, и все это мечется, и все это стучитъ и гремитъ, и несется прямо къ Герасиму, и вразъ все упало и повалилось, какъ кольцомъ, вокругъ всѣхъ стоявшихъ; а позади старшій левъ хвостомъ по землѣ бьетъ.

Когда осмотрѣлись, то увидали, что это вереница огромныхъ верблюдовъ, которые всѣ другъ за друга привязаны, а впереди всѣхъ ихъ—навьюченный Герасимовъ осликъ.

— Что это такое сдѣлалось и какимъ случаемъ?

А было это вотъ какимъ случаемъ: шель черезъ пустыню купеческій караванъ; на него напали разбойники, которые ранѣе угнали къ себѣ Герасимова ослика. Разбойники всѣхъ купцовъ перебили, а верблюдовъ съ товарами взяли и поѣхали дѣлиться. Ослика же они привязали къ самому заднему верблюду. Левъ почувалъ по вѣтру, гдѣ идетъ осликъ, и бросился догонять разбойниковъ. Онъ настигъ ихъ, схватилъ за веревку, которою верблюды были связаны и пошелъ скакать, а верблюды со страха передъ нимъ прыгаютъ и ослика подкидываютъ. Такъ левъ и пригналъ весь караванъ къ старцу, а разбойники всѣ съ сѣделъ свалились, потому что перепуганные верблюды очень сильно прыгали и невозможно было на нихъ удержаться. Самъ же левъ обливался кровью, потому что въ плечѣ у него стремилась стрѣла.

Всѣ люди всплеснули руками и закричали:

— Ахъ, старецъ Герасимъ! Твой левъ имѣетъ удивительный разумъ!

— Мой левъ имѣетъ плохой разумъ, — отвѣчалъ, улы-

баясь, старецъ: — онъ мнѣ привелъ то, что мнѣ вовсе не нужно! На этихъ верблюдахъ товары великой цѣны. Это огонь! Прошу васъ, пусть кто-нибудь сядетъ на моего осла и отведетъ этихъ испуганныхъ верблюдовъ на большой путь. Тамъ, я увѣренъ, теперь сидятъ ихъ огорченные хозяева. Отдайте имъ все ихъ богатство и моего осла на придачу, а я поведу къ водѣ моего льва и тамъ постараюсь вынуть стрѣлу изъ его раны.

И половина людей пошли отводить верблюдовъ, а другіе остались съ Герасимомъ и его львомъ, и видѣли, какъ Герасимъ долго вытягивалъ и вынулъ изъ плеча звѣря зазубренное остріе.

Когда же возвратились отводившіе караванъ, то съ ними пришелъ еще одинъ человѣкъ среднихъ лѣтъ, въ пышномъ нарядѣ и со многими оружіемъ и, завидя Герасима, издали бросился ему въ ноги.

— Знаешь ли, кто я?—сказалъ онъ.

— Знаю,—отвѣчалъ Герасимъ:—ты несчастный бѣднякъ.

— Я страшный разбойникъ Амру!

— Ты мнѣ не страшенъ.

— Меня трепещутъ въ городахъ и въ пустыняхъ,—я перебилъ много людей, я отнял много богатствъ, и вдругъ твой удивительный левъ сразу умчалъ весь нашъ караванъ.

— Онъ звѣрь, и потому отнимаетъ.

— Да, но ты намъ все возвратилъ и прислалъ еще намъ своего осла на придачу... Возьми отъ меня, по крайней мѣрѣ, хоть одинъ шатеръ и раскинь его, гдѣ хочешь, ближе къ водѣ, для твоего покоя.

— Не надо,—отвѣчалъ старецъ.

— Отчего же? Для чего же ты такъ гордъ?

— Я не гордъ, но шатеръ слишкомъ хорошъ и можетъ возбуждать зависть, а я не сумѣю его раздѣлить со всѣми безъ обиды, и увижу опять неровность, и стану бояться. Тогда левъ мой уйдетъ отъ меня, а ко мнѣ придетъ другой жадный звѣрь и опять приведетъ съ собой безпокойство и зависть, и дѣлежъ, и упреки. Нѣтъ, не хочу я твоихъ прохладныхъ шатровъ, я хочу жить безъ страха.

АСКАЛОНСКІЙ ЗЛОДѢЙ.

ПРОИСШЕСТВІЕ ВЪ ИРОДОВОЙ ТЕМНИЦѢ.

(Изъ сирійскихъ преданій).

«Мужчина, любви котораго женщина отказывается, становится дикимъ и жестокимъ».

Лукрецій.

«Наши отдаленные предки въ припадкахъ любви не довольствовались вздохами или золотомъ, какъ это принято теперь, а они доходили до жестокой борьбы, въ которой тѣ и другіе падали мертвыми,—будь это для уничтоженія сопротивленія одной женщины или для удаленія соперника. Ихъ грубая любовь, на нашъ современный взглядъ, есть карикатура любви».

Ц. Ломброзо

Въ Сиріи, на восточномъ берегу Средиземнаго моря, сѣвернѣ Газы и южнѣ Азота, стоялъ городъ Аскалонъ, котораго нынче нѣтъ. По-еврейски онъ назывался Джора. Аскалонъ, или Джора, былъ основанъ въ глубокой древности филистимлянами и разрушенъ турецкимъ султаномъ Салладиномъ. Въ долгій вѣкъ этого города ему привелось быть языческимъ, христіанскимъ и мусульманскимъ. Въ одинъ изъ этихъ періодовъ или, лучше сказать, въ одинъ изъ переходовъ отъ одного положенія къ другому, тамъ случилось слѣдующее характерное происшествіе, отмѣченное отчасти въ писаніяхъ Евсевія изъ Аскалона.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Въ то время, какъ въ Аскалонѣ устанавливалось христіанство, жилъ тамъ одинъ богатый купецъ-корабельщикъ,

по имени Фалалей. Онъ узналъ объ ученіи Христовомъ въ чужихъ краяхъ и захотѣлъ ему слѣдовать, но не хорошо его понять, — жена же его, по имени Тенія, еще оставалась въ язычествѣ. Оба супруга были въ цвѣтущей порѣ жизни: Фалалей имѣлъ тридцать пять лѣтъ, а жена его Тенія двадцать четыре года. Фалалей былъ отважный и искусный мореходецъ, а Тенія обладала замѣчательною женскою красотою и превосходною кротостію добраго характера. Ласковое обхожденіе Теніи съ людьми дѣлало эту женщину пріятною для всѣхъ, кто ее зналъ, и всѣ аскалонскіе граждане, которымъ было извѣстно это супружество, считали ихъ за людей, достойныхъ уваженія, и притомъ почитали Фалалея-морехода человѣкомъ необыкновенно счастливымъ черезъ то, что онъ имѣлъ жену, исполненную всѣхъ тѣлесныхъ и душевныхъ изяществъ.

Тенія происходила изъ семейства, которое пользовалось почетною извѣстностью: отецъ ея, Полифронтъ, былъ языческій жрецъ, имѣвшій хорошія познанія въ наукахъ и непреклонный нравъ, повинувшійся которому, незадолго передъ этимъ сдѣлался жертвою переходныхъ порядковъ при царѣ Иустиніанѣ и женѣ его Теодорѣ. Тенія получила въ домѣ отца хорошее воспитаніе и по тогдашнему времени могла считаться женщиною отлично образованною для житія въ обществѣ, при хорошихъ достаткахъ: она была бережливая и старательная хозяйка и обладала пріятнымъ искусствомъ прекрасно пѣть и играть на многострунной арфѣ. При этомъ ей также не чужды были даръ стихотворства: она могла очень быстро слагать въ умѣ своемъ тѣ самыя пѣсни, которыя пѣла.

По красотѣ и по стройности жены корабельщика, а равно какъ и по пріятности ея нрава и обхожденія ей не было равной въ Аскалонѣ и всѣ называли ее здѣсь не иначе, какъ «изящная Тенія».

Супруги жили въ полномъ между собою согласіи, въ наслѣдственномъ домѣ, при которомъ былъ обширный садъ съ фруктовыми деревьями: садъ этотъ, доходившій до самаго берега моря, давалъ въ знойные дни тѣнь и прохладу. Семья у Фалалея и Теніи была не велика: они имѣли только двухъ маленькихъ дѣтей — сына, по имени Витта, и дочь, которую звали Вирина. Еще съ ними же вмѣстѣ въ одномъ домѣ жила мать Фалалея, старая вдова, по имени Пуцція,

которая посѣщала съ своимъ мужемъ Византию и Римъ и, подобно сыну, тоже приняла христіанство, но тоже не хорошо его понимала.

Домъ Фалалея и Теніи былъ одинъ изъ самыхъ красивыхъ въ Аскалонѣ. Онъ былъ просторенъ и свѣтелъ и содержался въ отменной чистотѣ. Въ глубинѣ отъѣснаго двора былъ помостъ изъ пахучаго дерева, гдѣ въ самый неклюй зной мирно и тихо играли Виттъ и Вирина подъ надзоромъ бабы ихъ Пуиліи. Весь дворъ окружали рѣзныя колонны изъ того же пахучаго дерева; рѣзныя двери были украшены жемчугомъ и бирюзою, а окна завѣшаны пурпуромъ и индійскими вышивками, а посерединѣ билъ фонтанъ прозрачной и свѣжей воды. Но главное богатство Фалалея состояло не столько въ домѣ, какъ въ десяти большихъ корабляхъ, на которыхъ онъ возилъ сандалъ, камфару, мупкатный орѣхъ и иные продукты и товары въ Александрію и къ другимъ извѣстнымъ тогда портамъ Востока. Торговля дѣла шла у Фалалея очень удачно, но невѣрно понятое христіанство не измѣнило его языческихъ взглядовъ, а излишнее богатство сдѣлало его безразсуднымъ: такъ, чѣмъ онъ больше богатѣлъ, тѣмъ сильнѣе увеличивалась въ немъ алчность и ему хотѣлось имѣть еще болѣе золота и, казалось, будто-это непремѣнно такъ и нужно.

Такая жадность мужа къ богатству причиняла кроткой Теніи большое безпокойство и она не разъ предостерегала Фалалея, чтобы онъ не поддавался этой страсти и жилъ спокойнѣе, потому что и того, что онъ уже успѣлъ пріобрѣсти, было довольно для жизни безъ нужды и лишеній, но Фалалей не хотѣлъ послушаться Теніи, и въ жакдѣ новыхъ добытковъ онъ все продолжалъ довѣряться непостоянному морю, лишь бы только разбогатѣть еще болѣе, такъ чтобы богаче его уже не было никого въ Аскалонѣ. Напрасно Тенія указывала ему и на то, что желаніе большого богатства не только не отвѣчаетъ ученію избранной имъ христіанской вѣры, но даже запрещено ею,—ничто это не останавливало Фалалея. Напоминаніе о христіанской вѣрѣ даже заставило мореходца разсердиться на останавливавшую его благоразумную жену, и онъ сказалъ ей:

— Ты никогда не должна говорить мнѣ объ этомъ.

— Почему ты это мнѣ запрещаешь?

— Потому, что ты, выросшая въ язычествѣ и въ немъ пребывающая, не можешь понимать христіанскую вѣру и не въ состояніи разсуждать о ней какъ должно.

— Я знаю одно, что вашъ Учитель просилъ дѣлать добро и не собирать богатства.

Фалалей отвѣчалъ:

— Да; ты знаешь одно, но не знаешь другого. Въ нашей вѣрѣ есть то, что тебѣ непонятно: чтобы быть добрымъ, надо имѣть чѣмъ людямъ помогать: я хочу быть не только кротокъ, какъ голубь, но и разуменъ, какъ змѣй. Я наживаю богатство и хочу имѣть еще болѣе — это все правда; но это вовсе не съ тѣмъ, чтобы кичиться богатствомъ, какъ дѣлаютъ ваши язычники и вообще гордые люди, а я богатѣю съ тѣмъ, чтобы, собравъ много въ своихъ рукахъ, потомъ излить это на всѣхъ и начать благотворить своимъ по вѣрѣ. Повѣрь, что когда въ моихъ рукахъ соберется столько богатства, что всѣ будутъ бѣднѣе меня, тогда и сумѣю быть болѣе добрымъ, чѣмъ могу сдѣлать теперь, а ты лучше не мѣшайся не въ свое дѣло и не осуждай меня за то, что я хочу быть очень богатымъ.

Теня умолкла, но оставалась при своемъ мнѣніи, а Фалалей, почитая слова жены за пустое, продолжалъ все изыскивать новые способы для расширенія своей торговли: онъ умножилъ свою флотилію даже до тридцати кораблей и снялъ во всѣхъ портахъ всю торговлю сандаломъ, камфарой и мушкатнымъ орѣхомъ. Нѣкоторое время дѣло у него шло хорошо, но разъ случилось дурно; Фалалей, кромѣ камфары и сандала, набралъ много другихъ драгоценныхъ товаровъ у постороннихъ торговцевъ, нагрузилъ все это на свои корабли и поплылъ въ море. Сначала плаваніе было благопріятно, но когда корабли Фалалея проходили противъ Кирены, вдругъ поднялась ужасная бури и двадцать девять изъ кораблей Фалалея утонули со всѣми бывшими въ нихъ товарами и мореходцами, и только одинъ, тридцатый, на которомъ шелъ самъ Фалалей, спасся съ остатками груза. Корабль этотъ былъ сильно испорченъ и не могъ идти далѣе: онъ имѣлъ порванныя паруса и поврежденные снасти, и въ такомъ видѣ повернулъ назадъ къ Аскалону.

Обратное плаваніе тоже было тяжелое, но, однако, корабль уже приближался къ Аскалону, и, вѣроятно, вошелъ

бы въ Иродову пристань, но тутъ-то именно вдругъ и погибъ, сдѣлавшись жертвою злодѣйскаго умысла жителей одного близкаго къ Аскалону селенія, лежавшаго на самомъ берегу моря за грядою подводныхъ камней. Жители этого берегового селенія зажгли фальшивый огонь, чтобы навести корабль на гибель, и достигли этого съ полнымъ успѣхомъ. Расшатанный корабль Фалалей, какъ ударился о первый камень, такъ и разсѣлся, а сторожившіе этотъ случай селяне тотчасъ же подосѣли на легкихъ челнахъ и прикончили пльвшихъ и молившихъ о помощи корабельщиковъ ударами весель по ихъ головамъ. Переколотивъ всѣхъ людей, поселене расхватили остатки товаровъ и, послѣ драки между собою, увезли, кто что успѣлъ взять, въ свои хищничьи жилища.

При этой схваткѣ Фалалей мужественно защищался, но упалъ, раненый, съ борта въ море и плылъ, теряя послѣднія силы, къ одному изъ усмотрѣнныхъ имъ въ темнотѣ челноковъ. На этомъ челнокѣ онъ видѣлъ необыкновенно большерослаго, полуголаго челоуѣка съ краснымъ платкомъ на головѣ и надѣялся получить отъ него помощь и защиту, но ошибся. Челоуѣкъ этотъ тоже былъ грабитель, и держалъ въ одной рукѣ горящій факель, а въ другой тяжелый багоръ. Когда Фалалей къ нему подплылъ и взмолился къ нему, помянувъ имя Христове, злодѣя не тронула эта мольба: онъ освѣтилъ утопающаго факеломъ и, махнувъ багромъ, ударилъ имъ Фалалея по головѣ. Затѣмъ для Фалалея сразу все кончилось—и усталость, и страхъ, и страданіе, и заботы нажить больше всѣхъ въ Аскалонѣ, чтобы потомъ благотворить изъ богатой наживы и сдѣлаться добрымъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Несмотря на смертельный ударъ, полученный Фалалеемъ, онъ, однако, не утонулъ. Неожиданнымъ и удивительно счастливымъ случаемъ онъ прицѣпился одеждой за гвоздь пльващаго сломаннаго руля, который его и потащилъ на себѣ. Морскія волны прибили руль, а на немъ окровавленнаго и едва живого Фалалея къ «Иродовой пристани», которая называлась такъ потому, что ее устроилъ въ Аскалонѣ царь Иродъ Великій. Грузовики, работавшіе на судахъ въ Иродовой пристани, замѣтили безчув-

ственного человѣка, плывшаго на сломанномъ рулѣ, и вытащили Фалалея на берегъ. Они сняли его какъ мертвеца, надѣясь найти на немъ что-нибудь цѣнное, но потомъ увидали, что это ихъ согражданинъ Фалалей-мореходецъ, и удивились. А какъ въ немъ еще были замѣтны признаки жизни, то грузовики сняли его и стали его трясти и подбрасывать, чтобы онъ очнулся, а въ то же время послали отрока къ нему въ домъ за его матерью Пупліей и за женою его Тенію, и за дѣтьми ихъ Вириной и Виттомъ.

Фалалей очень счастливо прицѣпился на рулѣ, такъ что голова его все время была наружу,—отъ этого только онъ не захлебнулся и не наглотался соленой воды черезъ мѣру, такъ что его скоро удалось привести въ чувство.

Когда изящная Тенія и старая Пуплія съ Вириной и Виттомъ прибѣжали въ Продову пристань, то Фалалей уже открылъ глаза; онъ сейчасъ же узналъ жену и своихъ малолѣтнихъ дѣтей, и бабу ихъ Пуплію и горько заплакалъ. Фалалей сразу понялъ свое положеніе и, обратясь къ женѣ, сказалъ ей:

— О, я вижу теперь, какъ ты была права, добрая Тенія! Но для чего я не слушалъ тебя въ свое время? для чего я такъ упорно желалъ имѣть много богатства? Вотъ теперь я и наказанъ за то, что я не зналъ сытости и хлопоталъ имѣть больше прочихъ. Отнынѣ мы нищіе и я не въ силахъ буду сдѣлать ничего добраго людямъ, о которыхъ я, по правдѣ сказать, думалъ гораздо меньше, чѣмъ о томъ, чтобы быть всѣхъ знатиѣ по своему богатству и удѣлять бѣднымъ только крупицы.

Тенія на это отвѣчала мужу кротко:

— Я говорила тебѣ ранѣе то, что тогда впустило мнѣ справедливое сердце, но теперь скажу другое: не сокрушайся о томъ, что потерялъ нажитое богатство. Мы еще имѣемъ глаза, чтобы видѣть, и руки, чтобы ими трудиться: мы можемъ достать хлѣбъ и кровь для нашихъ дѣтей трудами рукъ нашихъ. Вѣдь этакъ живутъ еще очень многіе люди на свѣтѣ.

Фалалей ободрился и, взявъ Тенію за руку, сказалъ:

— Ты права; голубка, витающая въ душѣ твоей, могла бы одолѣть моего змѣя, если бы дѣло шло только о нашемъ богатствѣ, но я погубилъ тоже и много чужого. Этого не простить мнѣ.

— Ну, что дѣлать,—отвѣчала Теня.

Перенесенный въ свой домъ, Фалалей, вѣроятно, скоро бы тамъ выздоровѣлъ, но ему не привелось наслаждаться домашнимъ покоемъ при заботахъ жены. Къ нему тотчасъ же пришли купцы, довѣрившіе ему въ долгъ товары, и стали требовать съ него уплаты денегъ.

Фалалей отвѣчалъ имъ:

— Вы себя и меня напрасно мучите: или вы не видите, что я разоренъ совершенно и не могу ничего заплатить вамъ?

Купцы отвѣчали, что они ему не вѣрятъ и подозрѣваютъ, что онъ ихъ товары гдѣ-нибудь продалъ, а вырученное золото закопалъ гдѣ-нибудь въ примѣченномъ мѣстѣ и потому самъ, для отвода, бросился въ море.

— Вы меня напрасно подозрѣваете,—отвѣчалъ Фалалей:— всѣ товары погибли; вѣрьте мнѣ — я христіанинъ и лгать не могу.

Но купцы въ свой чередъ отвѣтили Фалалею, что и они теперь тоже стали всѣ христіане, какъ ихъ императоръ, но что это дѣла не измѣняетъ, и что, сколько Фалалей имъ долженъ за товары, они все это желаютъ съ него получить. А иначе, говорятъ, — мы возьмемъ рабовъ, выставимъ все, что здѣсь видимъ, на базарь и продадимъ.

Фалалей отвѣчалъ имъ:

— Базарьте.

Тогда заимодавцы привели рабовъ и велѣли имъ при себѣ же взять все, что было въ домѣ у Фалалея, и вынести на базарь, а семью его изъ обобраннаго дома выгнали и самый домъ заперли большимъ замкомъ и ключъ отдали извѣстному въ Аскалонѣ доимщику Тивургію съ тѣмъ, чтобы онъ этотъ домъ продалъ и вырученные деньги подѣлилъ между всѣми, кому Фалалей долженъ.

Доимщикъ Тивургій былъ человекъ страшный: лицо имѣлъ дряблое и скверное, цвѣта варенаго гороха, и совсѣмъ безволосое, глаза черные, вѣки валиками, все тѣло мягкое и напряженное, а ходилъ тихо, какъ котъ. Онъ взялъ и продалъ Фалалеевъ домъ богатому трактирщику Эпимаху, который и открылъ въ покояхъ и въ садахъ Фалалея корчемницу и веселый притонъ для иностранныхъ мореходцевъ; а деньги, которыя были выручены за продажу дома, Тивургій раздѣлилъ между тѣми, чьи товары истопилъ Фа-

малей, постольку, поскольку пришлось въ раздѣль на каждаго, и себѣ взять положенную часть за доимку. Но, однако, всего, что Тивуртій выручилъ черезъ продажу дома, было слишкомъ недостаточно для того, чтобы покрыть и половинную долю того, что пропало на Фалалеѣ.

Тогда искусный доимщикъ Тивуртій, который былъ тѣмъ извѣстенъ, что умѣлъ донимать съ должниковъ все до послѣдней капли, сказалъ:

— Что хотите мнѣ дать? Я еще попытаюсь больше выскать. Дѣло не можетъ быть такъ, какъ Фалалей увѣряетъ. Я полагаю, что не всѣ ваши товары пропали въ морѣ, а что Фалалей ихъ гдѣ-нибудь продалъ на островахъ эгеинамъ, такимъ же, какъ самъ онъ, коварнымъ и тихимъ, а вырученное золото онъ гдѣ-нибудь спряталъ. Это только и надо узнать, а спряталъ онъ его, навѣрное, гдѣ-нибудь тамъ же, на тѣхъ далекихъ островахъ, подъ извѣстнымъ ему деревомъ или камнемъ. Дайте мнѣ во всемъ большую часть противъ положенія, и я возьму Фалалея въ темницу и стану его морить въ невольѣ. Такъ я все вамъ и себѣ выручу,— закончилъ доимщикъ Тивуртій.

Купцы, услыхавъ такія слова отъ опытнаго доимщика, всѣ между собою переглянулись и, перетакнувшись, отошли въ сторону и сказали другъ другу:

— Что же еще размышлять? Вѣдь вправду Тивуртій предлагаетъ намъ хорошее дѣло: онъ лучше насъ знаетъ всѣ хитрости мореходцевъ, и если Фалалей промоталъ наши товары и золото скрылъ, то Тивуртій доймешь его въ темницѣ и получитъ нашъ долгъ съ Фалалея. Пусть только Тивуртій держитъ его въ темницѣ не на нашемъ, а на своемъ хлѣбѣ.

И отдали купцы друга своего корабельщика Фалалея для праведжа и доимки на всю волю опытному и жестокому доимщику. Тивуртій же доимщикъ пошелъ къ себѣ домой, взять изъ окованной, большой скрини серебряный поясъ дорогой цѣны подъ полу и пошелъ съ нимъ къ градоправителю аскалонскому и сталъ просить его, чтобы онъ посадилъ Фалалея въ Продову подземную темницу, а дорогой чеканный поясъ дать ему въ поминку и впередъ сдѣлать посулъ дать ему еще болѣе цѣнную вещь, лишь бы сейчасъ позвалъ на очи темничника Раввула и повелѣлъ ему томить Фалалея всячески, какъ только захочетъ доимщикъ Тивуртій.

Градоправитель принялъ поясъ и исполнилъ просьбу Тивуртія: онъ послалъ городскихъ стражей съ приказомъ, взять и перенести больного Фалалея въ Иродову темницу, полную гадовъ, и отдать его темничнику Раввулъ, а Раввула бросилъ его тамъ на гнилой тростникъ между страшныхъ злодѣевъ, и заперъ, пока онъ заплатитъ все, что имѣетъ право взыскивать съ него доимщикъ Тивуртій.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Иродова темница въ Аскалонѣ была посреди города, на главномъ базарномъ мѣстѣ. Она была рытая въ землѣ, въ родѣ очень большой погребной ямы, и подведена столбами и сводами изъ сырыхъ камней, а сверху присыпана землей тоже такъ, какъ погребница. Снаружи ее и отличить было трудно. Казалось, будто это простой земляной холмъ. Тутъ же на этой насыпи шелъ всякій день торгъ. Тутъ били людей на правожѣ воловьими жилами и тутъ же сидѣли съ ночвами и съ лаханями аскалонскіе рыбаки, предлагавшіе живую рыбу, и торговки, продававшія хлѣбъ, овощи и рыбачьи снасти. Въ откосахъ насыпи были пробиты и опищены крѣпкими желѣзными рѣшетками двѣ узенькія отдушины, черезъ которыя, впрочемъ, внутрь подземелья едва проникалъ самый слабый свѣтъ и проходила самая скудная струя воздуха, и порою достигалъ отдаленный гулъ рынка.

Въ этой аскалонской темницѣ, выкопанной при Иродѣ, сидѣло очень много разноплеменныхъ людей и всѣ они страшно томилась тутъ отъ тѣсноты, голода, жажды и недостатка дневного свѣта и воздуха. Свѣтъ солнечный едва доходилъ сюда на минутку косымъ лучомъ черезъ одно узенькое окошечко, а солнечная теплота совсѣмъ сюда не проникала, отчего сырость была несказанная и проникала тѣла заключенныхъ. Въ этой общей ямѣ были тѣсно сбиты вмѣстѣ и злодѣи-душегубцы, и воры, и неплательщики. Всѣ они были лишены всякой свободы движенія. У однихъ ноги были заколочены клиньями въ деревянныя колоды и эти сидѣли вовсе неподвижно, а на другихъ были наложены тяжелыя цѣпи, производившія терзательное лязганье при каждомъ движеніи рукъ и ногъ; тѣ же, которые были пойманы на разбояхъ и убійствахъ и подлежали смертной казни, око за око и зубъ за зубъ, — эти были прикованы къ стѣнѣ

тройными цѣпями за ноги, за руки и за шею. Логовища этихъ безстрашныхъ злодѣевъ были въ самомъ заднемъ отдѣленіи, въ узкихъ и совершенно темныхъ впадинахъ, вырытыхъ въ глинѣ. Всѣ заключенные въ Продовой темницѣ люди, гдѣ сидѣли, тамъ же и спали, и тутъ же они и нили, и ѣли, и отправляли всѣ свои тѣлесныя нужды. Здѣсь ихъ посѣщали друзья и родные, и жены. Обычай былъ такъ суровъ и простъ, что случилось перѣдко, что жены людей, заключенныхъ въ этой Продовой темницѣ, посѣщая мужей своихъ, становились снова матерями новыхъ дѣтей... Такова была эта ужасная Продова тюрьма въ Аскалонѣ, въ которую доимщикъ Тивуртій заключилъ Фалалея, мужа Теніи и отца Вирины и Витта.

Въ то же время, какъ былъ посаженъ въ эту тюрьму Фалалей-корабельщикъ, за нѣсколько дней ранѣе въ эту самую яму, и притомъ въ самой темной ея впадинѣ, былъ помещенъ и прикованъ на пять цѣпей за руки и за ноги, и за шею береговой злодѣй, по имени Анастасъ-душегубецъ. Онъ былъ извѣстный разбойникъ. Онъ грабилъ и лишилъ жизни много людей. Всѣхъ убитыхъ имъ на сушѣ и на морѣ считалось сорокъ душъ. Онъ давно вооружилъ противъ себя всѣхъ людей въ Аскалонѣ и всѣ аскалонцы радовались, что Анастасъ, наконецъ, пойманъ и ожидали его казни.

Для произнесенія суда надъ Анастасомъ долженъ былъ вскорѣ прибыть изъ Дамаска важный сановникъ, по имени Милій, при которомъ злого Анастаса и должны были казнить мечомъ всенародно посреди Аскалона.

Рядомъ съ тою впадиной, въ дальнемъ концѣ темничной ямы, гдѣ былъ прикованъ злодѣй Анастасъ, находился тѣсный лазъ еще въ особую низкую глиняную ямину, по названію «прокаженную». Она называлась такъ потому, что здѣсь нѣкогда сидѣлъ человекъ бѣсоватый и прокаженный, который неустанно злословилъ царя Прода, и за то здѣсь и умеръ въ заточеніи. Съ той поры въ эту прокаженную пору никто не входилъ, потому что и самъ стражъ темничный, безстрашный Раввула, боялся прикоснуться къ глинѣ, на которой сидѣлъ и о которую терся прокаженный. Ямину эту, однако, не заваливали, потому что въ ней была другая продушина, которая была необходима, чтобы не задохнулись невольники.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Въ аскалонской Продовой темницѣ давали скудную пищу отъ подаваній только тѣмъ изъ невольниковъ, у которыхъ не было ни родни, ни друзей, а должникамъ и тѣмъ, у кого были какіе-нибудь родные, хотя бы и самые бѣдные, темничникъ Раввула никакой пищи не давалъ. Объ этихъ узникахъ должны были заботиться тѣ, кто ихъ посадилъ, или ихъ близкіе родственники, которые и приносили сюда невольникамъ то, что могли. Поэтому и корабельщика Фалалея должны были питать жена его Тенія или Тивуртій, но Тивуртій сказала:

— У Фалалея есть жена; она молода и надѣлена отъ природы большою красотой: пусть она его кормитъ.

Тенія это съ одной стороны было пріятно, потому что, принося пищу мужа, она могла его видѣть и послѣ съ нимъ оставаться до вечера, но зато надо было добывать ему пищу, а это возлагало на Тенію заботы, которыя были для нея очень затруднительны.

Бѣдная Тенія одна должна была заботиться о томъ, чтобы добывать деньги для пропитанія себѣ, мужу и двумъ своимъ дѣтямъ Виринѣ и Витту, да еще старой бабкѣ ихъ Пуиліи, которая въ это время была уже немощна и не въ силахъ была работать, а только смотрѣла за внуками. Тенія же, какъ дочь жреца, выросла въ довольствѣ и нѣгѣ,—ея голову заплетали невольницы и онѣ же навѣвали на нее съ вечера сонъ, а утромъ къ вставанію будили ее легкимъ ласканіемъ ея ступней. Вообще она была не приучена исполнять какія бы то ни было тяжелыя работы. Она была научена только изящнымъ искусствамъ, въ которыхъ никто не нуждался, но она теперь только ими и старалась находить заработокъ. Такъ какъ она всего лучше умѣла играть на многострунной арфѣ и притомъ имѣла даръ быстро слагать и пѣть пріятнымъ нагѣвомъ стихи своего сочиненія, то она стала ходить въ свой бывшій виноградный садъ, гдѣ теперь подъ узорными шатрами, раскинутыми Эпимахомъ, въ прохладной тѣни деревьевъ и ползучихъ гроздій, собирались завѣжкіе въ Аскалонъ чужестранные мореходцы. Хозяинъ этихъ шатровъ, видя, что Тенія прекрасна собою и можетъ правиться его гостямъ и наружностью, и игрою, и пѣніемъ, позволялъ ей садиться среди пирующихъ море-

ходцевъ и ставилъ передъ нею кубокъ вина, къ которому она, впрочемъ, не прикасалась устами, потому что велико было съѣдавшее ее горе и она позабыть его не хотѣла.

Для увеселенія пирующихъ мореходцевъ Тенія всѣ ночи насквозь играла на своей арфѣ и пѣла, сама тутъ же составляя изъ собственныхъ словъ своихъ пѣсни, изъ которыхъ инныя были очень трогательны и перѣдко достигали до сердецъ слушателей и смигчали ихъ грубые порывы. Корабельщики, слушающіе игру и пѣсни Теніи, были довольны тѣмъ, что видѣли передъ собою прекрасную пѣвицу, и давали ей монеты, съ которыми Тенія потомъ уходила на рынокъ, — покупала здѣсь лучшей пищи для дѣтей и для мужа, и для его матери Пупли, а для себя уснувшую дешевую рыбу. Обѣ эти женщины, Тенія съ Пунлией, и находившіяся при нихъ дѣти, Виттъ и Вирина, ютились теперь за городомъ въ убогомъ шалашиѣ, смазанномъ изъ тростника и илистой грязи.

Занятіе арфистки и пѣвицы, которое поповолѣ избрала Тенія для пропитанія семьи, не было, однако, для нея ни легко, ни пріятно, потому что съ растерзаннымъ сердцемъ ей трудно было забавлять игрою и пѣніемъ праздныхъ и часто нетрезвыхъ людей; но, не умѣя дѣлать ничего другого, что могло бы дать ей заработокъ, Тенія безропотно покорялась необходимости и несла свою долю, не обнаруживая своего страданія передъ мужемъ. Между посѣтителями виноградныхъ шатровъ встрѣчались и такіе, которые не довольствовались пѣснями, а не разъ дѣлали Теніи предложенія продать имъ за золото свои ласки. Тенія не обижалась, ибо понимала, что теперь всѣ могутъ почитать ее сходною на такое дѣло, и отвѣчала спокойно и скромно:

— Неустрашимые и добрые люди, я продаю только то, что предлагаю: я играю на арфѣ и пою мною сложенные нехитрыя пѣсни. Я пою и играю потому, что я не умѣю дѣлать ничего другого, а должна питать дѣтей и мужа. Слушайте мою игру и да минуетъ васъ и всѣхъ, кто вамъ дорогъ на родинѣ вашей, всякое горе.

Корабельщики, получая такой скромный отвѣтъ, стыдились оскорблять Тенію своими приставаніями, но содержатель шатровъ Эпимахъ былъ ею за то недоволенъ и говорилъ ей:

— Ты очень красивая, но совершенно безразсудная женщина: или ночи наши, на твой взглядъ, не довольно темны,

а сикоморы мои не молчаливы? Зачѣмъ ты не отходишь ни съ однимъ, кто тебя кличетъ, въ отдаленье къ берегу моря? Тамъ съ глазу на глазъ съ нимъ ты могла бы сѣсть ему что-нибудь сладостнѣй пѣсни о горѣ, и въ поясѣ у тебя зазвенѣло бы крупное золото, а не ничтожная мелочь. Ты и себя, и меня лишаешь хорошаго дохода.

Тенія отвѣчала, что она получаетъ довольно, и отходила отъ Эпимаха, стараясь выкинуть изъ памяти этотъ непріятный ей разговоръ. Эпимахъ же добивался другого, — онъ хотѣлъ услужить своимъ гостямъ и былъ очень недоволенъ Теніею. Онъ желалъ бы видѣть на ея мѣстѣ въ своихъ садахъ пѣвицу, болѣе благосклонную къ искаліямъ его веселыхъ посѣтителей. А мореходцы, какъ бывалые люди, ему рассказывали о томъ, какихъ угодливыхъ пѣвицъ они встрѣчали въ садахъ Александріи и Даміеты, а Эпимахъ съ укоризною сообщалъ эти рассказы Теніи, но она ничему этому не хотѣла внимать.

Тенія раздѣляла свое время такъ, что утромъ она мыла и чинила сильную ветошь, какая осталась на ея дѣтяхъ послѣ изгнанія изъ дома, и услуживала бабкѣ ихъ, старой и избѣженной Пупліи; потомъ шла на рынокъ и покупала горсть сухой чечевицы и щетинистаго угря, или другую дешевую рыбу, варила ее съ лукомъ у варильщика при общемъ очагѣ и къ полудню несла эту похлебку въ темницу мужу. Изъ темницы рождественниковъ заключенныхъ не выгоняли, и Тенія оставалась съ Фалалеемъ до самаго вечера, когда, при заходѣ солнца, входилъ съ бегемотовою жилой въ рукѣ темничникъ Раввула и, выгнавъ всѣхъ посѣтителей вонъ, закрывалъ на засовы двери темницы. Тогда изящная Тенія вставала и шла въ шатры своего бывшаго винограднаго сада и тамъ играла на арфѣ и пѣла до тѣхъ поръ, когда восходящее солнце напоминало гулякамъ о нѣждѣ и заботахъ вновь наступившаго дня.

Такъ прошло нѣсколько мѣсяцевъ послѣ заключенія Фалалея, и тѣлесныя силы Теніи стали подаваться, и красота ея начала меркнуть. Пропеходило это сколько отъ горя, столько же отъ новаго образа жизни, не отвѣчавшаго ни ея здоровью, ни ея цѣломудреннымъ навыкамъ; однакоже, несмотря на это, Тенія оставалась твердою въ своей непреклонности и слишкомъ прекрасно для того, чтобы непреклонность ея не казалась досадительною, а красота слиш-

комъ привлекательною, и все это продолжало возбуждать порочныя исканія, которыя и подготовили, наконецъ, чрезвычайно тяжелое и большое испытаніе для добродѣтели Теніи.

Вышло такъ, что по этому поводу въ Продовой тюрьмѣ въ Аскалонѣ произошли событія, отмѣченныя весьма кратко, но по ужасу своему достойныя долгой памяти и состраданія.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Вскорѣ послѣ того, какъ Фалалей былъ заключенъ въ Продовую темницу, изъ Дамаска прибылъ въ Аскалонъ ожидаемый для суда надъ Анастасомъ-злѣдемъ именитый вѣнархъ, по имени Милій. Онъ былъ присланъ не только затѣмъ, чтобы осудить Анастаса, но также чтобы заодно осмотрѣть, какъ управляетъ областью аскалонскій правитель Димасъ, и раздать подаяніе, которое прислала чрезъ него въ Аскалонъ отъ щедротъ своихъ Θεодора.

Обходя аскалонскую темницу, Милій остановился передъ впадиной, гдѣ былъ прикованъ нитью цѣпями безжалостный Анастасъ-разбойникъ, и когда темничникъ Раввула освѣтилъ факеломъ Анастаса, то Милій удивился, увидѣвъ его ужасное лицо,—такъ сильно и рѣзко изображалось на немъ безпощадное свирѣпство разбойника. Тутъ Милій не удержался и воскликнулъ вслухъ:

— О, какъ онъ подлъ и противенъ! Клянусь, что я никогда не встрѣчалъ на свѣтѣ ничего болѣе злого и омерзительнаго, какъ эти его косые глаза и эти вразлетъ идущія густыя брови! Земля съ нетерпѣніемъ должна ждать минуты, когда этотъ безжалостный звѣрь перестанетъ дышать ея воздухомъ и тиготить ее своими ногами. Впрочемъ, я объ этомъ какъ можно скорѣй постараюсь.

Злѣдѣй же Анастасъ, услыхавъ, что проговорилъ о немъ Милій, запрыгавъ на мѣстѣ и, тряся отъ гнѣва цѣпями, закричалъ на вѣнарха:

— Я тебѣ мерзокъ, а, можетъ-быть, самъ ты и еще меня хуже. Твое ли дѣло, злая душа, надо мной насмѣхаться? Жалю, что я не повстрѣчалъ тебя раньше, и не здѣсь, гдѣ ты на свободѣ, а я крѣпко прикованъ цѣпями: иначе я посмотрѣлъ бы, что красивѣй—твоя кровь или твоя пурпурная тога? А теперь будь ты проклятъ!

Прокричавъ это неистовымъ голосомъ, Анастасъ такъ страшно ударилъ о стѣны своими цѣпями, что всѣ другіе

певольники вздрогнули и сжались въ страхѣ, а стражники Раввула и воины, сопровождавшіе съ зажженными факелами вельможу Милія, окружили его, чтобы страшный видъ Анастаса его не тревожилъ. И тутъ-то, при дрожащемъ свѣтѣ этихъ факеловъ, встревоженный взглядъ благообразнаго Милія палъ на лицо изящной Теніи, которая въ страхѣ за судьбу Фалалея старалась закрыть его своимъ станомъ. Милій же былъ большой сластолюбецъ, и изящный обликъ Теніи сразу ударилъ его въ страстное сердце, такъ что онъ остановился и обратился къ сопровождавшему его отроку, скорописцу Евлогію, и сказалъ ему тихо:

— Открой скорѣе кису присланныхъ съ нами добродетельныхъ давій. Здѣсь я вижу передъ собой христіанку, на лицѣ которой читаю ея невинность. Навѣрное, она страдаетъ напрасно по языческой злобѣ и я хочу облегчить ея участь во славу величайшей въ женахъ императрицы Θεодоры.

Отрокъ Евлогій потянулъ шнуры кожаной кисы, въ которой лежали деньги, назначенныя для раздачи христіанской милостыни заключеннымъ, а Милій обратился къ Теніи и сказалъ ей:

— Приблизься, прекрасная христіанка, возьми себѣ помощь и скажи намъ скорѣе: за что ты томимся? Я увѣренъ, что ты страдаешь напрасно, и кто тебя заключилъ въ эту темницу, тотъ самъ недостоинъ свободы.

— Ты ошибаешься, благородный господинъ, — отвѣчала Тенія: — я не христіанка, — я дочь жреца Полифрона и держусь старой вѣры.

Милій смутился и отвѣчалъ ей, что онъ сожалѣеть, зачѣмъ она сказала ему, что она язычница.

— Теперь, — молвилъ онъ: — я не могу оказать тебѣ помощь, какую имѣлъ желаніе сдѣлать, — и при этомъ онъ удержалъ своею рукой руки Евлогія скорописца, распускавшаго связки кисы, гдѣ хранилось золото, присланное для раздачи новымъ христіанамъ.

Тенія же, услышавъ сожалѣніе Милія, не обнаружила никакой особой, усиленной тревоги и сказала ему спокойно:

• — Развѣ для Θεодоры и для твоего милосердія не все равно оказать помощь тому, кто въ ней нуждается?

— Нѣтъ, — отвѣчалъ Милій: — мы должны помогать прежде своимъ по вѣрѣ, а потомъ чужевѣрнымъ.

— Въ такомъ случаѣ, помоги моему мужу и дѣтямъ,— они всѣ вашей вѣры.

Милій обрадовался.

— Если мужъ твой и дѣти той вѣры, которой теперь отдають высшіе люди высшій почетъ въ Византіи и въ Дамаскѣ, то тогда совѣсть моя дозволяетъ мнѣ оказать тебѣ помощь. Подойди же сюда и возьми по монетѣ для каждаго изъ кисы добрыхъ даяній.

Тенія отвѣчала:

— Господинъ, мнѣ нехотати опускать самой руку въ мѣшокъ: я питаюсь самъ-пятъ,—повели, чтобы отрокъ твой далъ мнѣ, что опредѣлитъ твоя щедрость.

Милій вельѣхъ отроку дать ей десять цехиновъ, а потомъ спросилъ у нея:

— Какое ты сдѣлала зло, или чѣмъ проступилась противъ законовъ?

— Милосердное Небо до сего дня хранило меня отъ злого дѣянія,—отвѣтила Тенія.

— Ты, можетъ-быть, судишь такъ по своей языческой совѣсти и тебѣ только кажется, будто ты не сдѣлала ничего преступнаго.

— Нѣтъ, я и въ самомъ дѣлѣ не сдѣлала ничего преступнаго.

— Въ такомъ разѣ за что же тебя лишили свободы и держать въ этой душной и страшной темницѣ?

Тенія отвѣчала вельможѣ, что она вовсе не невольница и свободно можетъ приходить сюда и выходить отсюда, а сидѣть здѣсь, въ этой душной и страшной темницѣ, ее побуждаетъ состраданіе и любовь къ мужу, который тутъ заключенъ и томится за то, что онъ не можетъ заплатить денегъ кунцамъ, довѣрившимъ ему свои товары.

— Когда же ты надѣнешься выкупить своего мужа?

— Я не имѣю на это никакой надежды и только дѣлаю то, что могу: я приношу ему нищу и стараюсь его утѣшать и поддержать въ немъ бодрость.

— Мнѣ кажется, ты могла бы сдѣлать для него гораздо больше, чѣмъ это.

— Ахъ, яви свою милость, научи меня, что я могу сдѣлать, чтобы возвратить свободу Фалалею, и ты увидишь, что у меня не окажется недостатка въ рѣшимости и твердости: я исполню все, что для этого нужно.

— Нужна только одна твоя рѣшимость.

— Въ такомъ случаѣ, это уже сдѣлано. Не медли же, говори какъ можно скорѣй и понятнѣй, что я должна принести счастью семьи моей въ жертву? Жизнь мою?

— Нѣтъ.

— Такъ что же? Умоляю тебя, не мучь меня и говори мнѣ отъ раза.

— На какую сумму простирается долгъ твоего мужа?— спросилъ Милій, лаская взоромъ изящную Теню.

Теня отвѣчала ему по правдѣ, сколько Тивуртій и кунцы исчисляли долгу на корабельщикѣ. Это составляло очень значительную сумму.

Милій былъ вельможа богатый, но скупой, и притомъ сумма Фалалеева долга и для его большихъ средствъ была не ничтожна, а потому онъ сказалъ:

— Мужъ твой, къ сожалѣнью, долженъ очень много!—и Милій отошелъ отъ Тени и сталъ подвигаться дальше къ выходу, но въ это самое время къ нему приблизился доимщикъ долговъ, хитрый старецъ Тивуртій, который былъ чрезвычайно искусенъ на то, чтобы дѣлать всякія сдѣлки, лишь бы донять что-нибудь съ содержащихся неплательщиковъ. Увидавъ, что Милій ласкается къ Тени, Тивуртій сейчасъ же сообразилъ, что этимъ можно воспользоваться, и прошепталъ вельможѣ на ухо:

— Долгъ мужа красивой женщины, которая сейчасъ имѣла счастье внушить твоему вельможеству высокое состраданье, очень великъ, но она вѣдь не знаетъ, что весь этотъ огромный долгъ можетъ быть сильно пониженъ. Мнѣ здѣшній доимщикъ Тивуртій,—мнѣ извѣстны всѣ дѣла въ Аскалонѣ, и я знаю, что надобно сдѣлать, чтобы все вышло, какъ ты желаешь.

Милій остановился, а Тивуртій продолжалъ ему говорить:

— Повѣрь, что слова мои такъ же точны и вѣрны, какъ вѣрно и то, что женщины красивѣй и изящнѣй Тени не легко отыскать во всѣхъ городахъ, которыми правитъ благословенная власть Θεодоры, съ которою, — могъ ты замѣтить,—Теня, кажется, схожа.

Милій же, вмѣсто того, чтобы обидѣться тѣми словами, съ которыми подошелъ къ нему Тивуртій, забылъ и свой санъ, и свое положеніе въ темницѣ среди заключенныхъ, а продолжалъ любоваться издали красивыми линиями стана

жены корабельника, а Тивуртій, замѣтивъ это, сдѣлался еще болѣе смѣль и прощенталь:

— Ты посмотри: слова нѣтъ, что Θεодора прекрасна, и всѣ говорятъ, будто въ земляхъ, Византіи подвластныхъ, нѣтъ другой женщины, которая могла бы съ Θεодорой сравниться... но вѣдь это только такъ говорятъ... На самомъ же дѣлѣ время не шадитъ никого, и Θεодора нынче уже не та, какой она раньше была, когда ее знали актрисой,— правда, она зато теперь наша царица, и да даруетъ Всевышній ей многія лѣта,—но... вспомни, какъ она нынче поблекла и посмотри опять на эту стыдливую Тенію...

— Зачѣмъ эти сравненія? Онѣ обѣ прекрасны.

— Да, онѣ обѣ прекрасны, но та вѣдь на тронѣ, въ пурпурѣ и въ вѣнцѣ многоцѣнномъ, ея плечи и шею ежедневно разглаживаютъ навощенными ладонями молодыя невольницы, а египетскія бабки обкладываютъ на ночь ея перси мякишемъ душистаго хлѣба изъ плодовъ египетской пальмы, а, по правдѣ сказать, и это все ей уже не помогаетъ: этотъ душистый египетскій мякишъ даетъ персямъ ея лишь одну фальшивую нѣжность, но онъ не можетъ имъ возвратить ихъ былую упругость... Нѣтъ; это минуло... Смотри же, каковы перси Теніи, а вѣдь Тенія въ горѣ и въ тяжелой нуждѣ, — она въ бѣдномъ рубицѣ, среди людей, усыпанныхъ всякою нечистью, но и тутъ ты смотри, какъ краса ея блещетъ... Смотри этотъ царственный взоръ, эти бѣлые зубы, и особенно эти перси, которымъ не нуженъ египетскій мякишъ...

— А до какой суммы можно уменьшить долгъ ея мужа? — нетерпѣливо волнуясь, перебилъ рѣчь домпщика Милій.

Тивуртій сразу же сбавилъ цѣлую треть долга, а когда замѣтилъ, что Милій еще находится въ нерѣшимости, то сказалъ вкрадчиво:

— Однако, я вижу, что ты очень тронутъ судьбою этой несчастной, и чтобы сдѣлать тебѣ пріятное и заслужить себѣ напередъ твою благосклонность, я постараюсь склонить всѣхъ кушцовъ, чтобы они уступили тебѣ долговыя права на Оалалея не за двѣ, а всего за одну треть того, что онъ имъ дѣйствительно долженъ. Не колебайся далѣе и повели быть этому такъ, какъ я предлагаю. Пусть Тенія будетъ тебѣ обязана счастьемъ и постарается быть тебѣ благодарной.

Милій ему отвѣчалъ:

— Хорошо, я согласенъ, — благодарность ея мнѣ драгоценна, но только я не хочу принужденія. Дай мнѣ сказать еще нѣсколько словъ съ этою Теніей, красота которой, дѣйствительно, не менѣе той, которая нынче достойно украшаетъ собою престолъ византійскій.

Тивуртій нагнулся къ уху Милія и прошепталъ:

— Она ее превосходить... Θεодорѣ теперь не достигъ того, чѣмъ обладаетъ Тенія... и притомъ...

— Что ты хочешь сказать?

— Θεодора слишкомъ многимъ извѣстна.

— Тсс... Ты дерзокъ.

— Не опасайся... я знаю, что я говорю, и сказать только то, что Тенія спитъ какъ попало, въ шалашѣ, на рогожѣ, согнувшись и сжимая отъ холода перси руками, а Θεодора поконтся, заложа руки подъ нуховыя подушки; но дай Теніи ту же роскошь, и какъ ея станъ изовѣстна, въ какихъ очертаніяхъ!.. О, да ты самъ понимаешь, что стыдливость Теніи можетъ доставить то, чего не можетъ дать все любовное искусство Θεодоры... Ты пылаешь, я вижу, и хотя я старъ, но я тебя понимаю.

— Ты правъ, красота этой женщины помрачаетъ мой разумъ, — отвѣчалъ Милій: — и къ тому же, вѣдь, она язычница.

— Да, она язычница, она дочь жреца Полифрона, который убилъ себя, не желая видѣть новыхъ порядковъ.

— Язычницы, вѣдь, свободны располагать собою: онѣ не знаютъ стѣсненій.

— Да, для нихъ это привычно: онѣ отдавались и Діонису, и иностранцамъ во славу Изиды. У нихъ свой взглядъ на эти вещи.

Милій обратился къ скоронисцу Евлогію и приказалъ ему подзвать къ себѣ Тенію.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Услыхавъ отъ отрока приказаніе подойти къ его господину, Тенія сейчасъ же встала и подошла къ Милію, а тотъ подалъ ей съ ласковою улыбкой златницу и сказалъ:

— Отъ взора моего не скрылось то, чего ты не въ состояніи скрыть отъ всѣхъ, кто тебя видитъ, — ты нестерпимо прекрасна. Знай же, что твоею красотой смущено мое сердце и я готовъ на многія жертвы, чтобы получить твои

ласки. Будь согласна на это—приди ко мнѣ въ домъ сегодня вечеромъ и останься въ опочивальнѣ моей только до утра. За это я дамъ тебѣ сколько ты хочешь.

Лицо Теніи покрылось румянцемъ, но она отвѣчала спокойно:

— *За это*—я не хочу ничего.

— Я тебѣ предлагаю пятьсотъ златницъ.

— Ты напрасно будешь предлагать мнѣ и тысячу.

— *Двѣ!*

— Все равно—я къ тебѣ не приду.

— Я дамъ тебѣ пять.

— Хоть и десять.

— Двадцать тысячъ!

— Ты оскорбляешь меня этимъ торгомъ; но съ тѣхъ поръ, какъ я подпала несчастію, я уже привыкла къ подобнымъ обидамъ. Бѣдность должна много прощать людямъ съ достаткомъ, но любовь моя не продажна: я люблю мужа.

— Ты его и люби, но вѣдь ты язычница и по вѣрѣ твоей тебѣ нѣтъ грѣха въ томъ, на что я тебя приглашаю. Твой богъ Анубисъ тебя не осудитъ. Принеси же ему втайнѣ жертву за мужа, и возврати ему волю.

— Ты знаешь, что говоришь,—отвѣчала Тенія:—я—дочь жреца и бракъ мой съ мужемъ моимъ теперь не связанъ закономъ. Ты правъ, я вольна оставить его и свободна избрать другого по сердцу, но я вѣрна Фалалею потому, что онъ милъ мнѣ, и если я жила съ нимъ въ довольствѣ и счастіи, то неужели я покину его въ горѣ? Нѣтъ, такъ не будетъ, и ты возьми даже эту златницу, которую далъ мнѣ,—у меня есть сегодня для всѣхъ насъ на хлѣбъ и на рыбу.

Упархъ изумился кроткому отвѣту Теніи, но она ему еще болѣе понравилась, и онъ еще больше распалился желаньемъ.

— Оставь взятую златницу у себя,—сказалъ онъ:—и вотъ возьми еще другую и не будь за нихъ мнѣ ничемъ обязана, но не будь безразсудна и еще поразмысли. Если ты согласишься придти ко мнѣ, то я еще возвышаю цѣну: я высыплю къ твоимъ ногамъ всю кيسу доброхотныхъ даяній, и тогда ты можешь выкупить на эти деньги свободу своему мужу. Обдумай это, прежде чѣмъ захочешь сказать свой отвѣтъ мнѣ.

— Ты очень щедръ,—отвѣчала Тенія:—и возвысилъ цѣну

моей красоты до того, что она стала теперь цѣною свободы моего мужа, а я язычница и, какъ ты говоришь, я не имѣю стѣсненій, но ты позабылъ, что наши женщины ходили въ храмы богини Изиды съ согласіемъ мужей ихъ, и это не былъ обманъ, такъ и это, о чемъ ты говоришь мнѣ, касается моего мужа, а потому я должна спросить у него, согласенъ ли онъ, чтобы я купила ему свободу этой цѣной. Если мужъ мой будетъ на это согласенъ, тогда я... сдѣлаю то, что буду вынуждена сдѣлать. Таковъ мой отвѣтъ, а если хочешь знать, что скажетъ мой мужъ, то я сейчасъ пойду и спрошу его, и что онъ скажетъ, то я исполню.

Милію это показалось безуміемъ, но доинцикъ Тивургій, который стоялъ недалеко и слышалъ этотъ разговоръ, успокоилъ упарха и сказалъ ему:

— Оставь ее, Милій, пусть она сдѣлаетъ такъ, какъ она хочетъ: мужчины благоразуміе женщинъ. Эти бываютъ некетати упрямы, а мужъ, навѣрное, дастъ Теніи такой отвѣтъ, послѣ котораго она придетъ къ тебѣ и съ несмущенною душою отдастъ тебѣ свои ласки. Ты же, вѣдь, самъ не хочешь насилія.

И загѣмъ, проводивъ Милію за двери темницы, Тивургій подошелъ къ скованному Фалалею и рассказалъ ему о выгодахъ упархова предложенія

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Заключенный въ темницѣ Фалалей ничего не отвѣтилъ Тивургію, но только горько заплакалъ, а на другой день, дождавшись прихода Теніи, обнялъ ее и опять со слезами сталъ благодарить ее за ея вѣрность.

— Что же ты думаешь?—спросила его Тенія.

— Хотя бы мнѣ суждено было провести безконечные годы еще въ худшей темницѣ, чѣмъ эта, которую выстроилъ Иродъ, и хотя бы мнѣ надлежало умереть въ ней безъ надежды когда-нибудь видѣть море и солнце, и милыя лица нашихъ дѣтей, то и тогда я предпочелъ бы вѣчное это томленіе въ неволѣ одной минутъ твоего позора. Ты можешь поступать какъ хочешь, но что до меня, то пусть я здѣсь доживу мою жизнь и умру въ этой ямѣ, но ты для моего спасенія не отдавай своей чистоты, — въ ней твоя прелесть, и въ ней моя радость и сила.

Тенія обрадовалась, услышав отъ мужа такія слова, потому что они отвѣчали ей собственнымъ чувствамъ.

— Благодарю тебя, — отвѣчала она: — ты теперь укрѣпилъ мою душу, и за то я открою тебѣ, что я таила въ себѣ, когда отдавала себя въ твою волю. Знай, что если бы ты отвѣчалъ мнѣ согласіемъ, то ты оскорбилъ бы меня больше, чѣмъ всѣ, которые, видя наше несчастіе, желаютъ склонить меня торговать своею красотою. Душа моя не снесла бы этого безчестья.

— Что-жъ бы ты сдѣлала? — спросилъ Фалалей.

— Если бы ты пожелалъ, чтобы я отдала себя на ложе этого вельможи, то я бы безропотно исполнила это твоё желаніе, но выйди изъ его опочивальни, и отдала бы за тебя выкупъ, но не пришла бы къ тебѣ, а бросилась въ море.

— О, я такъ и думала! — перебилъ Фалалей.

— Но зато я благодарю тебя, что ты сохранилъ мое сердце, и я могу жить съ своими дѣтьми Вириной и Виттомъ.

Фалалей и Тенія оба забыли свое горе и стали такъ рады, какъ-будто къ нимъ свизошло безконечное счастье. А такъ какъ невольники въ аскалонской темницѣ помѣщались на соломѣ очень тѣсно и ничѣмъ не были отдѣлены одинъ отъ другого, то хотя Фалалей и Тенія старались говорить между собою какъ можно тише, но разговоръ ихъ, однако, былъ услышанъ сосѣдами и въ числѣ ихъ злодѣемъ Анастасомъ. Нѣкоторые изъ заключенныхъ надъ этимъ смѣялись, а одинъ изъ нихъ передалъ слова супруговъ домицику Тивуртію, который далъ за это вѣстовнику монету, а самъ пришелъ въ большую досаду, потому что онъ видѣлъ въ искательствѣ Милія драгоценный случай взискать долгъ съ Фалалы, а при такомъ оборотѣ это взисканіе становилось безнадѣжнымъ. Разгнѣванный домицикъ положилъ себѣ на умъ наказать Тенію какъ можно чувствительнѣе за ея упрямство, и съ этихъ поръ сталъ употреблять разныя мѣры къ отягченію положенія Фалалея, чтобы тѣмъ вынудить Тенію сдаться на предложеніе упарха.

Злобный Тивуртіи началъ съ того, что выждалъ, когда Тенія шла изъ темницы въ виноградный шатерь; онъ сейчасъ же тихо подошелъ къ ней и началъ уговаривать ее не отвергать исканій богатаго вельможи:

— Что тебѣ! — говорилъ онъ ей, покрывая лукавые

глаза свои толстыми вѣками. — Ты вѣдь еще въ старой вѣрѣ и можешь не считать себѣ это за грѣхъ.

Тенія только покачала головою и ничего ему не отвѣчала.

Но Тивуртій не устыдился и не отставалъ. Онъ шелъ за Теніей и рассказывалъ ей, какъ Миліи знатенъ и многовластенъ, и потомъ, понижая голосъ и шевеля своими толстыми вѣками, папентывалъ, что вцархъ давно бы уѣхалъ и для того только медлитъ произнести судъ и казнить Анастаса, чтобы имѣть предлогъ оставаться въ Аскалонѣ, а цѣль этого одна — достигъ одной краткой минуты обладанія Теніей, за что онъ ее такъ щедро одаритъ, что она сейчасъ же можетъ выкупить мужа, а вцархъ Миліи тогда казнить поскорѣй Анастаса и тотчасъ отѣдетъ въ Дамаскъ.

— Такъ разсуди же сама, какъ бесполезно упрямство! Все это дѣло краткой минуты и ты съ этимъ человѣкомъ никогда болѣе и не встрѣтишься. Чтѣ же за великая важность... подумай, твоя маленькая тайна нигдѣ не разгласится, и вѣрѣ мнѣ, что и сама ты о ней скоро забудешь, да и время ли будетъ тебѣ помнить о томъ въ счастливыхъ объятіяхъ любимаго мужа? О, какъ счастливъ Фалалей, что ты его любишь: будь же умна — пожалуй Фалалея и принеси для него эту пустую минутную жертву. А я берусь все такъ устроить, что ты войдешь къ Милію и выйдешь назадъ ни для кого незамѣтно: я поставлю теперь для него провизію и часто ввожу къ нему въ домъ рыбака. Я уложу въ корзину дыню и цвѣтного зуйка, а ты одѣнешься молодымъ рыбакомъ, обнажишь свои прекрасныя ноги и понесешь за жабры въ обнаженныхъ рукахъ прекраснаго розоваго мормира.

Но Тенія оттолкнула Тивуртія и не захотѣла поступить такъ, какъ онъ внушалъ ей, за это доимщикъ Тивуртій обѣщала ей погубить все ея семейство. Тенія же оставалась непреклонною и несла свое горе, дѣля время между дѣтьми въ шалапѣ, мужемъ въ темницѣ и игрою на арфѣ въ шатрахъ виноградныхъ.

Отказъ Фалалея отъ полученія свободы изъ темницы цѣной униженія Теніи такъ сильно ее уѣбило, что она не только не боялась Тивуртія, но ощущала въ душѣ усиленную бодрость, и это выражалось въ ея игрѣ на арфѣ. И хотя содержатель ночныхъ шатровъ такъ же, какъ Ти-

вуртій, не одобрялъ ея цѣломудрія, но его ночные посѣтители были сострадательнѣе къ горю бѣдной арфистки и монеты изъ рукъ ихъ падали къ ногамъ Теніи, а она собирала ихъ въ корзинку, гдѣ у нея, въ зеленыхъ листьяхъ, лежалъ сухой черный сыръ и плоды для дѣтей,

Но не спала ночью не одна Тенія, — не спалъ и Тивуртій-донмицкъ и придумалъ себѣ противъ Теніи новыя средства.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Тивуртій не могъ выпустить изъ рукъ своихъ случай, который казался ему драгоценнымъ, и препятствія, которыя ставила ему Тенія, только разжигали въ немъ желаніе достигъ своей цѣли. Доставя Милію рѣдкіе фрукты и розоваго мормира, Тивуртій вызвался ему схватить Тенію насильно и принести ее къ нему, обмотавъ въ египетскій шелковый парусъ, но Милій былъ тонкій цѣнитель удовольствій и не хотѣлъ обладать ею насильно: онъ желалъ, чтобы скромная Тенія сама подошла къ его двери и сама положила ему на плечо свои руки и шепнула ему: «Я пришла возвѣстить тебѣ, Милій, что мигъ благосклоненъ и до зари я желаніямъ твоимъ буду покорна».

Тивуртій сдвинулъ толстыя вѣки и отвѣчалъ:

— Для меня это — излишняя тонкость, но, тѣмъ не меньше, я буду стараться: подожди еще съ осужденіемъ Анастаса, а я надѣюсь сдѣлать кое-что такое, послѣ чего Тенія должна будетъ скоро придти и сказать тебѣ: «мигъ благосклоненъ».

Чтобы преодолѣть непреклонность Теніи и скорѣе довести ее до того, чтобы она согласилась исполнить желаніе Милія, донмицкъ Тивуртій разсказалъ о Теніи всѣмъ заимодавцамъ Оалалея. Эти страшно разсердились, что Тенія пренебрегаетъ случаемъ съ ними расплатиться за мужа, и пошли всѣ къ заключенному корабельщику и стали укорять его, говоря:

— Ты и твоя жена — самые безчестные люди. Ты разорилъ насъ и торопко хотѣлъ приготовить намъ впереди такое самое положеніе, какое самъ нынче, по справедливости, терпишь, а жена твоя своимъ упорствомъ оскорбляетъ вельможу, и ты, вмѣсто того, чтобы ее образумить, еще и самъ отказываешь въ своемъ согласіи на такое незначительное

дѣло, какое переносили не чета тебѣ именитые люди. Вѣдь ты не Абрагамъ и не Ицгакъ, о которыхъ изъ вѣка въ вѣкъ вспоминають книги, а тѣ сами и жены ихъ покорялись обстоятельствамъ. Отвернись на короткій часъ къ стѣнѣ и вздохни, какъ бѣднякъ, и мимо тебя совершится все къ общему счастью: всѣ мы будемъ счастливы, и ты будешь на волѣ, и снова увидишь друзей въ своемъ домѣ и сидишь съ женою своею и съ дѣтьми на берегу моря въ тѣни сикоморы и на столѣ твоёмъ будутъ ароматныя дыни, черно-головой зуй и розовый мормиръ. Дай же скорѣе свое согласье, чтобы твоя безумная Тенія покорилась вельможѣ.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ Фалалей:—я не разорялъ васъ съ умысломъ и не буду счастливъ, достигнувъ свободы черезъ позоръ чистой Теніи. Можете томить меня, сколько хотите.

Купцы были разгнѣваны этимъ отвѣтомъ и закричали:

— Теперь мы еще яснѣе видимъ, что ты человекъ подлый и помышляешь только о себѣ объ одномъ, а до другихъ тебѣ нѣтъ дѣла! Ну, такъ не жди же и самъ для себя отъ другихъ ни малѣйшей пощады! Пусть съ тобою какъ можно суровѣе поступаетъ донмищикъ Тивургій. Пусть на тебя нападутъ всѣ недуги, живущіе здѣсь со дней Ирода.

Фалалей отвѣчалъ:

— Пусть все это будетъ, но непорочность же Теніи мнѣ всего драгоценнѣе.

Послѣ этого раздосадованный Тивургій подкупилъ темничнаго стража Раввула, чтобы онъ не допускалъ Тенію до свиданія съ мужемъ, а самъ написалъ нѣкоторому своему знакомцу Сергію, откуницику общедоступныхъ женщинъ въ Александріи, чтобы тотъ скорѣе привезъ въ Аскалонъ нѣсколько красавицъ, умѣющихъ играть на арфахъ, пѣть нескромныя пѣсни и танцевать сладострастные танцы съ «исканьемъ осы, залетѣвшей въ одежду».

Темничникъ Раввула первый исполнилъ то, чего желалъ отъ него Тивургій, и когда Тенія приходила, чтобы видѣть мужа, онъ отбиралъ у нея нищу, ея приносимую, и передавалъ ее Фалалею, съѣдая самъ что было лучшее, а Тенію отгонялъ отъ дверей. Когда же она садилась неподалеку отъ входа въ темницу и плакала, то Раввула порицалъ ее и говорилъ ей:

— Ты сама всему виновата: для чего ты больше всего

гордишься своею чистотой? Это вѣдь значить, что ты себя одну только и любишь.

— Это неправда твоя,—отвѣчала Тенія.

— Какъ же неправда? Ты имѣешь возможность разлить ручьемъ счастье для многихъ, но для тебя ничего не стоить ихъ жажда. Хороша ты, дочь жреца Анубиса. Да покроешься ты тиной и илѣсенью, какъ источникъ, заглохшій въ своемъ водоемѣ, а я сейчасъ войду и отигчу цѣпь на рукахъ и ногахъ Фалалея и стану стегать его по голому тѣлу воловьєю жилой.

Положеніе Теніи стало ужасно, а Раввула продолжалъ не допускать ее въ темницу и въ самомъ дѣлѣ надѣлъ вдвое болѣе тяжкія оковы на Фалалея и стегалъ его утромъ и вечеромъ жилой; но и послѣ этого и Фалалей, и Тенія все-таки еще оставались непреклонны. Столько силы для перенесенія бѣдствій они почерпали во взаимной любви другъ къ другу!..

Между тѣмъ подосиѣвалъ къ Аскалону на пестрой триремѣ женскій откушникъ, александріецъ Сергій, котораго вызвалъ Тивуртій, и привезъ въ Аскалонъ тридцать красивыхъ и смѣлыхъ женщинъ, удивительно умѣвшихъ «искать осу» и показывать другіе, никогда еще здѣсь не виданные соблазны. Ихъ повизна и ихъ нестѣсненность должны были затмить Тенію и сдѣлать ее бесполезною въ шатрахъ виноградныхъ, а съ этимъ вмѣстѣ для нея прекратится и всякій добытокъ. Да и Милій,—кто знаетъ?—можетъ увлечься «исканьемъ осу», и Тенія самой станетъ жалко, что она упустила.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Когда Сергій александріецъ и его доступныя дѣвы высадились на берегъ у Аскалона, Тивуртій сказалъ темничнику Раввулу, чтобы онъ снова открылъ Теніи доступъ къ мужу въ темницу, а самъ въ тотъ же день ранѣе роздать всѣмъ содержащимся въ темницѣ невольникамъ хлѣбцы съ чернушкой и другими пряными зернами и сказалъ:

— Это вамъ посылаетъ великодушный Милій, внархъ изъ Дамаска. Онъ бы еще больше хотѣлъ вашу облегчить участь и за многихъ изъ васъ даль бы выкупъ, но онъ боленъ, томится и не можетъ придти сюда, чтобы васъ видѣть.

Колодники, принявъ свѣжіе хлѣбцы съ чернушкой и другими пряными зёрнами, спросили:

— Чѣмъ болеешь Милій?

Тивуртій имъ отвѣчалъ:

— Болѣзнь ему причиняетъ строптивость приходящей сюда жены Фалалея, которая не въ мѣру высоко о себѣ понимаетъ и не хочетъ исцѣлить вельможную душу.

Узники закричали:

— Пусть вовѣки живетъ доблестный Милій и пусть придетъ всякое зло на строптивую Тенію, жену разорителя многихъ, гордеца Фалалея.

И вдругъ такъ всѣ возненавидѣли Тенію, что цѣлый день вопіяли вокругъ Фалалея, а къ темничнымъ цевольникамъ пристали и тѣ, которые пришли навѣщать ихъ, и всеобщее неудовольствіе на Тенію разнеслось по всему Аскалону. Особенно же проклинали Тенію и Фалалея обѣднѣвшіе черезъ потопленіе его кораблей. На другой день всѣ эти купцы и производители колесницъ и ковровъ пришли въ темницу къ Фалалею большою толпою и стали говорить ему:

— Выемли же намъ, Фалалей! не будь безразсуденъ, согласись на то, чего алчетъ уязвленный страстью Милій.

Отъ этой несносной доуки Фалалей томился хуже, чѣмъ отъ прежней неволи въ то время, когда темничникъ Раввула не допускалъ къ нему Тенію. Теперь хотя Тенія имѣла свободный доступъ къ мужу, но каждый приходъ ея въ темницу вызывалъ изъ всѣхъ угловъ смрадной ямы такіе вопли и укору, что Фалалей и Тенія терзались ими и сами рѣшили, что имъ лучше здѣсь не видаться.

Замѣтивъ такой оборотъ, доимщикъ Тивуртій подошелъ еще съ одной стороны: онъ приступилъ къ Пуплии бабѣ, матери Фалалея, и сказалъ ей:

— Вотъ ты старая и опытная женщина, ты, конечно, не позабыла еще, какъ жили у насъ, въ Аскалонѣ, во время твоей молодости.

— Разумѣется, я это помню, — отвѣчала Пуплия.

— Жены тогда почитали безчестіемъ только обманъ, но, когда не было обмана, онѣ жертвовали собой Анубису, хотя и знали, что, вмѣсто бога, ихъ приметъ въ свои объятія смертный. Отецъ Теніи, жрецъ Полифронъ, не разъ, я думаю, совершалъ такіа таинства.

— Да, и я помню эти предѣлки Полифрона надъ нами.

Мы узнавали во тѣмѣ, что не богъ насъ цѣлуешь, а весьма страстный смертный, но стыдились о томъ говорить и молчали, а Полифронъ продолжалъ это и усильно совершилъ надъ многими, что ему выгодно было.

— Ну, вотъ, видишь! И все-таки вы, несмотря на это, остались хорошими и честными женщинами?

— Что же дѣлать. Мы примирались съ тѣмъ, что было для насъ неизбежностью, и дѣло кой-какъ обходилось.

— Вотъ только это и надо! Я радъ, что слышу отъ тебя такія разумныя рѣчи! Я зналъ, что, имѣя опытъ въ жизни, ты непременно имѣешь и здравый рассудокъ. Подумай же на что это похоже: сыръ твой томится въ смрадной темницѣ, гдѣ онъ сгниетъ, а межъ тѣмъ отъ жены Фалалея зависитъ, чтобы онъ получилъ свободу и чтобы вамъ воротилось все ваше имѣнье.

— Можетъ ли быть? Отъ этихъ словъ твоихъ у меня замираетъ мое старое сердце и слезы клубкомъ подкатываются у меня къ горлу. Расскажи же мнѣ: что для этого надо сдѣлать?

Тивуртій разсказалъ объ исканіяхъ Милія и объ упорствѣ Теніи: старая Пуллія всплеснула руками и начала горестно плакать и ворчать.

— Для чего... о для чего это уже не совершилось втайнѣ?

Тогда Тивуртій ей продолжалъ:

— Я былъ увѣренъ, что ты это скажешь! Всякая умная женщина, на мѣстѣ Теніи, давно бы такъ и совершила, а не поставила бы свою гордость въ такомъ случаѣ выше, чѣмъ счастье семьи. Умная и добрая женщина, конечно, предпочла бы лучше сама немножко поплакать, но зато отереть слезы другихъ, кого любить. Не правда ли?

— Правда,—отвѣтила Пуллія.

— Такъ помогай же мнѣ сдѣлать умное дѣло. Ты вѣдь мать Фалалея, ты баба внучковъ своихъ Виринны и Витта, маленькихъ, бѣдныхъ дѣтей... Подумай, что ждетъ ихъ? Фалалей истомится и умретъ,—его источитъ закожный червь въ темницѣ, дѣти возрастутъ безъ ученія и ты умрешь безъ пріюта, а стройное тѣло твоей гордой Теніи согнетъ, и лицо ея поблекнетъ, и никто на нее не захочетъ смотреть... Тогда она сама пожалѣетъ о томъ, что теперь отвергаетъ, и проклянетъ свою гордость. Быть-можетъ, даже сама когда-нибудь станетъ за пологъ шатра и будетъ третать за локти

проходящихъ незнакомцевъ и смотрѣть на нихъ подкрашенными глазами, загиная свои руки за шею, но это будетъ напрасно и она не продастъ никому за серебрянникъ то, за что нынче готовъ осыпать ее златницами милосердый вельможа. О, будь милосердна къ своимъ и къ чужимъ, умная Пуллія, заставь скорѣе Тенію ловить быстролетящій часъ, пока молодая кровь дѣлаетъ Милію безумцемъ. Теперь онъ рабствуетъ прихоти своего сердца и готовъ на все, лишь бы ему не отѣхать въ Дамаскъ, не извѣдавъ кроткой ласки отъ Теніи; но этотъ жаръ можетъ потухнуть и другого такого случая уже не будетъ, а если онъ пропадетъ, то и тебѣ, и всѣмъ намъ послѣ того навсегда будетъ ненавистна проклятая гордость твоей невѣстки.

Пуллія молчала, глядя вдаль помергнувшими глазами, изъ которыхъ на ея сгорѣвшія отъ зноя щеки лились обильныя слезы, а Тивуртій взялъ ее ласково за руки и закончилъ:

— Слезы твои, старуха, самого меня трогаютъ, но и утѣшаютъ: я вижу, что ты не ставишь счастье другихъ ни во что, какъ дѣлаетъ Тенія, и, навѣрно, направишь мысли Теніи къ тому, чтобы не считать свою чистоту большимъ благомъ, чѣмъ счастье многихъ.

Тутъ Пуллія баба вздохнула и отвѣчала:

— Слова твои, Тивуртій, страшно остры и ѣдки: тяжело мнѣ слышать, но ты отгадалъ: я согласна съ тобою и буду уговаривать Тенію, чтобы она не считала свою непреклонность за добродѣтель, потому что страданія наши слишкомъ несносны.

Доимщикъ Тивуртій еще похвалилъ Пуллію и отошелъ, довольный своимъ первымъ успѣхомъ, и отправился въ виноградные сады, гдѣ теперь раскинуты были небольшіе шелковые шатры и въ нихъ размѣщались стройныя, разноцвѣтныя дѣвушки, привезенныя Сергіемъ изъ Александріи. Старцы Аскалона собирались смотрѣть этихъ красавицъ, разсуждали объ ихъ прелестяхъ и пили вино, въ которомъ плавали головки гвоздики; а Пуллія, какъ только дождалась возвращенія Теніи, положила ея усталую голову на свои колѣни и начала распускать мелкія плетения ея волосъ, склеенныхъ вишневымъ клеємъ, и начала умолять ее сжалиться надъ страдающимъ семействомъ.

— Что же ты хочешь?—спросила ее Тенія.

Пуцлія припала къ уху невѣстки устами и прошептала:
— Иди къ вельможѣ.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Услышавъ такія слова отъ матери своего мужа, Тенія ужаснулась и отвѣчала ей:

— Отъ тебя ли, о Пуцлія, могла я это услышать? Ты вѣдь мать Фалалея и должна бы поддержать мою твердость и вѣрность супругу, а ты сама кладешь ножъ въ мои руки и посылаешь меня убить въ себѣ мой женскій стыдъ и добродѣтель сунруги. Послѣ этого я не должна тебя слушать.

Пуцлія же ей отвѣчала:

— Ахъ, твердость и вѣрность прекрасны, но горе слишкомъ несносно. Если бы ты жила въ прежнемъ довольствѣ, я никогда бы тебѣ такихъ словъ не сказала, но когда всѣхъ насъ ждетъ гибель, а ты можешь спасти насъ, то я говорю: спаси насъ, о, Тенія!. О, Тенія, Тенія! спаси насъ своею красотой!

И старая Пуцлія упала передъ ней на колѣни и покрыла своими сѣдыми волосами ея ноги.

— Но вѣдь я люблю своего мужа и моя вѣрность для него дороже всякаго счастья, какое могу я купить этою цѣной.

— Развѣ я тебѣ говорю, чтобы ты его не любила?.. Но ради этихъ дѣтей, которыхъ ждетъ доля презрѣнныхъ и нищихъ, если они тебѣ дороги, тебѣ должно быть не трудно принести себя въ жертву.

— Не трудно... О, боги! это ли должна я услышать?

— «Не трудно»—я говорю потому, что и я, и другія, которыхъ я знала, тоже любили и также имѣли стыдливость, но подавляли все это въ себѣ, когда надобно было, въ честь Діониса и богини Изиды.

Пуцлія еще понизила голосъ и продолжала шепотомъ:

— У жрецовъ въ храмѣ Изиды былъ чудесный напитокъ... Онъ вовсе безвреденъ... отъ него только послѣ... день или два немножко болитъ голова. Очень немножко... Я видѣла, какъ его дѣлали изъ маленькихъ голубыхъ грибовъ... этотъ напитокъ, отнимающій память... И въ немъ еще есть одно чудное свойство... Испивши его, ощущаешь объятья и ласки того, къ кому сердце согрѣто любовью... Я знаю, гдѣ находится этотъ маленькій губастый грибокъ, и его на-

шла уже, и утомила его въ горшечкѣ... Онъ уже выпустилъ сокъ свой, туманящій память... Ты будешь въ туманѣ сладостно грезить до самаго утра, а утромъ чуть-свѣтъ я сама приду за тобою къ дверямъ Миліа, ты передашь мнѣ золото, и я побѣгу выкупить изъ неволи Фалалея, а ты пойдешь къ морю, погрузишься вся въ его волны, и, освѣженная, придешь домой, встрѣтишься съ мужемъ и любовными мечты прошлой ночи станутъ для васъ дѣйствительностью.

— Что говоришь ты? что ты говоришь?—воскликнула Тенія.—Неужели все это по-твоему можно?

— Безъ сомнѣнія, можно,—отвѣчала, кивая головою, Пуллія, и еще разъ помянула все, что приводилъ ей на память культъ богини Изиды, и заключила вновь утѣшеніемъ, что сокъ изъ грибка, отводящаго память, спасетъ ее отъ всего, что можетъ помѣшать несмущенной искренности ея чувствъ къ освобожденному мужу.

На это Тенія уже ничего не нашлась отвѣтить: она только собрала горстями напередъ всѣ свои волосы и, закрывъ ими стыдомъ горящее лицо, застонала, произнося, среди слезъ:

— О, я несчастная! До чего меня хотять довести всѣ людскіе совѣты! Я уже не въ силахъ понять, какъ мнѣ должно поступать, но мой стыдъ и любовь говорятъ, что я не должна согласиться на то, чему ты меня учишь.

— Грибокъ, отбывающій память, отведетъ въ сторону стыдъ.

— Да, дай мнѣ, дай скорѣе этого сока, отводящаго память, чтобы я могла позабыть то, что я отъ васъ слышу. Во мнѣ мѣшается смыслъ: я погибаю оттого, что начинаю не узнавать, гдѣ лежитъ настоящій путь моихъ обязанностей.

— Если любишь себя больше всѣхъ, тѣши свой обычай, а если любишь Фалалея и дѣтей—пожертвуй имъ своею гордыней и отвѣдай грибка, отводящаго память.

— Я люблю Фалалея и потому-то я и хочу сохранить себя непорочною; но ты его тоже любишь и требуешь отъ меня, чтобы я для него согласилась войти къ постороннему мужчинѣ и остаться съ нимъ подъ вліяніемъ наиптка, отводящаго память. Какъ же это, и одно, и другое—внушаетъ любовь! Которая жъ любовь истиннѣе и больше?.. Я дохожу до безумія! Просвѣтите мой умъ, старые или новые боги!

— Всякій скажетъ тебѣ,—отвѣчала Пуплія:—что та любовь больше, которая сама о себѣ не думаетъ. Мать любить больше жены!

— Больше!.. О, нѣтъ! Никогда! никогда! — воскликнула, стягивая себѣ горло волосами, Тенія, и съ этимъ она встала, взяла свою арфу и пошла къ винограднымъ шатрамъ, гдѣ еще надѣялась получить что-нибудь за свое пѣніе отъ корабельниковъ. Но ее ждалъ здѣсь новый ударъ: дѣвы Египта дѣлали излишнимъ здѣсь полное грусти пѣніе Теніи.

А въ то самое время, какъ Тенія ушла изъ-подъ своего шалаша, къ Пупліи пришелъ Тивуртій и сталъ ее разспрашивать: удалось ли ей сбить Тенію? Пуплія ему рассказала все вплоть до послѣднихъ словъ: «Никогда, никогда!» но Тивуртій этимъ нимало не смутился и отвѣчалъ сквозь улыбку:

— Ахъ, почтенная Пуплія, развѣ ты позабыла, что всѣ влюбленные люди глупы, а ты не ослабѣвай и все стой на своемъ. Такъ капля долбитъ камень, и въ древности нѣкій мудрецъ подтвердилъ это примѣромъ. Онъ имѣлъ споръ съ человѣкомъ, который былъ глупъ и упрямъ, и сказалъ: «никогда». Никогда—это глупое слово и мудрецъ отвѣчалъ: «Никогда не должно говорить никогда». Продолжай свое, и ты восторжествуешь.

— А я не надѣюсь,—отвѣтила Пуплія.—Тенія слишкомъ чиста, какъ камень бѣлильный.

— Камень бѣлильный! Что за бѣда—почернѣть и камень бѣлильный, если тихо, но долго по немъ ударять и всегда въ одно мѣсто. Она тебя уже слушаетъ, это прекрасно: лишь бы только бѣлое стало немножечко темнѣть, а потомъ оно будетъ и синимъ, и желтымъ, и чернымъ. «Никогда не надо говорить никогда». А надо вотъ что,—добавилъ онъ, склонясь къ уху старухи:—надо слѣпить, чтобы Милію не наскучило ждать, и чтобы онъ съ досады не открылъ судъ надъ Анастасомъ и не отбылъ въ Дамаскъ, прежде чѣмъ Тенія скажетъ ему: «часъ благосклоненъ».

Пуплія дала Тивуртію обѣщаніе быть неотступною въ своихъ требованіяхъ у Теніи и поклялась ему жизнью своею и жизнью внучатъ Вирини и Витта, и Тивуртій, добившись этого, пошелъ пировать въ шатры Эпимаха, гдѣ въ вечерней прохладѣ должны были показать себя въ соблазнительномъ видѣ привезенныя Сергіемъ дѣвы Египта. Поясъ Ти-

вуртія на всякій случай былъ полонъ блестящими златницами и тутъ же былъ маленькій мѣшочекъ съ головками ароматной гвоздики, производящей волненіе крови.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Истерзанная разговоромъ съ свекровью, Тенія шла хорошо знакомымъ путемъ къ винограднымъ шатрамъ Энимаха. Она гнулась подъ тяжестью арфы, шла спотыкаясь и не видя подъ собою дороги отъ слезъ. Тенія тѣжко страдала и думала: «Какъ я могу теперь итти послѣ столькихъ тревогъ и терзаній? Какія слогу я слова и гдѣ найду въ груди моей голосъ?» Но когда она вошла въ виноградный садъ, то увидала, что ей здѣсь итти ужъ и мѣста. Садъ былъ полонъ народа—здѣсь собрались теперь не одни мореходцы, а были и цвѣтущіе юноши, и многолѣтніе старцы изъ самыхъ почетныхъ людей въ Аскалонѣ. Одни выставались на видъ, а другіе лежали въ кустахъ и оттуда позирали взорами нубійскую дѣву, которая стояла на одномъ мѣстѣ среди другихъ такихъ же подругъ, возлегшихъ кругомъ ея цвѣтною гирляндой. Всѣ онѣ были красивы,—брови ихъ были тонко сложены и выведены въ полукружье, вѣки подчернены, груди открыты, на шеяхъ шевелились и тихо рокотали сухія, коричневые зерна, а ладони рукъ и подошвы ногъ окрашены красною краской... Казалось, какъ будто изъ нихъ шель огненный токъ и самой землѣ отъ нихъ дѣлалось знойно... Поэзія словъ и томная арфа были не нужны въ этомъ собраньѣ—и безъ арфы всѣ были увлечены тѣмъ, чтó дѣляли: всѣ сидѣнія въ кружокъ египтянки что-то совсѣмъ тихо ибли, подражая жужжанію летающаго насѣкомаго,—хозяйинъ танцовщицъ Сергій такъ же тихо подыгрывалъ имъ на однострунномъ ребабѣ; а танцовщица, стоявшая въ срединѣ круга подругъ, содрогалась, безоночно отгоняя то съ той, то съ другой стороны подлетающую къ ней осу... Жужжаніе усиливалось, всѣ чувствовали, какъ досадительно привязчивая оса кружила все ближе, и, наконецъ, вползала въ легкія одежды миметки... Она вспрыгнула, изобразила испугъ, отъ котораго всю ее судорожно повело, и ея нервность сообщилась всѣмъ другимъ женщинамъ,—онѣ привстали и замахали руками, сжимая въ нихъ маленькія кастаньеты, которыя хрустѣли какъ кости... Оса все ныряла изъ одежды въ одежду, и женщины, изгибаясь

всѣмъ станомъ, такъ трепетали, боясь укушенія осы, что ихъ огненные пятки и пальцы ногъ вертѣлись подобно волчку, сливаясь въ одну огненную точку, межъ тѣмъ какъ дѣвушки носибѣнно срывали съ себя легкой покровъ за покровомъ, пока явились передъ всѣми совершенно нагія... Въ это же мгновенье изъ куста или съ лодки у берега моря раздался тонкій звукъ дудки лодочника, вмгъ погасли огни, а съ ними у всѣхъ разомъ затмилась стыдливость и обняла все налетѣвшая тѣма изъ Египта...

Къ Теніи въ этой тѣмѣ подошелъ Сергій, грубо взялъ ее за плечи и, толкнувъ ее въ спину, сказалъ ей:

— Удаляйся отсюда! — и, сорвавъ съ ея плечъ многострунную арфу, онъ бросилъ ее о пень сикоморы, и арфа разбилась.

Тенія стало нечѣмъ питать заключеннаго мужа и Вирину, и Витта, и Пуплю бабу. Такъ для нея настала день, когда всѣ они съ утра и до ночи остались вовсе безъ пищи.

Въ этотъ день Тенія пришла навѣстить мужа съ пустыми руками. Супруги, обнявши другъ друга, сидѣли въ темницѣ въ глубокомъ уныніи, но этимъ не кончились ихъ муки. Тенія напрасно закрывала уши, чтобы не слышать укоровъ, которые ей со всѣхъ сторонъ выкрикивали грубые невольники, помогавшіе Тивургію за раздачу имъ хлѣбцевъ съ чернушкой. Тенія не надо было рассказывать Фалалею, какъ ухудшилось ихъ положеніе: онъ самъ все понимаетъ и тихо сказалъ жепѣ:

— Я чувствую довольно твердости, чтобы умереть съ голоду, но ты будь вольна надъ собою: я больше не смѣю сказать ничего о тебѣ самой и о несчастныхъ Виринѣ и Виттѣ. Испробуй послѣднее: пошли ихъ самихъ просить подаліи; Виттъ и Вирина красивы, а мать моя Пупля такъ стара, что отъ нея уже пахнетъ могилой; когда они сядутъ втроемъ на пути къ Газѣ или къ Азоту и протянутъ свои руки, то, навѣрное, ихъ пожалѣютъ и бросятъ имъ зеренъ или хоть мертвую рыбу.

— Напрасно думать объ этомъ, — отвѣтила Тенія: — все это уже испробовано: я ихъ уже посмала, но никто ничего имъ сегодня не подалъ, всѣ боятся учарха и въ угоду ему надъ дѣтми смѣялись и говорили Виринѣ: «Кляни свою мать, зачѣмъ она васъ не жалѣетъ». Тоже и мать твоя Пупля, отъ которой ужъ пахнетъ могилой, но и она съ тѣхъ

портъ, какъ я возвратилась съ пустою корзиной безъ хлѣба, проклинаетъ меня и понуждаетъ продаться вельможѣ.

При этомъ открытіи Фалалей разорвалъ на себѣ свои лохмотья и сказалъ:

— Я не хочу ничего больше слышать! Не мучь меня, дѣлай что можешь. Вонъ входитъ темничникъ Раввула. Темница сейчасъ будетъ закрыта.

Тенія встала и вздрогнула, потому что въ это мгновеніе въ сторонѣ темной впадины, гдѣ сидѣлъ злодѣй Анастасъ, вдругъ загремѣли всѣ его пять цѣпей и къ ногамъ Теніи что-то упало.

Тенія нагнулась, чтобы поднять упавшій предметъ, и нашла два хлѣбца съ чернушкой. Тенія тихо спросила:

— Кто ты, сострадательный человѣкъ, который два дня не ѣлъ свои подайные хлѣбцы и отдаешь ихъ несчастной? Скажи, какой вѣры ты, чтобы я могла молить за тебя твоего бога?

— Не вспоминай моего имени богу,—отвѣчалъ ей грубый голосъ Анастаса:—я не вѣрю никакимъ дѣтскимъ сказкамъ, но ты надорвала мнѣ сердце своимъ тяжкимъ горемъ—въ томъ только и дѣло! Уходи и дай своимъ дѣтямъ по хлѣбу.

Тенія не имѣла времени ему отвѣчать и хотѣла удалиться, но Фалалей, какъ волкъ, зацѣлкалъ зубами и, вырвавъ у нея хлѣбцы, сталъ пожирать ихъ съ ужасной жадностью.

Тенія закрыла руками глаза и убѣжала, чтобы не видать, до чего страшный голодь довелъ Фалалея... Ей стало страшно, чтобы самъ мужъ не попросилъ ее вышить настоя грибка, отводящаго память, и идти къ Милію съ ласковымъ зовомъ: «часъ благосклоненъ».

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Это былъ вечеръ. Тенія вышла за дверь темницы, но стала въ раздумьѣ. Прямо всего Теніи было идти къ ея дѣтямъ, но придти къ нимъ съ пустыми руками значило только усилить ихъ муки. Притомъ она избѣгала укоровъ безумѣвшей Пупли, которая проклинала невестку и въ старческомъ бредѣ воила:

— Гдѣ мой прежняя красота! Проклятье, зачѣмъ я стара и безобразна! О, если бы я пондобилась хоть чудовищу, которое живетъ въ зеленой пучинѣ моря, я бы не остано-

вилась ни передъ чѣмъ. лишь бы только избавить милого сына и дѣтей его отъ страданія! Проклятье себялюбивой Геніи!

Тепѣи невольно приходило на мысль: если такъ твердятъ всѣ и такъ чувствуютъ и учить ее старая Пуллія, да и самъ Фалалей, истомясь, сталъ ей говорить, что онъ съ нею не снимаетъ воли, то, въ самомъ дѣлѣ, права ли она, охраняя свое цѣломудріе съ непреклоннымъ упорствомъ? Вотъ теперь холодныя и голодныя дѣти Виттъ и Вирина томятся съ стынушею бабкой, а она, мать, даже не смѣетъ къ нимъ показаться. Ей вѣтъ и приюта подъ крышей, а ночь холодна и по всему Аскалону вдругъ распространилось неожиданное безпокойство. Милій, кажется, сдѣлалъ большую ошибку—онъ слишкомъ долго замедлилъ судить и всенародно казнить Анастаса. Пришли вѣсти, что разбойники изъ Анастасовой шайки успѣли поправиться, собрались и рыщутъ вокругъ Аскалона. Вчера и сегодня они оиять уже многихъ ограбили и убили двухъ путниковъ, шедшихъ по дорогѣ къ Азоту и къ Газѣ. Встревоженные этимъ, аскалонцы считали возможнымъ, что ободрившіеся разбойники, при чьей-нибудь тайной помощи, проберутся, переодѣтые, въ самый городъ Аскалонъ, нападуть на темницу, выбьютъ дверь и уведутъ Анастаса, котораго одно имя внушало всѣмъ содроганье. Темничникъ Раввула не ручался, что большой деревянный замокъ на дверяхъ темницы можетъ устоять передъ силой многихъ отчаянныхъ людей, которые станутъ напирать на двери, и онъ бросилъ аскалонскихъ старшищъ, безопасно слѣдившихъ въ это время за тѣмъ, какъ подъ жужжанье и звуки кастаньетокъ ловятъ осу привезенныя египтянки, и сѣлъ на иочь у двери темницы. Милій спохватился, но поздно: онъ велѣлъ, чтобы съ самыхъ сумерекъ до утра запирали ворота Аскалона и чтобы по городу каждый часъ ночи посмѣнно ходили дозоры. Эти дозоры должны были брать всѣхъ, кто ненадеженъ или возбуждаетъ сомнѣніе, все равно — будетъ ли то христіанинъ, или язычникъ. А какъ христіанамъ казались подозрительными всѣ нехристіане, а язычники съ подозрѣніемъ смотрѣли на всѣхъ христіанъ, то при встрѣчѣ дозоровъ съ кѣмъ бы го ни было изъ запоздалыхъ на улицахъ и городскихъ пустыряхъ внотьмахъ происходили ссоры и схватки. По-

бонца эти часто сопровождалась ранами и увѣчьями, а для женщинъ, кромѣ того, еще и насиліями. Въ эту пору въ Аскалонѣ всякій почиталъ въ правѣ на сожалѣніе только своего единовѣрца, а челоуѣка чужой вѣры считалъ достойнымъ пренебреженія и не оказывалъ ему снисхожденія.

Очутившись въ темнотѣ на улицѣ, Тенія все это вспомнила и содрогнулась. Положеніе ея было исполнено такого отчаянія, что если бы въ эту минуту возлѣ нея очутились отрокъ Евлогій или Тивуртій-донмицикъ, то, быть-можетъ, она имъ сказала бы: «Вы побѣдили, я готова идти, къ кому вы хотѣли меня отвести». Но, по счастью, людей этихъ не было здѣсь, они вмѣстѣ съ другими смотрѣли, какъ ловятъ осу, и Теніи оставалось выбрать между двумя опасностями: подвергать себя встрѣчѣ съ дозорами, которые могли настичь ее гдѣ-нибудь на городскихъ пустыряхъ, или же поспѣшить выбѣжать за городскія ворота и ночевать въ травѣ оливковой рощи, среди которой было кладбище. Она выбрала послѣднее: ей лучше казалось провести ночь въ тишинѣ кладбища, и, къ тому же, въ умѣ ея пробудилось заложенное тамъ съ дѣтства суевѣріе: у людей языческой вѣры, въ которой выросла Тенія, было въ обычаѣ, при большихъ недоумѣніяхъ, вопрошать кости мертвыхъ. Тенія быстро пошла за городскія ворота къ оливковой рощѣ, съ намѣреніемъ отыскать на кладбищѣ, въ песчаной долиинѣ, одну могилу, изъ которой торчалъ наружу провѣщательный черепъ, и спросить: какъ онъ ей скажетъ—она такъ и поступить. Всѣ живые ее осуждаютъ, всѣ говорятъ, что не тотъ ключъ благодѣтелей, который хранить свою чистую воду въ своемъ водоемѣ, а тотъ, который разбѣгается далеко потокомъ и поить всѣхъ, кого томить жажда. Всѣ эти доводы мутятъ въ ней ясность сознанія, она сама не вѣритъ себѣ, что поступаетъ какъ должно.

— О, скорѣе, скорѣе, я пойду — вопрошу кости мертвыхъ!

И Тенія быстро понеслась по темнымъ полямъ къ оливковой рощѣ, сокрывавшей кладбище.

Разбойниковъ, бродившихъ вокругъ Аскалона, по дорогамъ къ Азоту и Газѣ, она не боялась. Почему они ей не казались страшны, — въ этомъ она себѣ не давала отчета.

Не Анастасъ ли одинъ изъ всѣхъ въ аскалонской темницѣ сберегъ и отдалъ ей для дѣтей ея подаваемые хлѣбцы съ чернушкой? Къ тому же, на ней нѣтъ ни затканныхъ золотомъ тканей, ни цѣпей, ни браслетъ, ни драгоценнаго пояса,—одежды ея бѣдны и просты, съ нея нечего взять. Во всемъ остальномъ разбойники ей не казались опаснѣй, чѣмъ Милій, Тивургій, Раввула-темничникъ и даже сама свекровь ея, Пуплія, и, наконецъ, даже самъ Фалалей, потому что и онъ, истомившись, сталъ алченъ, какъ волкъ, и началъ говорить ей такое, отъ чего ей до сихъ поръ страшно.

Теперь вся забота для Теніи заключалась въ томъ, чтобы она въ темнотѣ не сбилась между множества тропъ и нашла бы тропинку къ оливковой рощѣ.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Тенія безпрестанно наклонялась, разсматривая тропинки, и не сбилась съ дороги: она благополучно дошла до оливковой рощи, но едва вошла въ нее, какъ увидела въ купѣ деревьевъ сверкавшій огонь отъ костра. Она притаилась и стала разсматривать, что можно увидѣть при этомъ огнѣ, и вскорѣ увидела двухъ человѣкъ, въ которыхъ сейчасъ же узнала разбойниковъ. Оба они были совсѣмъ голы и грѣлись у огня, а возлѣ нихъ были поставлены у деревьевъ ихъ копья съ наостренными наконечниками, на блестящей поверхности которыхъ отражалось пламя. Тенія колебалась — идти ли ей впередъ, или притаиться, но чуткій слухъ разбойниковъ подстрожилъ ей приближеніе, и они оба вскочили, бросились къ дереву, за которымъ она укрывалась, схватили ее за руки, начали угрожать ей, что бросятъ ее на то раскаленное мѣсто, гдѣ горѣлъ ихъ костеръ, и подвергнуть ее пыткѣ.

— Для чего же меня пытатъ?—отвѣчала Тенія.—Я сама расскажу вамъ, кто я и куда иду, и какъ я несчастна.

И она имъ все рассказала и не промолчала о томъ, что получила кусокъ хлѣба отъ Анастаса.

Слушая рассказъ Теніи, оба разбойника задумались и потомъ сказали:

— Мы за тебя отомстимъ,—мы два брата и оба разбойники—насъ обоихъ изничтожилъ Тивургій.

Тенія имъ отвѣчала, что она не желаетъ отмщенія, а

если имъ ее жалко, то она проситъ ихъ проводить ее къ кладбищу и помочь разыскать ту могилу, изъ которой выдается наружу провѣщающій черепъ.

— Вы здѣсь скрываетесь и бродите,—навѣрное вы его замѣтили. Къ нему ходить вопрошать его тѣ, чье горе превосходитъ терпѣніе и омрачаетъ рассудокъ.

Разбойники, услыжавъ эту просьбу, такъ странно расхотались, что имъ отвѣтило лѣсное эхо, и суевѣрная Тенія испугалась и, схвативъ разбойниковъ за руки, сказала имъ:

— Вы были добры ко мнѣ до сихъ поръ, — не пугайте же меня теперь вашимъ страшнымъ смѣхомъ. Скажите мнѣ, видѣли вы или нѣтъ провѣщательный черепъ?

— Да, мы его видѣли, но не знаемъ, осталось ли отъ него что-нибудь послѣ насъ на поглядѣнье другимъ.

И разбойники несвязно и нескладно передали Теніи, что они днемъ ходили на кладбище, чтобы пошарить въ могилахъ, нѣтъ ли на какихъ-нибудь мертвецахъ закопанныхъ драгоценныхъ уборовъ... И кое-чѣмъ они нашли поживиться, но зато и поплатились испугомъ, какого въ ихъ храброемъ званіи допустить надъ собой недостойно.

— Мы, говорятъ,—замѣтили между острыхъ камней слѣды человѣческихъ ногъ и сказали себѣ: не мертвецъ же вѣдь этою дорожкой ходитъ! Пойдемъ-ка, посмотримъ. Если тамъ эти кости, къ которымъ глупые люди приходятъ, чтобы ихъ о чемъ-нибудь спрашивать, такъ тамъ должны быть наиданы деньги. Пошли и нашли тамъ что-то такое, что торчитъ наверху, точно ѣжъ. Стали смотрѣть: это—черепъ, весь сухою кожей обтянутъ и пылью засыпанъ. Братъ говорить: «Подними его; подъ нимъ должны быть монеты». Я его сталъ поднимать, но черепъ не поднимался... Я говорю брату: «Смотри-ка, онъ чѣмъ-то прикрѣпленъ». Братъ говоритъ: «Покачай». Я его покачалъ... Онъ качается, а все-таки остается на мѣстѣ, да и мнѣ что-то страшно за него трогаться, потому что онъ изъ могилы торчитъ... А братъ говоритъ: «Экая глупость! Какой же ты послѣ этого разбойникъ? Толкай его хорошенько изо всей силы направо и налево, — заверти винтомъ навкругъ и дерни — онъ оторвется». Я не хотѣлъ унижить себя въ глазахъ брата и сдѣлать какъ онъ мнѣ сказалъ, и черепъ свернулся на бокъ, но прочь не оторвался. Тогда братъ нагнулся вмѣстѣ со мною и говоритъ: «Ну, давай потянемъ вдвоемъ»,—и какъ

потянули, такъ и упали, а въ рукѣ у каждаго осталось по шматку сухой, сморщенной кожи,—похоже какъ древесная губка. Братъ посмотрѣлъ и говоритъ: «Это мы ему уши сорвали». Оба мы испугались чего-то и оба стали къ нему пригнаться и въ него вглядываться.

— Ну, говори же,—зачѣмъ ты остановился?

— Я остановился затѣмъ, что я послѣ того былъ хорошо пьянъ, а мнѣ все-таки еще жутко... А у этого черепа были глаза!

— Не сгнили еще?

— Нѣтъ. Это были живые глаза, — они были подняты къ небу и прямо глядѣли на солнце.

— На солнце глядѣть невозможно... только праведный, только святой взираетъ на солнце.

— Ну, такъ, можетъ-быть, это и есть святой или, по крайней мѣрѣ, онъ *былъ* такой сегодня утромъ.

— Что же еще вы ему сдѣлали?

— Мы ему ничего больше не сдѣлали: мы убѣжали, но... впрочемъ, если *онъ* тебѣ нуженъ...

— Ахъ, онъ мнѣ нуженъ!

— Такъ мы тебя къ нему проводимъ.

Теня ихъ поблагодарила, а разбойники взяли изъ-подъ корня стараго дерева по большой свѣтящейся гнилушкѣ и пошли черезъ темную чащу и привели Теню на кладбище къ тому мѣсту, гдѣ, въ темномъ рвѣ, среди каменной осыпи, была не то человѣческая могила, не то дождевой просось или рывина, а когда разбойники стали водить надъ поверхностью его свѣтящейся гнилушкой, то и они, и Теня стали различать что-то едва замѣтное и не имѣющее ни формы, ни вида, но страшное. Возможно, что это былъ ёжъ, а можетъ-быть и голова человѣка. Не разобрать, на что больше это похоже, но на самомъ дѣлѣ это была голова, вся обшитая шкурою какого-то звѣря. Въ обшивкѣ прорѣзы для глазъ, а надъ устами свѣсились грязныя космы.

— Это, навѣрное, тотъ, кого тебѣ нужно,—сказали разбойники:—и мы тебѣ не будемъ мѣшать съ нимъ говорить.

Разбойники удалились, а бѣдная Теня осталась одна и позабыла слова, въ которыхъ хотѣла сказать вопрошеніе. Это такъ переполнило мѣру ея страданій, что она зарыдала и упала на камни, коснувшись лицомъ своимъ того, что считала за черепъ, и сразу же слыть ей удивилъ какіе-то звуки.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Въ могилѣ былъ не мертвецъ, а въ ней жилъ христіанинъ, аскетъ и молчальникъ, старецъ Ѳермуфій. Онъ родился язычникомъ, потомъ сдѣлался христіаниномъ, а потомъ, по мнѣнію многихъ, омрачился въ разсудкѣ,—онъ кинулъ домъ, возненавидѣлъ плоть и заботы о жизни, закопалъ себя въ яму и молчалъ. Уже нѣсколько лѣтъ онъ ни однимъ звукомъ не нарушилъ своего обѣта молчанья. Онъ молчалъ, когда рвали его голову братья-разбойники,—молчалъ и тогда, когда Тенія рыдала надъ его головою, не имѣвшей ни формы, ни вида; но когда Тенія, совсѣмъ ослабѣвъ, упала и перестала плакать, обѣтъ его разрѣшился совсѣмъ мимовольно: Ѳермуфій-молчальникъ сталъ бредить... Это случилось въ часъ передъ разсвѣтомъ, когда въ воздухѣ пронесло утреннюю свѣжестью и за камнями кладбища въ колючей травѣ чирикнула робкая птичка. Тенія ободрилась, но, съ тѣмъ вмѣстѣ, ей показалось, будто все стало бредить. Можетъ-быть и она тоже бредила. Ей казалось, что этотъ ѣжъ, эта голова, обшитая звѣриною кожей, шевельнулась... вотъ въ ней подъ нависшею кожей что-то шумитъ, подобно движенію птицы, шевелящейся въ листьяхъ. Тенія затрепетала отъ страха и не трудно понять, сколько ужаса должно было заключаться въ этомъ для нея, которая не знала, что это законанъ въ землѣ молчальникъ Ѳермуфій, а думала, что видитъ передъ собою мертвый черепъ. И вотъ мертвый черепъ вѣщаетъ. Тенія слушаетъ. Вначалѣ невнятно... все птица шевелится. Молчальникъ отвыкъ говорить членораздѣльно. Но вотъ изъ устъ его, завѣшенныхъ звѣриною шерстью, начинаютъ слышаться звуки, похожіе на человѣческой голосъ. Можно понять, что онъ бредитъ извѣстною восточною гритчей о двухъ мышкахъ, бѣлой и черной, которыя точатъ вѣтку, торчащую изъ стѣны страшнаго обвала. На этой вѣткѣ виситъ человекъ... внизу подъ нимъ пронасть, надъ его головою другая—безпредѣльное небо... Бѣлая и черная мышь все, чередуясь, точатъ... вѣтка лопнетъ... человекъ оборвется въ темную пронасть... Сердце сжалось... руки слабѣютъ... тошно... оставили силы... сейчасъ упадетъ... Мыши все другъ дружку смѣняются... все точатъ...

Птица совсѣмъ будто проснулась, она уже не шевелится

въ густолиственныхъ вѣтвяхъ... она расправила крылья и выпорхнула на волю: слова становятся явственны.

— Вверхъ, вверхъ надъ собою гляди!—воскликаетъ молчальникъ и продолжаетъ типе:—нѣтъ края здѣсь и нѣтъ края тамъ, но внизъ глядѣть тошно, — вверху освѣ-
жаетъ...

Тенія слушаетъ; онъ продолжаетъ:

— Ключъ студеной воды бьетъ у предгорья... Струи его прозрачны и свѣжи... пустыня вокругъ... зной... полдень... Кто-то несчастный бредеть. Это воинъ усталый... Онъ видитъ воду, прильнулъ и утолилъ свою жажду... Зачѣмъ онъ такъ шлѣ? охлажденная голова его вмгъ отуманилась... Воинъ боится чего-то... онъ бѣжитъ, онъ даже оставилъ здѣсь наполненный золотомъ поясъ... Приближается юноша... и его томить зной, и онъ чувствуетъ жажду... Пьетъ... Забираетъ поясъ съ золотомъ и уходитъ... Ташится медленно старецъ... зной опалилъ и его... Старецъ тоже напился и здѣсь опочилъ... Горный источникъ! зачѣмъ ты поилъ ихъ?.. Воинъ хватился, гдѣ его поясъ и гдѣ его золото... Воинъ мчитъ назадъ, потрясая мечомъ... «Старецъ,—кричитъ онъ:—старецъ проклятый! подай мое золото!» Старецъ не бралъ его золота,—старецъ невиненъ... Воинъ не внемлетъ... Старецъ убить... Кровь его льется въ ручей, и чистый ручей замутился... Онъ больше не чистый ручей, — онъ кровавый ручей... Лучше бъ не текъ онъ... Лучше бъ онъ не манулъ къ себѣ воина, юношу и старца... Храни чистоту! Вверхъ гляди, вверхъ!—Съ этимъ ясность слова прошла, опять слышался шелестъ, подобный метанію птицы въ вѣтвяхъ, и голова, обшитая шкурою звѣря, съ шерстью, повисшей надъ прорѣзомъ для устъ, вдругъ исчезла, точно въ могилѣ провалилось дно.

Преставился къ Богу молчальникъ Өермуфій, проговорившій передъ смертью въ бреду, безъ нарушенія обѣта. Тенія поняла изъ его бреда то, что ей надо было понять: она знаетъ, что правда на ея сторонѣ, а не на сторонѣ тѣхъ, кто виушаетъ ей «разлиться ручьемъ». Проклятіе злему началу! Не надо начала, не одинъ же вѣдъ Милій только на свѣтѣ... и не одинъ только нынѣшній случай, когда придетъ надобность «разливаться»... И развѣ одинъ только свои семейные могутъ вынуждать это? Не всѣ ли несчастные жалки? За несчастныхъ должно не бояться страданья и

смерти, но не искупать ихъ постыдными сдѣлками. Нѣтъ! Выше этого, выше!

И только-что она стала глядѣть вверхъ, какъ въ умѣ ея сейчасъ же стали слагаться совсѣмъ другія мысли. Кто другихъ любитъ больше себя, тотъ ихъ избавить всегда, когда хочеть. Чтѣ ей Милій, чтѣ ей доимщикъ Тивуртій, чтѣ ей Пуллія, чтѣ ей всѣ тѣ, кто кричатъ на нее въ аскалонской темницѣ! Она теперь знаетъ, чтѣ надо сдѣлать, чтобы освободить Фалалея. Духъ Теніи вспрынулъ и нервы ея напряглись, какъ струны высоко настроенной арфы. На лицѣ ея сіяла ясно сознанная цѣль и твердая воля. Она встала, взглянула въ лицо восходящей зари и проговорила:

— Незримый, живущій за предѣлами нашего взора! Я внутри себя слышу Твой голосъ: Ты укрѣпилъ духъ мой, я отдамъ мою жизнь за друзей, но мой духъ я возвращу Тебѣ чистымъ!.. Мой мужъ, мои дѣти, я несу вамъ счастье! Мнѣ не нужно напутка, отводящаго память!

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Тенія возвращалась въ городъ въ бодромъ настроеніи. Красота ея, можетъ-быть, еще никогда до этого не была такъ благородна. Оливковая роща, въ которой Тенія провела ночь, давшую ей силы вдохновенной рѣшимости, была на востокъ отъ Аскалона, а потому, когда Тенія приближалась къ городу, лучи восходившаго солнца освѣщали ее сзади и лицо ея было отѣнено, межъ тѣмъ какъ ея стройный станъ, покрытый бѣдною одеждою изъ синяго полотна, и бѣлый льняной покровъ на головѣ сверкали въ сильномъ освѣщеніи. Аскалонъ былъ передъ нею, и она входила въ него, какъ богиня, одѣтая бѣдною пастушкой, и не замѣчала, что Аскалонъ былъ въ необыкновенномъ волненіи. Здѣсь ожидалось теперь большое событіе: оно вытекало все изъ тѣхъ же самыхъ случайностей и имѣло цѣлью предотвратить ужасную опасность: стало извѣстно, что отчаянные друзья Анастаса издалека ведутъ два подкопа, изъ которыхъ посредствомъ одного хотятъ перехватить притокъ прѣсной воды въ Аскалонъ, а посредствомъ другого пробраться въ Иродову темницу и выпустить изъ нея всѣхъ, кто въ ней заключенъ.

Всѣмъ стало ясно, что Милій слишкомъ долго поддавался

любовнымъ заботамъ и, по коварству Тивуртія, слишкомъ долго передержалъ дѣло злодѣя Анастаса. Друзья Анастаса не тратили время даромъ и собрались вооруженными шайками. Минувшею ночью они подвинулись разомъ отъ Газы и отъ Азота и стали за одно поприще отъ Аскалона.

Темничникъ Раввула не спалъ во всю ночь и съ поражающею ясностью слышалъ подземные стуки — это удары киркой и лопатой. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что къ темницѣ ведется подкопъ, но откуда и въ какомъ направленіи онъ ведется—это неизвѣстно, а межъ тѣмъ это необходимо было узнать и притомъ такъ, чтобы не показать народу, гдѣ есть опасность. Для этого была предпринята особая околичность, которая должна была одновременно вести къ открытію, гдѣ ведется подкопъ, и разомъ покончить съ Анастасомъ такъ, чтобы въ случаѣ, если друзья его проберутся этою ночью въ темницу, то чтобы они уже не нашли его въ живыхъ.

Такой способъ заключался въ томъ, чтобы *прожечь* аскалонскую темницу.

Что за церемонія было это *прожиганіе*, какъ оно совершалось и къ чему иногда вело,—это требуетъ болѣе подробнаго объясненія и для этого надо вкратцѣ сказать, что такое были ужасныя темницы Ирода, прозваннаго Великимъ.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Въ подземныхъ темницахъ, подобныхъ той, гдѣ были заключены злодѣи Анастасъ и мужъ Тени, Фалалей-корабельщикъ, не было почти никакихъ приспособленій для потребностей человѣческихъ. Люди здѣсь спали, пили и ѣли па одномъ и томъ же мѣстѣ, куда ихъ бросили на гнилой тростникъ или на такую же солому. На этихъ самыхъ мѣстахъ они были прикованы кто къ чему попало: однихъ приковывали къ желѣзнымъ стѣнамъ, другихъ къ столбамъ, поддерживавшимъ своды, третьихъ къ кольцамъ и рогулямъ, ввернутымъ въ плиты, служившія поломъ. Въ нѣкоторыхъ изъ этихъ темницъ была такая страшная тѣснота, что къ одному кольцу приковывали на цѣпяхъ не по одному, а по нѣсколько человѣкъ. Такая тѣснота была и въ аскалонской темницѣ.

Желѣзныя кольца здѣсь были вдоль всѣхъ стѣнъ въ са-

момъ тѣсномъ одно отъ другого разстояніи, и то же самое было у всѣхъ столбовъ и по всему полу. Въ стычкѣ каждой плиты было кольцо и къ каждому изъ половыхъ колець было приковано по четыре человекъ. Эти несчастные могли сидѣть или лежать только скорчась; но и при этомъ еще здѣсь не умѣщались всѣ, кого считали нужнымъ томить въ заключеніи: въ длинномъ дощатомъ притворѣ съ покатымъ поломъ, по которому надо было спускаться съ поверхности въ подземелье, лежали въ два ряда старыя корабельныя мачты съ выдолбленными прорѣзами и заклинками. Въ эти прорѣзы или пазухи вкладывали ноги невольника и заколачивали ихъ клиньями. Колоды и клинья виолнѣ замѣняли желѣзо и даже были гораздо терзательнѣе: въ цѣпяхъ можно было перемѣнить положеніе ногъ, а забитый въ колоду не могъ ворохнуть своими ногами, и онѣ у него отекали, надувались и нерѣдко трескались. Человѣкъ съ ногами, забитыми въ колоды, только едва могъ встать и опять сѣсть.

Такая лютая жестокость въ содержаніи людей въ старинныхъ темницахъ оправдывалась тѣмъ, что при этихъ темницахъ не было, по-нынѣшнему, многочисленной стражи. Тогда за цѣлость всѣхъ заключенныхъ отвѣчалъ одинъ темничникъ, которому не всегда даже полагался помощникъ. Помощь тюремщику тогда оказывалъ развѣ кто-нибудь изъ его же семейныхъ. Иногда такими помощниками были женщины, жены или дочери стража. Онѣ входили въ мрачныя помѣщенія заключенныхъ, нимало ихъ не боясь, потому что всѣ содержимые здѣсь были крѣпко окованы или забиты ногами въ бревна. Сирійскія темницы, построенныя Иродомъ, были хуже тѣхъ египетскихъ темницъ, гдѣ сидѣли виночерпій и хлѣбодаръ фараона. Тюрьма въ Аскалонѣ была, какъ сказано выше, обширный, мрачный подвалъ, подобный тому, въ какомъ при Иродѣ былъ долго томленъ и безъ суда, въ минуту пьянаго разгула, зарубленъ Креститель. При такомъ содержаніи и безъ многочисленной стражи уходить было трудно, но въ такія дурно устроенныя темницы легко подкапывались.

Должность темничника была часто очень выгодною—онъ былъ полный хозяинъ темницы и могъ обращаться съ заключенными, какъ онъ хотѣлъ. За излишнюю суровость и даже жесткость темничника не судили, потому что, только

обращаясь безъ милосердія, онъ и могъ содержать множество заключенныхъ въ повиновеніи, не прибѣгая къ пособію многочисленной стражи; но зато при такой тѣснотѣ и при такихъ порядкахъ, не допускавшихъ возможности каждому невольнику покидать свое мѣсто, въ Продовыхъ темницахъ скоплялась отвратительная и ужасная нечистота, распространявшая тяжкое зловоніе, отъ котораго люди задыхались до смерти. Тростникъ и полусгнившая солома, брошенные въ подстилку для невольниковъ, сгнивали подъ ними, не перемежаясь по цѣлымъ годамъ. Въ этомъ отвратительномъ смрадномъ болотѣ кишѣли бѣлоголовые черви, мокрицы и большой сѣрый клопъ, а въ трещинахъ плить гнѣздились пятнистые пауки, скорпионы и фаланги... Случалось, что умершаго челоуѣка не скоро усматривали, и онъ здѣсь же разлагался... Какіе-то особые гады «выпивали глаза» у больныхъ и умершихъ... Окно въ темницахъ, построенныхъ Продомъ, было мало, и тѣ самаго незначительнаго размѣра. Темницы буквально были *темны*, а для того, чтобы проходило хоть сколько-нибудь свѣжаго воздуха, во все время отъ восхода солнца до вечера двери темницъ стояли растворены и у порога ихъ сидѣлъ самъ тюремщикъ или кто-нибудь изъ лицъ его семейства. Двери всегда были одиѣ и въ нихъ мимо тюремщика проходили люди, которые посѣщали невольниковъ и приносили имъ пищу. Это дозволялось, потому что составляло выгоду для темничника, который зато не кормилъ заключенныхъ. Въ продолженіе дня, пока двери были открыты, въ темницѣ еще былъ какой-нибудь притокъ свѣжаго воздуха; но когда, съ приближеніемъ ночи, темничный стражъ уходилъ въ свое помѣщеніе и дверь замыкалась на болты и засовы, воздухъ въ темницѣ быстро спирался и заключеннымъ становилось нечѣмъ дышать. Это было мучительно. Въ это же время вся живая нечисть, какъ сѣрый клопъ, скорпионъ и хвостатая мокрица, тучами вползали на тѣла невольниковъ и точили ихъ грязную и воспаленную кожу, отдавая всякую возможность сна и покоя. Въмѣсто ночного отдыха, заключенные испытывали терзанія, приводившія ихъ въ бѣшенство. Болѣе счастливы были тѣ, кто скорѣе впадалъ отъ этой мѣки въ безмятство и начиналъ бредить въ безумствѣ.

Съ закрытіемъ на ночь темничныхъ дверей, во всю ночь изъ узкихъ окошекъ этихъ ужасныхъ подземелій раздава-

лись немолчные стоны и вопли, а порой слышался отчаянный крикъ и бѣшенныя проклятія, и цѣпи гремѣли, вторя проклятіямъ. Только подъ утро, когда силы измѣняли несчастнымъ, крики утихали и слышался скрипъ, какъ будто шлила тупая пила,—это былъ скрежетъ зубовой. Люди метались, попирали другъ друга, выдали въ тяжелый неистовый бредъ и это метанье было *сонъ* въ тюрьмѣ аскалонской. Нерѣдко случалось, что темничникъ Раввула, открывъ утромъ дверь аскалонской темницы, находилъ здѣсь одного или нѣсколькихъ человѣкъ задохнувшихся; но иногда онъ не замѣчалъ сразу, что они умерли, и почиталъ ихъ за спавшихъ или обмершихъ, потому что вездѣ здѣсь были такіе, которые, по открытіи дверей, лежали долго безъ чувствъ. Послѣ того, какъ до нихъ доходила струя воздуха изъ открытой двери, они мало-по-малу приходили въ себя, чтобы начинать ощущать другія терзанія, составляющія здѣшнюю *жизнь*.

При такихъ условіяхъ темничные невольники коротали свои дни въ мукахъ отчаянія, впадая сколь въ тяжкіе, столь же и въ отвратительные недуги. Только разъ въ годъ, а иногда и того рѣже, невольниковъ выводили изъ темницы на одинъ день, и тогда они могли видѣть небо и солнце. Это случалось въ неопредѣленное время, когда нечистота отъ сгнившихъ тростника и соломы достигала такой степени, что самъ темничникъ ощущалъ невозможность приходить къ невольникамъ. Тогда всѣхъ заключенныхъ выводили въ оковахъ, сажали ихъ въ старую негодную барку и отводили эту барку въ море; а темницу набивали сухимъ хворостомъ и зажигали его, чтобы пропалить всю нечисть огнемъ.

ГЛАВА СЕМНАДАТАЯ.

Прожиганіе приносило серьезную пользу, а дѣлали его такъ, что въ дверь темницы напихивали огромныя кучи смолистаго хворосту и соломы и зажигали ихъ, а сильная тяга воздуха, стремясь отъ дверей къ отдушникамъ въ отдаленномъ концѣ, раздувала огонь и поалаляла нечистоту, которая здѣсь накопилась.

Огненный палъ въ темницѣ былъ живымъ и полнымъ интереса событіемъ для каждаго жителя въ Аскалонѣ. Это интересовало всѣхъ потому, что, когда заключенныхъ выво-

дили изъ темницы и сажали на барку, можно было видѣть всѣхъ, кто тутъ томился, и какое страшное искаженіе природы произвела надъ ними неволя. При каждомъ прожиганіи ямы жители Аскалона сбѣгались сюда, какъ на самое любопытное зрѣлище, и толпились, желая узнать въ числѣ несчастныхъ узниковъ людей, имъ когда-то знакомыхъ и, можетъ-быть, давно позабытыхъ. Зрѣлище это было ужасно; но еще ужаснѣе было то, что выводили не всѣхъ. Существовало основательное убѣжденіе, что передъ паломъ въ темницѣ забывали тѣхъ, кого хотѣли избыть безотложно. Всѣ въ Аскалонѣ вѣрили, что будто при каждомъ пропаливаньи темницы тамъ всегда кого-нибудь сожигаютъ живого, и устроить это, въ самомъ дѣлѣ, ничего не стоило, и это дѣйствительно дѣлали съ тѣмъ, съ кѣмъ надо было кончить немедленно. Этимъ теперь и захотѣлъ воспользоваться темничникъ Раввула. Услышавъ тревожившій его стукъ подъ землею, онъ пришелъ къ Милію и сказалъ ему:

— Господинъ, вотъ ты сдѣлалъ большую ошибку: напрасно ты медлилъ судить Анастаса. Въ этой ночи я слышала стукъ подъ темницей. Темница подкопана, и я не знаю, гдѣ идетъ этотъ подкопъ. Каждый часъ угрожаетъ бѣдою: Анастаса могутъ отковать и увести. Отвѣчай за него ты, а я его сторожить не берусь.

Милій испугался и вскричалъ:

— Неужто нѣтъ средства отвратить эту неожиданность и кончить раньше, чѣмъ они подкопаютъ?

Раввула посмотрѣлъ на него исподлобья и тихо отвѣтилъ:

— Для всякой вещи есть средство; но тому, кто его знаетъ, надо хорошо платить.

Милій тотчасъ же позвалъ Евлогія отрока и, взявъ много золота изъ касы доброхотныхъ даяній, метнулъ его, не считая, Раввулѣ. Раввула взялъ золото и сказалъ:

— Дай мнѣ сейчасъ повелѣніе выжечь гадовъ въ темницѣ.

Милій отвѣтилъ:

— Повелѣваю тебѣ именемъ императора. Иди и сдѣлай это, какъ нужно.

Но Раввула еще стоялъ и, встряхнувъ на рукѣ золото, тихо промолвилъ:

— Анастасъ ли одинъ нарушаетъ покой моего господина?

Милій бросилъ ему еще золота и сказалъ:

— Ты довольно разуменъ: Анастасъ не одинъ человѣкъ,

мнѣ ненавистный. Есть еще тамъ другой, — имя его тебѣ скажетъ доимщикъ Тивуртій.

— Знаю я самъ это имя, — отвѣтилъ Раввула и вышелъ.

Это произошло въ то самое утро, когда Тенія шла на зарѣ изъ оливковой рощи и, ничего объ этомъ не зная, удивлялась замѣтному большому движенію людей, которыми овладѣло любопытство и волненіе при извѣстїи, что сегодня будутъ выводить на барки узниковъ и прожигать темницу.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

Паль, однако, нельзя было сдѣлать въ одну минуту безъ подготовленія всего, что къ тому нужно: надо было имѣть смолистый хворостъ и солому, и просторныя барки для того, чтобы размѣстить на нихъ выведенныхъ узниковъ. Чтобы принасти все это, нужно было, по меньшей мѣрѣ, полдня времени. Подвозъ хвороста былъ первымъ знакомъ того, что темницу будутъ вынашивать. Темничникъ Раввула, какъ только вышелъ отъ Милїа, такъ сейчасъ же велѣлъ согнать всѣхъ дроворубовъ для заготовленія хвороста, а когда тѣ пошли рубить хворостъ, жители Аскалона узнали, что предполагается паль, и устремились толпами къ темницѣ, чтобы видѣть, когда будутъ выводить на барки невольниковъ.

Это и было то тревожное движеніе, которое замѣтила Тенія, идучи утромъ въ темницу, чтобы навѣстить Фалалея.

Путь же Тенїи отсюда пролегалъ по улицѣ, гдѣ помѣщался домъ, занятый для вельможи Милїа, и случилось такъ, что когда Тенія проходила мимо этого дома, то ее увидаль Милїй и, схватившись рукою за сердце, воскликнулъ:

— О, какъ она исхудала и какъ измѣнилась! Но и въ этомъ страдальческомъ видѣ она еще мнѣ прелестнѣй! Позовите ее — пусть она взойдетъ ко мнѣ на минуту.

Бывшій въ то время у Милїа доимщикъ Тивуртій выбѣжалъ къ Тенїи и, остановивъ ее за рукавъ, заговорилъ ей:

— Самы боги привели тебя сюда, прекрасная Тенія. Заключинаю тебя твоими дѣтьми Вириной и Виттомъ, не спѣши удаляться отъ дверей этого дома, гдѣ для тебя готова все-сильная помощь. Взойди вмѣстѣ со мною, и я тебѣ отвѣ-

чаю, что ты выйдешь съ повелѣніемъ въ рукахъ освободить Оалалея!

Тенія отвела руку Тивургія и отвѣчала:

— Я не нуждаюсь ни въ чемъ повелѣній; я сама освобожу Оалалея.

— Ты сама возвратишь отца твоимъ дѣтямъ! Подумала ли ты, что ты сказала?

— Да, я обдумала все, и я это сдѣлаю. Оалалея будетъ сегодня свободенъ!

— Нѣтъ, ты говоришь это въ безуміи. Кто же откроетъ ему двери темницы?

— Я сама передъ нимъ растворю эти двери.

— Ты, вѣрно, видѣла бѣлаго ворона и потеряла разсудокъ.

Тенія улыбнулась и молвила:

— Да, я видѣла бѣлаго ворона, но мой разсудокъ со мною.

— Не трать лучше попусту времени. Фортуна недаромъ привела тебя къ дверямъ Милія... Войди и скажи короткое слово: «мигъ благосклоненъ». Иначе... конецъ твоему Оалалею.

— Концы и начала не въ нашихъ рукахъ.

— Однако, если Раввула сегодня сдѣлаетъ огненный палъ и забудетъ твоего Оалалея въ темницѣ, то конецъ его неизбѣженъ.

Тенія поблѣднѣла и пошатнулась на мѣстѣ, но не издала даже ни вопля, ни стона и твердо пошла своею дорогою къ темницѣ, а Тивургій, съ пѣной у рта, бросился къ привязанному у столба осленку, сѣлъ на него и, страшно бранясь, поухаль, колоти изъ всей силы животное палкой.

Тенія даже не интересовалась, куда такъ спѣшитъ ея врагъ; она никого не боялась: она знала, что никто не выдумаетъ ничего болѣе страшнаго и болѣе рѣшительнаго, чѣмъ то, что сама она придумала и на что рѣшилась.

Это было такое рѣшеніе, въ которомъ ей помѣшать было невозможно.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

Въ самой темницѣ волненіе было еще сильнѣе, чѣмъ по дорогамъ и въ городѣ. Событіе, о которомъ узнали узники,

было для нихъ слишкомъ важно,—всѣмъ хотѣлось увидать горы, море и небо, и притомъ каждаго втайнѣ тревожила страшная мысль: какъ бы его не позабыли вывести передъ началомъ пала. Всюду слышалось громыханье цѣпей и крикъ множества надтреснутыхъ и хриплыхъ голосовъ. Посѣтителей въ темницу тоже набѣжало болѣе, чѣмъ обыкновенно. Пыль отвратительной плѣсени и несносный смрадь наполняли весь подвалъ отъ пола до сводовъ, на которыхъ теперь, какъ бы чувствуя бѣдствіе, гучами сѣли клопы, межъ тѣмъ какъ въ расщелинахъ половыхъ плитъ, шурша, переползали другъ черезъ друга скорпіоны.

Окованные и некованные люди плотно стояли другъ возлѣ друга. Тенія едва могла протѣсниться чрезъ эту плотную толпу недоброжелательныхъ къ ней людей, которые, какъ только ее увидали, сейчасъ же стали кричать:

— Вотъ она, вотъ эта проклятая, ненавистная женщина! Мужъ ея всѣхъ разорилъ, а она не хочетъ сдѣлать пустого дѣла для общаго спасенія! Мало ее растерзать!

— Да,—кричали другіе:—они оба изверги! Бя мужъ хотѣлъ быть всѣхъ богаче для того, чтобы быть всѣхъ добѣе, а она хочетъ быть всѣхъ чище и оставляетъ другихъ гнить въ смрадѣ.

— Ничего; зато сынъ ея Виттъ вырастетъ воромъ, а дочка Вириня будетъ продавать себя въ пристани.

— Проклятый Фалалей! Проклятая Тенія!

Не довольствуясь этими грубыми проклятіями, узники язвили ее еще безстыдными насмѣшками надъ ея цѣломудріемъ.

Тенія все это слышала и молчала. Она къ этому привыкла, потому что такъ обыкновенно ее здѣсь привѣтствовали. Тенія спѣшила теперь, какъ можно скорѣе, отыскать своего мужа, и нашла его лежащаго виць возлѣ кольца, къ которому онъ былъ прикованъ. Онъ былъ безъ чувствъ и другіе въ темнотѣ безпрестанно на него наступали.

Когда Тенія своими попеченіями привела мужа въ чувство, онъ сначала совсѣмъ не узналъ ея и смотрѣлъ молча въ туномъ равнодушій, но потомъ сталъ говорить, что Раввула-темничникъ, навѣрное, хочетъ позабыть его въ темницѣ, но что онъ къ этому приготовился и даже предпочитаетъ скорую смерть долгой истомѣ.

— Я доставлялъ тебѣ слишкомъ много хлопотъ, и все

это напрасно, — отдай лучше всю свою нѣжность дѣтямъ нашимъ Виринѣ и Витту.

— Ты больше имъ нуженъ, — отвѣчала Тенія. — Я слаба силами — я не умѣю трудиться и не умѣю приобрѣтать имъ, что нужно.

Фалалей покивалъ головою и молвилъ:

— О, ты ошибаешься! Ты только и можешь дать имъ, что нужно. Ты умѣла быть всѣмъ довольна, — вотъ это и есть то, что нужно и что даетъ счастье, а я былъ жаденъ къ приобрѣтенію богатства, — это то, что не нужно и въ чемъ сокрыто несчастье жизни. Я за это страдаю.

— Твои страданія сегодня окончатся.

— Знаю, что окончатся, потому что меня сожгутъ здѣсь.

— Нѣтъ, тебя выпустятъ!

— Почему меня выпустятъ?

— Потому, что не для чего держать въ неволѣ того, отъ кого нечего добиваться?

— Что ты хочешь сказать? — вскричалъ Фалалей. — Неужели отчаяніе дало тебѣ мысль убить себя?

— Отчаяніе давало мнѣ много мыслей, которыя хуже чѣмъ мысль убить себя; но теперь я не хочу убивать себя: я останусь жива, и все, что здѣсь затѣяли сдѣлать на погибель людей, будетъ не нужно.

— Что же ты сдѣлаешь?

— Ты это увидишь... объ этомъ не надо говорить.

Съ этимъ Тенія быстро встала и совершенно неожиданно очутилась у лаза въ прокаженную яму, и черезъ мгновеніе она была бы уже тамъ, но въ это же самое мгновеніе зазвенѣли цѣпи Анастаса и его скованныя руки обхватили станъ Теніи.

— Стой! — прошепталъ онъ ей на ухо: — стой! Я понялъ, что ты хочешь сдѣлать, но это не нужно. Я возвращу тебѣ мужа и отца твоимъ дѣтямъ иначе. До полудня есть еще время. Вѣги скоро за городъ, по дорогѣ къ Азоту. Тамъ, гдѣ у стараго храма Изиды двѣ пальмы... подъ той, которая вправо, среди мелкаго щебня, лежитъ сѣрый камень, похожій на свернувшагося теленка... Онъ тяжелъ для твоихъ силъ, но ты возьми черепокъ и конай имъ подъ уголь, похожій на морду. На глубинѣ третьей пяди найдешь мѣдный казанъ... Онъ полонъ золота. Ты такая добрая и вѣрная, что мнѣ тебя стало жаль, а я еще не зналъ, какъ жа-

лѣюгъ... Я не зналъ... какъ отрадно жалѣть человека... Возьми за это себѣ мое золото и выкупи мужа. Бѣги же скорѣе, бѣги!

Слушая это, Тенія стояла, напрягаясь, какъ эластичный лукъ, и едва Анастасъ произнесъ ей послѣднее слово, она отпрыгнула, какъ стрѣла съ тетивы, и понеслась въ направленіи къ Азоту.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ.

Межь тѣмъ какъ Тенія мчалась по дорогѣ къ Азоту, въ аскалонской темницѣ неожиданно разыгрались потрясающія событія.

Началось съ того, что вскорѣ послѣ того, какъ скрылась за кладомъ Тенія, въ темницу вошли доимщикъ Тивуртій и Раввула-темничникъ. Оба они пришли съ злѣдѣйскими намѣреніями и прямо подошли къ Фалалею и, ничего ему не говоря, начали его отклепывать отъ кольца его цѣпи.

Фалалей взволновался и со слезами спрашивалъ ихъ, что они хотятъ съ нимъ сдѣлать.

А тѣ ему отвѣчали:

— Мы хотимъ посадить тебя въ прокаженную яму. Пусть твоя Тенія приметъ тебя оттуда въ свои объятія.

— Лучше сожгите меня, — сталъ умолять Фалалей.

— Мы сами знаемъ, что хуже и что лучше, — отвѣчали Раввула и Тивуртій, и поволокли его къ ямѣ, не обращая никакого вниманія на его ужасные вопли. И изъ всѣхъ узниковъ, которые слышали эти вопли, никто за Фалалея не заступился. Такъ всѣ боялись, что имъ отплатитъ Раввула; но когда, послѣ изрядной борьбы, Фалалея протаскивали мимо Анастаса-злѣдѣя, то произошло нѣкъмъ неожиданное событіе. Чрезвычайно сильный злѣдѣй Анастасъ ударилъ своими оковами по головамъ Тивуртія и Раввула такъ, что они упали, а онъ сжалъ и пропихнулъ ихъ въ прокаженную яму. И Тивуртій, и Раввула кричали, а Анастасъ угрожалъ убить ихъ, если они полѣзутъ назадъ.

Въ темницѣ поднялся страшный бунтъ и дали знать Милію. Милій тотчасъ надѣлъ свою красную тогу и, взявъ съ собою отрока своего, скорописца Евлогія, отправился съ нимъ въ темницу, но былъ въ недоумѣніи, ибо теперь и самъ онъ не зналъ, что ему дѣлать.

Скорописецъ же Евлогій, идучи у плеча Милія, сказалъ:

— Смѣю ль спросить моего господина, что ты намѣрсишь сдѣлать, когда мы вступимъ въ темницу?

Милій остановился и, взглянувъ на него, отвѣтить:

— По правдѣ сказать, я еще ничего не придумалъ.

— Однако, кому ты будешь мстить и за кого заступаться?

— Скажи лучше, что ты имѣешь на мыслихъ, вѣдь за хорошей совѣтъ тебѣ можетъ быть хорошая плата.

— Оставь Раввулу съ Тивуртиемъ тамъ, куда они попали. Иначе они и въ проказѣ будутъ противъ тебя свидѣтелями, и императоръ, и сама Θεодора тебя не похвалятъ.

— Но куда жъ мы ихъ дѣнемъ?

— О, господинъ мой! Огонь вѣдь все очищаетъ. Надо только не медлить... Кого ты назначишь тюремщикомъ вмѣсто Раввулы?

— Если хочешь, я тебя назначаю.

— Я тебѣ благодаренъ и черезъ малое время докажу тебѣ дѣломъ мою благодарность.

Перемолвись такъ, они подходили къ темницѣ, у входа которой нашли уже приготовленные кучи хворосту и толины народа.

Евлогій, увидя людей, выступилъ впередъ и сказалъ:

— Граждане аскалонскіе! посторонитесь и откройте путь благородному Милію, который идетъ наказать виновныхъ въ безпорядкѣ и защитить тѣхъ, кто страдалъ отъ жестокости смѣненнаго темничника Раввулы и сотоварища его, звѣронравнаго доимщика Тивуртія. Теперь, волею господина моего Милія, я буду совмѣщать обѣ ихъ должности и въ темницѣ настанетъ новый порядокъ.

Толпа раздвинулась и открыла дорогу ко входу, но въ это же время явилась Тенія.

Несмотря на то, что день былъ страшно зноенъ и раскаленные скалы еще болѣе увеличивали жаръ въ воздухѣ, слабая и измученная Тенія быстро достигла развалинъ, указанныхъ ей разбойникомъ Анастасомъ, раскопала въ сказанномъ мѣстѣ щель, достала сокровище и сейчасъ же опять пустилась съ нимъ обратно въ городъ. Она пришла въ тотъ самый мигъ, когда Евлогій сказалъ свою рѣчь и когда Милій хотѣлъ вступить въ темницу. Золота было много; но Тенія его не вѣсила и не считала, а все, сколько тамъ было, бросила къ ногамъ Милія и сказала:

— Вотъ тебѣ выкупъ за моего мужа и за всѣхъ, кого здѣсь терзаютъ. Пусть это возьмутъ тѣ, кому эти люди должны, а ты сейчасъ же выпусти заключенныхъ на волю.

Милій пришелъ въ изумленіе и не зналъ, что отвѣтить; но Евлогій шепнулъ ему:

— Дорожи собою; въ такія минуты ты долженъ показать безпристрастье народу.

Золота же было здѣсь болѣе, чѣмъ на тройную цѣну противъ всего полного долга Фалалея.

— Откуда взяла ты такое богатство?—спросилъ Евлогій у Теніи. — Здѣсь достанетъ на выкупъ всѣхъ, кого содержать за долги въ аскалонской темницѣ; но дѣйствительно ли ты отдаешь это все за другихъ?

Тенія отвѣчала, что она достала золото изъ земли и хочеть, чтобы всѣ, кого томятъ за долги, были сейчасъ же отпущены.

Милій приказалъ взвѣсить золото и выпустить должниковъ на свободу. А Евлогій, ставшій разомъ вмѣсто Тивургія доимщикомъ и вмѣсто Раввулы тюремщикомъ, позвалъ кузнецовъ и расковалъ всѣхъ, кто содержался въ тюрьмѣ за долги. Злодѣевъ же и убійцъ вывелъ на барку и послалъ на торгъ купить для нихъ пища и свѣжее платье, и мягкой кожи съ шерстью, чтобы подвернуть подъ оковы на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ желѣзо проѣло до кости.

Во все это время въ темницѣ стоялъ страшный шумъ, и никто не слышалъ стуковъ подкopa и криковъ Раввулы и Тивургія и заслонившаго лазъ къ нимъ тѣломъ своимъ Анастаса. Всякому тутъ было теперь самому до себя.

Перваго выпустили на свободу Фалалея, и Тенія тотчасъ же удалась съ нимъ, обвиняя его одною рукой, а другою поддерживая на головѣ корзину съ купленною пищею. Когда увидала ихъ Пуллія, она подумала, что Тенія, наконецъ, поступила, какъ желалъ Милій, и послѣ радостнаго свиданія съ сыномъ посадила на колѣни къ нему Вирину и Витта, а невѣстку отвела въ сторону и похвалила ее за послушаніе.

Тенія же въ отвѣтъ ей улыбнулась и тихо отвѣтила:

— Не хвали меня, почтенная Пуллія, я твоего совѣта не слушалась и не стою твоей похвалы,—золото далъ мнѣ не Милій вельможа, а злодѣй Анастасъ.

Старая Пуллія ужаснулась и, вслеснувъ руками, спросила:

— Анастась! Милосердные боги! Для чего же ты предпочла его грубыя ласки ласкамъ Милія, и гдѣ взяла напитокъ, отводящаго память?

— Мать Ѡалалея!—отвѣчала ей Тенія:—я не отдавалась ничьимъ ласкамъ и мнѣ не былъ нуженъ забвенный напитокъ, но я не теперь расскажу тебѣ все, что со мной было. Теперь мы оставимъ Ѡалалея радоваться, лаская дѣтей, а сами давай скорѣй вскипятимъ воду и сваримъ для всѣхъ изобильную пищу, и тогда, когда сядемъ всѣ впятеромъ, какъ мы давно не сидѣли, и всѣ насытимся, я расскажу вамъ подробно, что мнѣ пришлось перенести и какъ это случилось, что въ рукахъ моихъ очутилось золото Анастаса безъ напитка, отводящаго память.

— Нѣтъ, ужъ ты, бѣдная, лучше объ этомъ забудь.

Но Тенія снова улыбнулась и отвѣтила:

— Мать Ѡалалея! злодѣй не требовалъ отъ меня ничего такого, о чемъ ты думаешь и о чемъ мнѣ желасшь забыть. Я хочу обо всемъ этомъ помнить и буду всѣмъ говорить, чтобы всѣ люди знали, что сдѣлалъ мнѣ Анастасъ, и нашли для него у себя сожалѣнье.

И сдѣлалось такъ, какъ хотѣла Тенія. Когда пища была готова и осчастливленная семья насытилась, Тенія рассказала свекрови и мужу, какъ она изнемогала въ борьбѣ, что видѣла ночью въ оливковой рошѣ, какъ шла назадъ и повстрѣчалась съ Тивуртиемъ, и за что Анастасъ ее похвалилъ и указалъ ей кладъ, отданный ею въ выкупъ за всѣхъ должниковъ.

При этомъ Тенія пролила слезы объ Анастасѣ, и это было какъ разъ въ то время, когда его надо было оплакать, ибо въ это самое время въ аскалонской темницѣ свершилось послѣднее и самое безчеловѣчное дѣло.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

Когда узники были выведены, темницу набили хворостомъ, и скорописецъ Евлогій бросилъ туда горящій факель, а вѣтеръ подулъ и сквозь весь хворостъ пробѣжало трескучее пламя. Въ дымѣ этого пламени задохнулся злодѣй аскалонскій, но онъ погибъ не одинъ. Люди, которые оставались тамъ до конца, видѣли, какъ Анастасъ показался въ окнѣ прокаженной темницы. Онъ сорвался съ цѣпей и потрясалъ, задышавъ, рѣшетку въ окошкѣ... За спиной его

видѣли лица ревѣвшихъ Тивуртія и Раввулы; но трескъ пламени заглушалъ ихъ ревъ и проклятія. Евлогій же отъ имени Милія не допускалъ никого къ этому окну, и сами они оба стояли вдвоемъ у окошка, пока все было кончено. Анастасъ ихъ узналъ и, плюнувъ на красную тогу Милія, прокричалъ такъ громко, что всѣ могли слышать:

— Ты самый лютый злодѣй аскалонскій!

И когда онъ это вскричалъ, сквозь толпу прорвались два никому невѣдомые человѣка. Оба они были наги, но съ ножами при бедрахъ, и среди общаго смятенія они кинулись на Евлогія и на Милія, и у всѣхъ на глазахъ зарѣзали ихъ, а за ними присѣли такіе же другіе, въ числѣ больше какъ двадцать, и бросились тушить огонь, пылавшій въ темницѣ, но погасить его было уже невозможно. Анастасъ и Тивуртій съ Раввулой сгорѣли, и какъ ни смѣлы были отчаянные разбойники, проникшіе въ городъ, чтобы спасти Анастаса, но и они не могли войти въ полную пламени яму. Они только насытили свое мщеніе убійствомъ Милія и его скорописца. Разбойниковъ этихъ не поймали, потому что на гражданъ Аскалона напалъ страхъ,—всѣ думали, что разбойниковъ ворвалось несмѣтное множество, и всѣ побѣжали защищать свои дома и семейства. Притомъ же, сожженный живымъ Анастасъ возбудилъ къ себѣ жалость, а Милій—всеобщее презрѣніе.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ.

Рано удалившаяся съ мужемъ Тенія не видала всѣхъ ужасовъ этой развязки. День для нея протекъ какъ одно мгновеніе. Передъ вечеромъ Фалалей отправился на море мыться, а Тенія, обнявъ дѣтей, сидѣла у берега и смотрѣла вслѣдъ отходившей красивой расцвѣченной триремѣ, на которой гудѣлъ египетскій ребабъ и иѣли хоромъ молодые женскіе голоса, а на возвышеніи, покрытомъ яркою индійскою тканью, молодая нубійка ловила осу, какъ будто дразнила Аскалонъ на прощанье.

Это Сергій, испугавшійся безпорядковъ, отплывалъ съ своею трупой обратно въ Александрію.

Пуплия въ это время ходила въ городъ, чтобы купить просторный полосатый шатеръ, гдѣ бы семейство могло помѣститься лучше, чѣмъ оно помѣщалось въ убогомъ шалапѣ. Пришедшіе съ Пуплией шатранжики раскидывая чистую па-

латку съ поперечными коймами краснаго и синяго цвѣта, рассказали Теніи, что произошло, и когда она услышала о погибели Анастаса, то вздохнула и сказала имъ:

— Всѣ не напрасно его сожальютъ: онъ сдѣлалъ много зла, но не угасялъ въ сердцѣ своемъ сожалѣнія; а кто умѣетъ жалѣть, тотъ еще не мертвъ для доброй жизни и самъ сожалѣнія достоинъ.

И она опять рассказала, какимъ подвергалась искушеніямъ и уговорамъ отъ самыхъ почетныхъ и близкихъ людей, а въ заключеніе сказала:

— Я не хочу ихъ укорять; но удивляюсь, отчего было все такъ, что тѣ, которые очень заботились о жизни, тѣ всѣ подавали мнѣ дурные совѣты—не постоять за мое цѣломудріе, а поддержали меня только два человѣка—и это какъ разъ были тѣ, которые сами болѣе жить не думали: одинъ былъ отшельникъ въ могилѣ, а другой—обреченный на смерть Анастасъ. За встрѣчу съ этими двумя, не дорожившими жизнію, я благословляю милосердное небо и молю его дать имъ вѣчную жизнь.

Шатерщики, услыхавъ такія слова, поникли головами и въ молчаніи окончили свою работу: уладили полъ подъ шатромъ, очертили мѣсто для обѣда и усыпали это возвышеніе узорами разноцвѣтнаго песка, придавшаго видъ цвѣтнаго ковра.

Возвратившійся въ эту пору Фалалей тоже слышалъ сказанныя Теніею слова, и когда шатерщики, получивъ свою плату, ушли въ городъ, а Пуплія повела дѣтей, чтобы вымыть ихъ въ прѣсной водѣ пѣнистымъ греческимъ мыломъ и потомъ уложить ихъ спать въ новомъ просторномъ шатрѣ, корабельщикъ сказалъ женѣ:

— Я замѣтилъ твои слова о разницѣ между тѣми, которые дорожатъ жизнію, и тѣми, которые не дорожатъ ею. Это замѣчаніе остро, и, знаешь, я слышалъ когда-то совершенно такое въ Дамаскѣ отъ того, кто мнѣ говорилъ о моей новой вѣрѣ.

— Что же онъ говорилъ?

— Онъ читалъ, что «кто сильно любитъ жизнь, тотъ ее потеряетъ, а кто не дорожитъ ею, тотъ ее не только найдеть для себя, но и можетъ дать силу жизни другому».

— Это прекрасно, но для чего же ты могъ это забыть

и думалъ о томъ, какъ бы получить себѣ всего какъ можно больше?

Фалалей подернулъ плечами и, глубоко вздохнувши, отвѣтилъ:

— Я испортилъ себя, когда прикоснулся къ богатству,— богатство есть тоже нашкотъ, отбивающій память: желая богатства, нельзя не забыть объ истинномъ благѣ.

— А я всегда это знала,—тихо продолжала Тенія.

— Но кто же тебѣ это открылъ?

Тенія взяла руку мужа и положила ее себѣ на сердце, а другою своею рукою указала тихо на небо.

Они оба задумались; вечеръ уплывалъ, синева моря густѣла,—наступала прохлада и ночь.

Тенія встала, взяла въ ладони свои лицо мужа и, глядя ему въ глаза, сказала, что идетъ приготовить къ ночи ша-теръ.

Фалалей остался одинъ и сидѣлъ, обхвативъ руками колѣни. Онъ глядѣлъ то на звѣздное небо, то въ темную даль безбрежнаго моря. Все это для него теперь было обновленіемъ жизни, и онъ чувствовалъ себя самымъ счастливымъ человѣкомъ, которому нечего больше желать. Онъ весь проникся благодарностью, и глаза его овлажились благодатными слезами, и сквозь нихъ онъ увидѣлъ снова свою цѣломудрую Тенію, которая, окончивъ уборку шатра, распахнула его входную полу и, поддерживая ее обнаженными по самыя плечи руками, назвала его имя и добавила шопотомъ:

— Другъ мой, иди,—часъ благосклоненъ.

СКАЗАНИЕ О ФЕДОРѢ-ХРИСТИАНИНѢ

И О ДРУГѢ ЕГО

АБРАМѢ-ЖИДОВИНѢ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Въ греческомъ городѣ Византіи, прежде чѣмъ этотъ городъ сталъ называться Константинополемъ, а у русскихъ Царьградомъ, жили два сосѣда. Одинъ былъ еврей, а другою крещеный изъ потаенныхъ; еврей содержалъ ветхозавѣтную вѣру пророка Моисея, а крещеный разумно соблюдалъ свою христіанскую вѣру. Оба сосѣда жили исправно, а промыслами занимались различными: еврей дѣлалъ золотыя и серебряныя вещи, а христіанинъ имѣлъ корабли и посылалъ ихъ съ товарами за море. По сосѣдству они другъ другу ничѣмъ не досаждали и имѣли обыкновеніе никогда другъ съ другомъ о вѣрѣ не спорить. Кто изъ нихъ въ какой вѣрѣ родился, тотъ въ такой и пребывалъ, и свою вѣру передъ другимъ не превозносилъ, а чужую не унижалъ и не порочилъ. Оба разсуждали такъ: «кому что въ разсужденіи вѣры отъ Бога открыто,—такова, значить, воля Божія». И такъ они въ добромъ согласіи прожили много лѣтъ счастливо.

У обоихъ этихъ сосѣдей было по сыну, которые родились въ одинъ годъ. Христіанинъ своего сына потаенно окрестилъ и назвалъ Федоромъ, а еврей своего, по еврейскому закону, въ восьмой день обрѣзалъ и назвалъ его Абрамомъ.

Тогда въ Царьградѣ главною вѣрой была еще вѣра язы-

ческая. Христіане и евреи, которые жили между язычниками, старались себя явно не оказывать, чтобы не дразнить язычников и не накликать на себя неудовольствія. А потому, какъ крещеніе Федора, такъ и обрѣзаніе Абрама отцы ихъ сдѣлали въ домахъ своихъ безъ угощенія, потихоньку, при однихъ своихъ близкихъ родныхъ.

Оба сосѣда, получивъ отъ Бога потомство, были очень рады. Христіанинъ говорилъ:

— Добрый сосѣдъ! Дай Богъ, чтобы сыновья наши жили между собою такъ же ладно, какъ мы между собою прожили.

И еврей сказалъ то же самое.

— Дай Богъ, сосѣдъ; но я думаю, что дѣти наши должны жить еще согласнѣе, потому что они отъ насъ, отцовъ своихъ, имѣютъ добрый примѣръ, что въ согласіи заключается удобѣе и счастье, а въ несогласіи—всякое безпокойство и разореніе.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Когда мальчики, Федоръ и Абрамъ, подросли до той поры, что ихъ стали манить совмѣстныя игры и забавы, то обѣ матери — и христіанка, и жидовка — начали выносить на огородъ и сажать ихъ вмѣстѣ, чтобы они забавлялись, а большимъ не мѣшали. А огороды у еврея и у христіанина были рядомъ, бокъ-о-бокъ, и, по тогдашней простотѣ, ничѣмъ не были разгорожены. Вынесетъ еврейка, посадить своего Абрамку, и христіанка принесетъ своего Федю и тоже посадить его рядомъ на травѣ подъ большой розовой кустъ; надають имъ какихъ попало дѣтскихъ забавокъ, чтобы играли, а сами пойдутъ каждая къ своимъ дѣламъ по домашеству. Но всегда, бывало, и одна, и другая строгонастрого дѣтямъ наказывали, чтобы играли мирно и весело, какъ хотятъ, а ссориться чтобы не смѣли. Ежели же въ чемъ-нибудь не сумѣютъ поладить, то чтобы не жаловались, а сами между собою мирились.

Въ такомъ простомъ, но добромъ наученіи мальчики выросли и сжились другъ съ другомъ такъ, что любили одинъ другого совершенно какъ два согласные родные брата. Даже и болѣе, потому что между родными братьями по крови бываютъ иногда несогласіе и зависть, а у Федора съ Абрамомъ ничего подобнаго не было. Что одному было

любо, то и другому нравилось. А что одинъ изъ ихъ былъ окрещенъ, а другой обрѣзанъ, — этого они совсѣмъ не знали. За занятіями и недосугами родители ихъ оставляли имъ это безъ растолкованія, да дѣти даже еще и не уразумѣли бы въ своемъ возрастѣ, въ чемъ тутъ разница. Въ невинномъ дѣтскомъ маломысліи, они вмѣстѣ играли и, наигравшись вмѣстѣ, обнявшись, засыпали на травкѣ, спрятавъ головы подъ одинъ и тотъ же розовый кустъ, въ которомъ копошились золотыя пчелки, а дѣтей не трогали, все равно какъ христіанина, такъ и жидовина.

Но вотъ Ѳеодоръ и Абрамъ подросли и настало время посылать ихъ въ школу. А это случилось, когда въ Константинополѣ язычество приканчивалось и была уже объявлена главною вѣра христіанская. Идолъскія капища тогда разоряли или передѣлывали на церкви и на городскихъ стѣнахъ, надъ воротами, стали писать образа, чтобы всякій, проходя, кланялся и молился.

Въ эту пору многое стали заводить на иной ладъ, и нѣкоторые учителя начали изъяснять высшему правительству, что христіанину и еврею вмѣстѣ ходить въ одну школу не годится, а непременно надо раздѣлять дѣтей порознь, чтобъ они съ малолѣтства не смѣшивались, потому что, будто, вмѣстѣ имъ нельзя дать согласнаго наученія, такъ какъ у евреевъ главный законъ вѣры — отъ Моисея, человѣка Божія, а у другихъ — отъ Христа. Мы ихъ ветхій законъ признаемъ, но только къ нему отъ своего Новаго Завѣта добавку дѣлаемъ, а евреи думаютъ, что имъ добавки не надо, а довольно и одно то соблюсти, что въ старомъ законѣ отъ Моисея показано.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Матери Ѳеодора и Абрама не твердо разумѣли, что ихъ религіи подробно касается, а знали по-женски одно наружное. Знали онѣ, напримѣръ, что жидовкамъ въ свое время надо въ ванну лазить и окунаются по обязанности, а крещенымъ женщинамъ — заведено мыться только когда понадобится; или, что христіанамъ можно ѣсть свинину, а жидамъ свиное мясо запрещено и не позволено. Прочаго же, что есть главное въ томъ и въ другомъ законѣ, онѣ до тонкости не понимали, и молились по-своему, каждая про себя, какъ была научена въ дѣтствѣ. Больше же всего объ онѣ

жили съ тою заботой, чтобы въ сосѣдствѣ по-домашеству имъ одной отъ другой было какъ можно удобнѣе и чтобы не оказать никакой другъ другу помѣхи.

Старый, потаенный христіанинъ и еврей, какъ настало время ихъ мальчикамъ учиться, не захотѣли ихъ разлучать, и чтобы въ этомъ не было помѣхи, свели Ѳедора и Абрама къ одному мастеру, который и научилъ ихъ греческой грамотѣ. Оба мальчика хорошо занялись и такъ полюбили грамоту, что рвались къ ней въ несытость. Мало имъ было того, чему въ школѣ у мастера научатся, а они еще, какъ придутъ домой, опять и дома тоже продолжали заниматься. Какъ только поѣдутъ, сейчасъ опять сойдутся на огородѣ, сядутъ подъ деревцомъ, обоймутся и опять вмѣстѣ читаютъ — про разныя страны и про разныя вѣры. Одну за другою, много книгъ они прочитали, и все съ хорошею памятью, такъ что мастеръ обонхъ ихъ хвалилъ и всѣмъ другимъ въ примѣръ ставилъ. Одобрялъ онъ ихъ и за науку, и хвалилъ за добронравіе, такъ какъ они вышли дѣти тихія, согласныя и ласковыя.

Такъ Ѳедоръ и Абрамъ росли своимъ роднымъ на утѣшеніе, а постороннимъ въ хорошій примѣръ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Отцы и матери Ѳедора и Абрама, каждый на своемъ языкѣ и по своей вѣрѣ, благодарили Бога, что мальчики такъ умны и послушны, и радовались ихъ согласію. Въ обѣихъ семьяхъ сосѣдскаго сына привѣчали наравнѣ съ своимъ: Ѳедоръ ли прибѣжить къ Абрамовымъ родителямъ, старый еврей и еврейка были съ нимъ ласковы, все равно какъ съ своимъ, и такъ же точно, если Абрамъ приходилъ къ товарищу, то и Ѳедоровы отецъ съ матерью обращались съ Абрамомъ всегда ласково, только свининой его не угощали.

А мастеръ, къ которому Ѳедоръ и Абрамъ ходили учиться книжной мудрости, былъ грекъ еще стараго эллинскаго наученія и самъ вышелъ изъ старинныхъ философскихъ школъ. Его звали Панфилъ. Онъ былъ человекъ справедливый и умный и въ дѣтяхъ старался насадить и укрѣпить ту же самую любовь къ справедливости. Онъ не только училъ ихъ по книгамъ, но и на словахъ давалъ всѣмъ правильное наставленіе къ жизни, чтобы никто одинъ

другого не унижалъ и никто другъ надъ другомъ ничѣмъ не превозносился, потому что если есть въ комъ что-нибудь болѣе превосходное, чѣмъ въ другомъ, то это въ человѣкѣ не есть его собственное и имъ при рожденіи не выслужено, а отъ Бога даромъ ему пожаловано. Ни красотой тѣла, ни природой родителей своихъ, ни ихъ богатствомъ и знатностію,—ничѣмъ у Панфила ученики другъ передъ другомъ не хвастались. И черезъ это, хотя въ школахъ у Панфила было много дѣтей изъ всего «разсѣянiя», то-есть разныхъ вѣрѣ, но всѣ они были приучены жить какъ дѣти одного Отца, Бога, создавшаго небо и землю, и всяческое дыханіе—элина же и іудея.

Поучившись книжному мастерству, дѣти вмѣстѣ шли по домамъ, весело между собою говоря и играя, особенно Федоръ съ Абрамомъ, которые сжились, какъ братья. Но вдругъ вышло новое повелѣніе, чтобы школамъ не быть для всѣхъ вмѣстѣ, по-старому, а чтобы раздѣлиться по вѣрамъ. Такъ и стали заводить. И тогда надъ всѣми школами оставили особливый досмотръ слѣдить, чтобы дѣти одни съ другими не мѣшались, и поставлены были особые смотрители, которыхъ называли «младопитателями».

Начали младопитатели все смогрѣть, во все вникать и обо всемъ распытывать,—не только чему мастера въ своихъ школахъ учатъ, но и что родители своимъ дѣтямъ дома внушаютъ. Захотѣли въ-разъ все передѣлать, за единый вздохъ.

Одинъ такой младопитатель утвердился надъ тою школой, гдѣ учились Федоръ съ Абрамомъ, и началъ онъ у Панфила спрашивать:

— Объясни мнѣ, Панфиль, какъ ты вѣруешь и какую вѣру превозносишь, а какую опровергаешь?

Панфиль отвѣчалъ:

— Господинъ, произволеніемъ Творца людямъ не одинаково явлено во что вѣрить, и у насъ между всѣхъ есть много разныхъ вѣрѣ, и не въ этомъ зло, а зло въ томъ, что каждый изъ людей почитаетъ одну свою вѣру за самую лучшую и за самую истинную, а другія безъ хорошаго разсужденія порочить. А какъ я самъ всѣхъ вѣрѣ не знаю, то объ истинѣ ихъ во всей полнотѣ судить не могу, и я потому ни одной вѣры противъ другой не унижаю и ни одну не превозношу, такъ какъ это до меня совсѣмъ не касающее.

Младопитатель удивился.

— Зачѣмъ же,—говорить,—ты этакъ лукаво умствуешь? Это такъ нельзя.

Панфилъ отвѣчаетъ:

— Такъ я, по крайней мѣрѣ, ни въ какую ошибку никого не ввожу.

— Чтò за важная вещь ошибиться! Всѣ ошибаются—это можно покаяніемъ исправить; но мы знаемъ истину и должны ее всѣмъ оказать. Надо, чтобы между людьми было по ихъ вѣрамъ раздѣленіе.

— Для этого,—отвѣчаетъ Панфилъ:—у всякаго въ своей вѣрѣ есть наставники, которые всѣхъ раздѣлить постараются, а въ училищѣ я только о томъ забочусь, чтобы у дѣтей въ постиженіи разума никакого раздѣленія не было, а больше бы крѣпли любовь и согласіе.

Младопитатель не похвалилъ:

— Это,—говорить,—у тебя нехорошо отъ ученыхъ разсужденій развилось. Надо такъ, чтобы всякій отрокъ отъ младыхъ ногтей особо себя понималъ и жилъ всякъ по своей вѣрѣ.

Мастеръ не согласился и сказалъ:

— Я этого внушать не могу.

Стали другъ другу отвѣчать и спорить, но согласиться не могли: и у одного, и у другого на все нашлись доказательства.

Младопитатель только тѣмъ взялъ верхъ, что сказалъ:

— Ты меня долженъ слушаться: я—начальникъ и твои разсужденія мнѣ знать не нужно.

Тогда Панфилъ отвѣтилъ:

— Хорошо, если все по твоей волѣ должно дѣлаться, то тебѣ дѣйствительно отъ разсудка приводить нечего; но ты помилосердуй—не понуждай меня разлучать дѣтей. Мои ученики еще молоды и у нихъ слабый, лысый размысль, ребячій. Когда они придутъ въ возрастъ и разумомъ окудрявятся, тогда они сами, по своимъ смысламъ въ вѣрѣ, разберутся, а пусть добрый навыкъ согласія дѣтскаго при нихъ останется.

Младопитатель опалился гнѣвомъ:

— Что такое есть земное согласіе?! Надо достигать истины.

А Панфилъ опять проситъ:

— Да ты взгляни,—говорить,—на ребятокъ-то: вѣдь они теперь всё еще молоды лѣтами и умомъ всё лысы, не крѣпки, — ничего того, что большихъ понятій требуетъ, они понимать еще не могутъ. Помилосердуй, пожалуйста, оставь раздѣленіе ихъ надольше, а пока пусть они всё вмѣстѣ учатся, пусть отъ младыхъ ногтей обькнутъ соблюдать миръ душевный и другъ къ другу общую любовь. Тогда и разница въ особливыхъ понятіяхъ не разъединитъ сердце ихъ.

Младопитатель головой замоталъ.

— Намъ твое разсужденіе,—говорить,—теперь не подь-стать. Мы теперь заводимъ все по-своему и скоро во всемъ свѣтѣ все будетъ только по-нашему. Что мы хотимъ, то всякій долженъ отъ самыхъ молодыхъ ногтей постичь и это передо всѣми на видъ оказывать. А ежели кто разсуждаетъ такъ, какъ ты судишь, то тотъ теперь къ дѣлу ненадеженъ, и я тебѣ такъ учить не позволю.

Панфилъ подулъ въ свою бороду, вздохнулъ и молвилъ:

— Значитъ, быть по-твоему. На тебѣ власть и я тебѣ покоряюсь. Не позволяешь мнѣ такъ вести, какъ я умѣю, то и не надо: я свою школу прикончу и учениковъ отпущу.

— Да, отпусти, — отвѣчала младопитатель: — а чтобъ и другимъ не повадно было, я твои двери на семь печатей припечатаяю.

И припечаталъ. Школа прикрылась. А Панфилъ созвалъ дѣтскихъ отцовъ и говорить:

— Вотъ вышелъ такой приказъ, котораго я исполнить не могу, и младопитатель школу мою припечаталъ. Ведите теперь каждый свое дитя къ другимъ мастерамъ по раздѣленію вѣры вашей. У меня они худу не научились, а тамъ дай имъ Богъ научиться еще лучшему.

Пожалѣли отцы, что надо брать дѣтей отъ кроткаго Панфила, однако, подчинились чему надо и развели дѣтей въ другія школы, каждый по раздѣленію вѣры своихъ.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Мальчики Осдоръ и Абрамъ тутъ только впервые разлучились. Отвели Осдора въ особливую школу для христіанъ, гдѣ былъ учитель, который почиталъ себя всѣхъ праведнѣе, а Абрама отецъ свелъ въ хедерь къ жиду, который считалъ себя всѣхъ умнѣе и изъ всѣхъ созданныхъ чище. Онъ весь

жидовскій талмудъ выучилъ и наизусть зналъ все правила, по которымъ все люди другой вѣры почитаются «погаными».

Оба новые учителя на самомъ первомъ шагу сказали своимъ ученикамъ, чтобы никто съ учениками изъ чужихъ школъ и въ шутку не баловалъ, а если кто не послушается и станетъ играть, тому въ школъ лозой пригрозили.

А чтобы дать дѣтямъ растолкованіе, одинъ сказалъ:

— Богъ только съ одними съ нами въ самомъ лучшемъ родѣ обходится и одно наше все чистое, а всехъ другихъ Богъ гораздо меньше насъ любитъ, и все другіе—поганые, а все, что при нихъ есть, это тоже все поганое. Что у нихъ есть, все надо отнять да снести освятить и потомъ себя взять. Тогда оно очистится, а самому съ погаными послѣ того опять не знаться. Кто же съ нимъ по простотѣ поведется, тотъ самъ опоганится, и Богъ за него не станетъ заступаться, а я его безъ всякаго милосердія лозой застегая, а потомъ отдамъ его другому начальнику, а другой отдастъ его еще третьему, и дойдетъ до того, что ему на свѣтѣ живымъ не остаться. А потомъ его, послѣ смерти, еще на томъ свѣтѣ опять будутъ мѣднымъ вѣнникомъ въ огненной банѣ парить и посадятъ на раскаленный желѣзный стулъ и все будутъ мучить безконечныя вѣки.

Другой учитель не уступилъ этому и тоже одно свое все чистымъ называлъ, а чужое все испоганилъ, и также отдачныхъ ему въ науку ребятъ обѣщался до смерти избить, а послѣ смерти лишить ихъ всехъ радостей.

Какъ въ первый разъ ученики вышли изъ школъ, гдѣ услышали такія наставленія, такъ и почувствовали, что на нихъ взаправду разнь есть. вмѣсто то, чтобы по-ребячьи другъ съ другомъ водиться на волѣ, они сейчасъ же вспомнили учительское наставленіе и начали другъ противъ друга становиться и покрикивать:

— Не подходи: ты—поганый.

А другіе отвѣчали: «ты самъ—поганый».

Федоръ слышалъ, какъ это говорили про Абрама, а Абрама слышалъ, какъ поганили Федора.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Вернувшись домой, Федоръ и Абрама въ первый разъ не знали, можно ли имъ попрежнему вмѣстѣ сойтись.

Похватавши хлѣбца у матерей, побѣжали они по при-

вычкѣ на огородъ, на то самое мѣсто, гдѣ всегда играли; но другъ до друга не добѣжали, а стали одаль, какъ будто между ними какая-нибудь размѣтка была положена.

Стоять, жуютъ и одинъ на другого исподлобья посма-триваютъ, а ближе не подходятъ.

Наконецъ, одинъ заговорилъ:

— Намъ,—говорить,—теперь заказано, чтобы съ вами не водиться.

А другой отвѣчаетъ:

— И намъ то же самое.

Помолчали.

— Про васъ нашъ учитель говорилъ, что вы—поганые.

— И намъ про васъ говорилъ, что вы—поганые.

— Нѣтъ, мы не поганые,—намъ нашъ Богъ особливый законъ далъ, намъ свинью ѣсть нельзя, а вы ѣдите.

— А вы ее отчего не ѣдите?

— Я не знаю.

Опять помолчали.

— А что она, свинья, вкусная или нѣтъ?

— Если мать ее съ черносливомъ и маслиной испечетъ, такъ она очень вкусная.

Абрамъ задумался. Ему давно приводилось нюхать носомъ у Федора, какъ сладко пахнетъ свинина съ черносливомъ, и у него теперь подъ языкомъ защекотало.

Абрамъ плюнулъ и сказалъ:

— Поганое!

Федоръ говоритъ:

— Моя мать не печетъ поганого... А у насъ школа лучше вашей.

Отвѣчаетъ Абрамъ:

— А наша еще лучше вашей. У насъ меламедъ въ синихъ кудряхъ и все знаетъ.

— И намъ все знаетъ!

— Намъ про васъ знаетъ, что вы—поганые, а мы—чистые.

— Да это и намъ говоритъ, что вы—поганые.

— Ну, такъ погоди, я объ этомъ отцу скажу.

Оба рассказали отцамъ, а потомъ сошлись и опять перс-коряться начали:

— Отецъ говоритъ, что вашъ учитель пустяки вретъ.

— А мой отецъ говоритъ, что вашъ учитель пустяки вретъ.

Пошли съ этихъ поръ всякій день считаться и скоро послѣ того Федоръ и Абрамъ, отъ рожденія своего дружные, начали другъ друга поталкивать да съ кулаками одинъ на другого наскакивать.

— Ахъ, ты, жидь!—говоритъ одинъ.

А другой отвѣчаетъ:

— Ахъ, ты, гои-изувѣрный!

Пошло дальше, въ томъ же родѣ, и у другихъ. Гдѣ только встрѣтятся дѣти разновѣрныхъ отцовъ, такъ ужъ имъ и не охота другъ съ другомъ въ ладъ между собою забавляться, а охотиѣе стало мануться, чтобы другъ друга осмѣять, да выругать, и притомъ непременно какъ-нибудь самымъ обиднымъ манеромъ, чтобы чужой вѣры или отца съ матерью коснуться.

Всѣ еще понимали въ разности вѣръ очень мало, и то одно только самое поверхностное, а спорили очень много и часто заканчивали свои споры драками.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Изъ-за дѣтей вскорѣ и отцы начали ссориться, и сами тоже стали учить дѣтей, чтобы не сходились.

— Черезъ васъ, дескать, теперь только стала распря.

Федорова мать и Абрамова мать пошли разъ на огороды, чтобы поискать сыновей, и видятъ, что ихъ сыновья стоятъ другъ противъ друга на межѣ и толкаются, а у самихъ у обоихъ глаза горятъ и оба другъ на друга кулачонки сучатъ.

Одинъ покрикиваетъ: «Подойди-ка, подойди!» и другой— тоже.

Матери ихъ развели. Всякая взяла себѣ подъ рукавъ своего и говорятъ:

— Удивительно, отчего прежде они никогда не ссорились. Это, вѣрно, твой моего задрать началъ.

А другая отвѣчаетъ:

— Съ какой стати берешь на моего говорить? Мой всегда смиренный, а это твой задираетъ.

Начали спорить: «твой—этакой», а «твой—этакой», и разругались.

— Чтобъ нога твоего,—говоритъ,—на нашъ огородъ не вступала.

И другая сказала то же.

И взяла одна камней набрала и стежку проложила, чтобы за этотъ рядокъ Ѳедоръ съ Абрамомъ и переступить не могли.

А другая говорить:

— Я сама еще рядокъ камешковъ подброшу.

Стала камни швырять, да, въ сердцахъ, одна камень въ сосѣдку попала. Та завизжала.

Кинулись другъ на дружку и начали одна на другой платье рвать, да въ глаза плевать. Дѣти за ними. Сдѣлалась драка, и поднялся такой большой шумъ, что услышали другіе сосѣди и тоже выскочили на огородъ смотрѣть, какъ двѣ бабы дерутся, а ребятишки имъ помогаютъ. Услышали, наконецъ, и отцы Ѳедора и Абрама, что ихъ жены и сыновья дерутся, и прибѣжали и стали ихъ разнимать, да вмѣсто того сами подрались. А сосѣди, которые видѣли драку, глядятъ черезъ заборы и руками пока не вмѣшиваются, но стараются помогать молитвами.

А потомъ тѣ и другіе не вытерпѣли, перелѣзли черезъ загородки и стали каждый своими кулаками подсоблять, и вышло общее побойще.

Пришли военные и ихъ разогнали, а тѣхъ, кто началъ драку, за клинъ посадили и ноги имъ въ колодки забили, а правителю доложили, что всѣ эти люди за вѣру ссорятся.

Правитель велѣлъ христіанина выпустить, а жиды еще побить и съ него штрафъ взять, чтобы другимъ не повадно было съ крещеными ссориться.

Прежнихъ сосѣдскихъ ладовъ между Ѳедоровымъ отцомъ и Абрамовымъ съ сей поры какъ и не было. Вмѣсто пріязни настало такое неудовольствіе, что изъ нихъ ни одинъ другъ на друга и смотрѣть не могъ безъ гнѣва. А чтобы впередъ еще драки не было, они разгородились высокимъ каменнымъ заборомъ, такъ, чтобы никто на сосѣдское мѣсто и заглядывать не могъ. Такъ прежніе добрые сосѣди состарились и въ распрѣ другъ съ другомъ померли.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

А время шло впередъ, какъ ему Богомъ указано, и Ѳедоръ, и Абрамъ выросли, отучились и стали хозяйствовать. Оба они продолжали дѣла, которыми ихъ отцы занимались.

Федоръ торговалъ съ заморскими городами, а Абрамъ золотыя и серебряныя вещи дѣлалъ. Оба жили въ достаткахъ, но другъ съ другомъ попрежнему, какъ въ дѣтствѣ было дружно, уже не сходились, пока пришелъ одинъ особый случай.

Гулялъ разъ Федоръ, въ праздничный день, въ загородномъ мѣстѣ, за рощами надъ заливомъ, и видитъ, что нѣсколько человѣкъ изъ тѣхъ, съ которыми онъ вмѣстѣ въ одной школѣ учился, напали на Абрама, отняли у него золотыя кольца и самого его бьютъ да приговариваютъ:

— Вотъ какъ тебѣ, жидъ, чтобы ты нашъ праздникъ почиталъ и не смѣлъ бы работать и ходить съ непочтеніемъ.

Федору вспомнилось дѣтство и жалко стало Абрама: за что его обижаютъ? Федоръ и вмѣшался.

— Для чего, — говоритъ, — вы его обижаете? Какое зло онъ вамъ сдѣлалъ?

А тѣ отвѣчаютъ:

— Онъ нашей вѣрѣ непочтеніе сдѣлалъ.

— Какое же непочтеніе?

— Онъ въ нашъ праздникъ работу разноситъ и, какъ шель мимо воротъ, гдѣ ликъ написать, головы не открылъ.

А Федоръ, такъ какъ зналъ Евангеліе и законъ еврейской набожности, то и говоритъ:

— Вы не въ правѣ поступаете. Работать никогда не грѣхъ. Сказано: если у тебя овца упадетъ въ яму, развѣ ее, хоть и въ праздникъ, не вытащишь? И за непоклонъ головы вы съ него напрасно взыскиваете: это не обида, потому что по-нашему передъ святыней надо голову открыть, а по-ихнему обычаю это какъ разъ наоборотъ уставлено: у нихъ надо передъ святыней непременно съ покрытой головой быть, а открыть голову — значитъ непочтеніе.

Это дѣйствительно такъ было, какъ объяснялъ Федоръ, но ему не повѣрили и всѣ заговорили:

— Ты врешь: какъ можно передъ святыней покрывши голову быть? Это ты выдумываешь!

А Федоръ отвѣчаетъ:

— Нѣтъ, я вѣрно знаю и говорю правду.

— А почему тебѣ такая правда извѣстна, а намъ неизвѣстна? Мы всѣ въ одномъ мѣстѣ учились.

А Федоръ отвѣчаетъ:

— Я ранѣе школы дома объ ихъ вѣрѣ въ книжкахъ читаль.

— А-га... Ну, такъ ты, — говорятъ, — вѣрно и самъ по-таенный жидъ.

И набѣжало еще со всѣхъ сторонъ много людей, спра-влявшихъ праздникъ, и стали спрашивать:

— Чтѣ здѣсь за шумъ и за чтѣ ссорятся?

А прежніе стали скоро, частоговоркой, рассказывать, что вотъ поймали жидъ съ непочтеніемъ, а Ѳедоръ, хотя и крещеный, но за жидовскую вѣру заступається и свою ниже ставитъ. А тѣ люди, не разобравши дальше, отвѣчаютъ Ѳедору:

— Ты виноватъ!

— Чѣмъ?.. Я никому зла не сдѣлалъ.

— Какъ, — говорятъ, — зла не сдѣлалъ! А развѣ ты за жидъ не заступился?

Ѳедоръ не солгалъ и хотѣлъ рассказать, изъ-за чего вы-шло то дѣло, въ которомъ онъ заступился за Абрама, но его перебили и всѣ закричали:

— Это все равно: если ты жидовскій обычай оправды-ваешь и съ своими равняешь, то это все равно, что ты жидовскую вѣру хвалишь. Примите же и честь одина-ковую.

И стали всѣ бить ихъ обоихъ вмѣстѣ — и Абрама, и Ѳедора.

Избили ихъ и оставили обоихъ въ роцѣ, въ темномъ мѣстѣ.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Ѳедоръ съ Абрамомъ долго пролежали тутъ безъ памя-ти, а ночью, при прохладѣ, пришли понемножку въ себя и стали, другъ на друга опираючись, ползти домой. А какъ они добрались передъ свѣтомъ до дому, то Абрамъ сказалъ Ѳедору:

— Другъ Ѳедоръ! ты оказалъ мнѣ правду и милосердіе. Я твой должникъ буду на всю мою жизнь, а еще мнѣ всего дороже то, что ты человѣкъ справедливый и Бога больше, чѣмъ людей, боишься.

Ѳедоръ отвѣтилъ:

— Другъ Абрамъ! это и не должно быть иначе: такъ намъ Иисусъ Христосъ велѣлъ, а я хочу быть Его ученикъ.

Абрамъ говоритъ:

— Да, но не всѣ ученики твоего Учителя понимаютъ Его ученіе такъ, какъ ты.

— Что же дѣлать,—отвѣчалъ Ѳеодоръ.—Вѣдь и у евреевъ то же самое: внушенія человѣческія для многихъ закрываютъ заповѣди божескія.

— Правда,—молвилъ Абрамъ и, вздохнувъ, добавилъ:—поймутъ ли когда-нибудь всѣ люди истину, что Творецъ не желаетъ въ нихъ раздѣленія?

— Поймутъ всѣ, только не въ одно время.

— Приблизь, Господь, это время.

Ѳеодоръ улыбнулся.

— Вотъ,—говоритъ,—Абрамъ, мы съ тобой въ дѣтяхъ другъ друга любили, когда вмѣстѣ играли и вмѣстѣ подъ однимъ кустомъ спали, а потомъ люди насъ заставили врознь быть. А сейчасъ ты, я думаю, не замѣтилъ, что сталося: мы вѣдь вмѣстѣ одною молитвой къ Богу помолились!..

Абрамъ говоритъ:

— Пусть живетъ въ васъ духъ Учителя вашего, а не иныхъ, кои имя Его знаютъ, да духа Его не имѣютъ.

Послѣ этого они стали опять пріятелями и, по старой дѣтской привычкѣ, находили большое удовольствіе, чтобы послѣ трудовъ другъ съ другомъ постоять и поговорить.

Въ дома они одинъ къ другому не входили, потому что боялись, чтобы черезъ это не увеличить молву, которая про нихъ была пущена. Про Ѳеодора свои говорили, будто онъ потому за жида заступался, что самъ втайнѣ предается жидовству и даже на молитвѣ по-жидовски скачетъ; а про Абрама жида сочиняли, что онъ свиное ухо съѣлъ и Моисеевъ законъ оставляетъ и тайно къ христіанамъ присталъ, чтобы войти въ милость у властителей. И обоимъ имъ и отъ семейныхъ, и отъ своихъ общественныхъ людей выпадали досадные попреки.

А на самомъ дѣлѣ ничего этого не было. Ѳеодоръ и Абрамъ—оба оставались по вѣрѣ, какъ были: кто въ которой родился, тотъ въ той и пребывалъ. И какъ они въ дѣтствѣ своемъ никогда не спорили, чья вѣра лучше или богоугоднѣе, такъ же и теперь никакихъ споровъ о вѣрѣ не заводили. Напротивъ, они какъ бы крѣпче увѣрились, что и въ одной, и въ другой вѣрѣ во всѣхъ отношеніяхъ

можно себя руководствовать, если только понимать вѣру правильно и не имѣть лукавыхъ замысловъ и вредныхъ для мира привычекъ.

А когда они въ этомъ укрѣпились, то если у нихъ послѣ того заходилъ разговоръ, то онъ только въ тихую и пріятную бесѣду обращался.

Федоръ сказалъ разъ Абраму:

— Мнѣ жалостно видѣть, сколько черезъ споры о вѣрѣ сдѣлалось распрей въ людяхъ.

А Абрамъ ему отвѣтилъ:

— Этому такъ и слѣдуетъ быть. Если очи наши не на одинаковую даль и не на равную высь видѣть могутъ, то кольми паче пониманіе не одинаково все постигать можетъ, а должно различествовать. Если бы это не было угодно Богу, то всѣ бы люди одинаково все видѣли и одинаково понимали; но Богъ не такъ создалъ, а создалъ различіе въ пониманіи. Оттого и разныя вѣры.

Федоръ согласился.

— Это такъ,—говорить,—но только распри, которыя черезъ это настаютъ, душѣ моей тягостны.

— Распри,—отвѣчалъ Абрамъ:—тоже отъ непониманія, что всѣ вѣры къ одному Богу ведутъ. Кто умный богочтитель, тотъ во всякой вѣрѣ пожелаетъ почитать ея истину.

Опять согласился Федоръ.

— Да,—говорить,—я давно думаю, что вотъ и твои единовѣрцы напрасно негодуютъ на Христа. Они сами не понимаютъ, что Онъ одно добро желалъ сдѣлать всѣмъ людямъ, и за то и убить отъ злобы непонимавшихъ.

Абрамъ согласился.

— Слово нѣтъ, что твоя правда,—сказалъ Абрамъ.— Мужъ Галилейскій; о Которомъ ты говоришь, честенъ, святъ и премудръ, а не понимаютъ Его не только худые изъ Моисеевыхъ учениковъ, которые мнятъ тѣмъ ненавидѣніемъ службу приносить Богу, но не понимаютъ многіе и твои единовѣрцы, и это тѣмъ жалче, что сн даже Богомъ Его почитаютъ, а Его добраго святого ученія и по челоуѣчеству не исполняютъ. Жалѣй, другъ мой Федоръ, объ этомъ, ибо чрезъ это вы другимъ не можете открыть Исуса во всей силѣ Его побѣждающаго завѣта и иныхъ о себѣ смущаете и заставляете сомнѣваться въ вѣрѣ вашей.

Федоръ вздохнулъ и сказалъ:

— Абрамъ, ты меня борешь!

А Абрамъ отвѣчалъ:

— И ты меня борешь! Не спорить надо о Богѣ, а стараться жить въ мирѣ.

Абрамъ приложилъ большіе персты своихъ рукъ къ глазамъ и голосно, но-жидовски пропѣлъ:

— «Умейнѣ!» т. е. аминь, или по-нашему «истинно».

Федоръ обнялъ его изо всей силы и, прижавъ къ сердцу, прошепталъ:

— Онъ теперь среди насъ.

Абрамъ говоритъ:

— Ну, такъ что жъ? Побудь съ нами, мужъ Галилейскій!

Федоръ растрогался и заплакалъ:

— Побудь!— молись. — Останься! Мы сотворимъ Тебѣ сѣню.

А Абрамъ опять ударилъ:

— «Умейнѣ!»

И такъ точно разговоры о вѣрѣ никогда не смущали согласія Абрама и Федора. Они опять ходили въ свой разгороженный огородъ и, подмостившись на скамейкахъ, бесѣдовали черезъ стѣну, но только не надолго этого стало.

Вѣрѣ, надеждѣ и любви скоро пришло испытаніе.

Федоръ и Абрамъ стали мирны, да вокругъ ихъ все уже инымъ духомъ взялось и все, чтѣ случится, оборачивалось имъ въ смущеніе.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

У Федора начались разныя бѣды—и все одна за другою. Одна бѣда точно вела за собою другую. Федоръ сначала сдѣлался нездоровъ и долго лежалъ, а потомъ стали у него болѣть дѣти и ни одинъ не выздоровѣлъ, а всѣ другъ за другомъ умерли, а потомъ умерла и его молодая жена, которую онъ любилъ и имѣлъ отъ нея большую помощь въ хозяйствѣ.

Федоръ въ этихъ горестяхъ ослабѣлъ душою и сталъ неаккуратно смотрѣть за дѣлами, а его наемные люди, хоть они были и крещеные, а не пожалѣли его и этимъ его несчастіемъ воспользовались и много расхитили. Послѣ же всего одинъ его должникъ, которому Федоръ вѣрилъ какъ брату, сильно его обманулъ и присягнулъ, что долгъ ему

отдалъ. Ѳедорово хозяйство отъ всего этого сильно пошатнулось, и онъ закручинился. А люди стали о немъ толковать и со всѣхъ сторонъ ему говорили:

— Раздумайся: за что такъ тебя Богъ наказываетъ? Вѣрно это на тебя посылается за то, что ты живешь въ дружбѣ съ жидомъ, врагомъ вѣры христіанской.

Ѳедоръ такимъ внушеніямъ не вѣрилъ и словъ этихъ не любилъ слушать, а отвѣчалъ:

— Вы мнѣ не утѣшеніе дѣлаете, а одну досаду. Вы сами не знаете, что говорите; намъ Христось никого не позволилъ ненавидѣть, а всѣхъ приказалъ любить.

— Только.—говорятъ,—не жидовъ.

А Ѳедоръ отвѣчаетъ:

— Этого въ Евангеліи не сказано.

— Жидъ—врагъ нашей вѣры.

— Онъ враждуетъ, если не понимаетъ, чему учить наша вѣра, а глядя на насъ о ней судить. Это мы виноваты, потому что мы еще злы и не исправляемся и не живемъ по Христову наставленію. Сосѣдь Абрамъ никогда мнѣ моеи вѣры не порочилъ и даже объ ученіи Христовомъ разсуждаетъ съ почтеніемъ; а если бы онъ и врагъ былъ, то и тогда я, какъ христіанинъ, обязанъ былъ бы о немъ, какъ о врагѣ, милосердовать, чтобы волю Христову исполнить. Или забыли, что Христось на крестѣ за Своихъ враговъ молился?

Ему отвѣчаютъ:

— Намъ съ Христомъ себя не ровнять — Онъ Богъ, а мы люди. Ты богохульствуешь.

— Нѣтъ, я не богохульствую, — отвѣчалъ Ѳедоръ: — а я только говорю, что Христу надо слѣдовать, и когда другіе люди нашу доброту увидятъ, они скорѣе нашу вѣру любить станутъ. Въ этой добротѣ мы Христа своего всему міру явить можемъ на уваженіе.

Люди на это только больше разсердились, а среди ихъ былъ одинъ Никодимъ-муроварникъ, который продавалъ муро,—онъ сталъ всѣмъ сказывать, что Ѳедора грѣшно и слушать, потому что Ѳедоръ теперь уже проклятъ, яко другъ жидовиновъ, и Никодиму будто во снѣ явлено, что Ѳедору дальше не будетъ ни въ чемъ удачи, а нападутъ на него еще бѣдншія бѣды, и тому, кто съ Ѳедоромъ водиться станетъ, тоже ни въ чемъ удачи не будетъ.

Федоръ и этому не внималъ и не боялся быть отъ всѣхъ покинутымъ, а рассуждалъ такъ, что онъ худа не дѣлаетъ, храня дѣтскую дружбу съ Абрамомъ, человѣкомъ честнымъ, который свою вѣру держитъ, а чужой не порочитъ и даже хорошее въ ней хорошимъ называетъ.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Абрамъ пришелъ къ Федору и сказалъ безъ всякаго гнѣва:

— Другъ Федоръ, я узналъ, что твои люди на тебя въ большомъ неудовольствіи за твое ко мнѣ расположеніе. Какъ бы для тебя отъ этого худо не вышло.

А Федоръ отвѣчаетъ:

— Другъ Абрамъ, я люблю тебя и не могу дѣлать иначе. Въ отрочьемъ вѣкѣ насъ съ тобою было разбили, но теперь, въ возрастъ, мы этого надъ собою не допустимъ. Только душа моя ослабѣваетъ отъ большихъ несчастій. Неужели и вправду Богъ меня кинулъ?

— Счастіе и несчастіе смѣняются въ жизни,—отвѣчала Абрамъ.—Богъ, Который создалъ и христіанина, и еврея, и темнаго язычника, — никому не открылъ тайны судьбы ихъ. Люди дерзки, когда они хотятъ проникать тайну Бога и толкуютъ по-своему, за что человѣку отъ Бога посылается счастіе или несчастіе. Это какъ по нашей, такъ и по вашей вѣрѣ совсѣмъ не человѣческое дѣло разбирать и раскладывать. Наше человѣческое дѣло — помогать, чѣмъ можемъ, другъ другу; къ пріязни нашей теперь подваленъ большой камень, а потому и тебѣ будетъ трудно, да и мнѣ страшно, если тебя постигнетъ еще какое-нибудь бѣдствіе. А потому, прошу тебя, не стѣсняйся дружбой ко мнѣ и покажи, что ты мною пренебрегаешь, а я въ души моей за это на тебя не обижусь.

Въ Федорѣ отъ этихъ словъ даже сердце заняло.

— Нѣтъ,—говоритъ,— Абрамъ, ты мнѣ другъ отъ младыхъ ногтей и никогда меня ничѣмъ не обидѣлъ, и я тебя не могу обидѣть такимъ обхожденіемъ.

— Ну, смотри, какъ знаешь, — отвѣчалъ Абрамъ и, поцѣловавъ Федора, добавилъ сквозь слезы: — Богъ одинъ знаетъ, къ чему эти испытанія; но будемъ другъ другу вѣрны—и Богъ не постыдитъ нашей вѣрности.

Такъ друзья днемъ между собою говорили, а ночью собрались надъ ихъ городомъ тучи, ударили съ неба громъ

и спалилъ въ одно мгновеніе весь домъ Ѳедора и всѣ его амбары и кладовыя, гдѣ у него лежали товары, которые онъ только-что хотѣлъ посылать за море.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Послѣ этой бѣды отшатнулись отъ Ѳедора всѣ, какъ отъ чумнаго, и стали вѣрить, что съ нимъ и знаться не слѣдуетъ, потому что на немъ въявь гнѣвъ Божій.

Ѳедоръ стоитъ на своемъ пожарищѣ унылый и думаетъ: «Мнѣ ни отъ кого не будетъ помощи».

А знакомый голосъ кличетъ его изъ-за забора.

Ѳедоръ поднялъ голову и видитъ лицо Абрама.

— Что ты тужишь?—говоритъ Абрамъ.—Въ бѣдѣ надо скорѣй поправляться.

А Ѳедоръ отвѣчаетъ:

— Нечѣмъ мнѣ мою бѣду поправлять: я все до тла потерялъ и теперь мнѣ не за что взяться.

— Я тебѣ денегъ дамъ взаймы на разживу.

— Ты смѣешься, Абрамъ!

— Нѣтъ, не смѣюсь.

— Мнѣ теперь, чтобы поправиться, надо, по крайней мѣрѣ, тысячу литръ золота.

— А что же ты съ ними сдѣлаешь?

— Я опять накупилъ бы цареградскихъ товаровъ, отплылъ бы въ Александрію, тамъ бы продалъ все за тройную цѣну и долгъ бы отдалъ, и себѣ бы нажилъ.

— Что же, это хорошо,—приходи и возьми себѣ у меня въ долгъ тысячу литръ золота.

— А кого же я тебѣ поставлю порукой, что я тебя не обману и долгъ отдамъ?

— Не надо мнѣ поруки. Пусть будетъ намъ наша дѣтская дружба порукой.

Ѳедоръ говоритъ:

— Какъ люблю Иисуса Христа, такъ ручаюсь тебѣ, что я тебя не обману.

А Абрамъ отвѣчаетъ:

— Знаю, какъ ты Его почитаешь, и потому еще болѣе теперь вѣрю. Ты Его имя напрасно не скажешь. Иди и бери деньги.

— А если мнѣ будетъ неудача, и ты тогда станешь думать, что я Христомъ не подорожилъ?

— Нѣтъ, я знаю, что ты человекъ вѣрный. Иди ко мнѣ и бери скорѣй тысячу златницъ, снаряжай корабль и плыви съ товаромъ въ Александрію.

Федоръ написалъ Абраму должную расписку и подписалъ ее, а Абрамъ отсчиталъ Федору тысячу златницъ, и тотъ купилъ нужныхъ для Александріи цареградскихъ товаровъ, нагрузилъ все на корабль, распростился и поплылъ въ Египетъ.

Всѣ удивлялись, откуда Федоръ взялъ столько денегъ, чтобы такъ легко справиться, и говорили между собою: «вѣрно у него деньги въ землѣ были припрятаны». А Федоръ, когда настало время отчалить его кораблю, зашелъ къ Абраму проститься и, благодаря его еще разъ, сказалъ:

— Вѣрь же, другъ Абрамъ, что я тебя не обману и не поставлю въ фальшь имени Иисуса.

Абрамъ отвѣчалъ:

— Я не сомнѣваюсь. Добрый человекъ не можетъ пристыжать того, кого любить и уважаетъ, какъ своего учителя. Плыви съ Богомъ и, что бы съ тобою ни случилось, я своего довѣрія не измѣню.

А довѣрію Абрама суждено было выдерживать много испытаній.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Федоръ благополучно прибылъ съ цареградскими товарами въ Александрію и очень хорошо расторговался. Выручилъ онъ столько денегъ, что могъ заплатить весь долгъ Абраму и себѣ оставить. Но на обратномъ пути въ Константинополь морская буря разбила его корабль, и самъ Федоръ насилу спасся на бревнѣ, а все его золото погибло.

Мимо шедшіе корабельщики взяли Федора изъ воды, привезли въ Константинополь и выпустили, какъ нищаго.

Сошелъ Федоръ на землю, дождался ночи и, согнувшись подъ лохмотьями негодной одежды, которую дали ему на кораблѣ, потащился къ своему пожарищному пустырю, забился въ погребичную яму и плачетъ.

Стыдно ему было даже въ лицо Абраму взглянуть и разсказать, какой съ его деньгами вышелъ худой оборотъ.

А Абрамъ самъ узналъ черезъ людей о Федоровомъ возвращеніи, и сейчасъ же пролѣзъ къ нему въ яму и говоритъ:

— Полно, Федоръ, что ты стыдишься? Бѣда надъ вся-

кимъ можетъ случиться. Не приходи въ отчаяніе. Я тебѣ вѣрю и помню, что ты священное для тебя имя во свидѣтельство произнесъ. Ты Иисуса не обманешь, а я вотъ принесъ тебѣ еще тысячу златницъ. Бери и начинай все дѣло наново.

Федоръ ни ушамъ, ни глазамъ своимъ не вѣрилъ.

— Я,—говорить,—не могу принять.

— Отчего?

— Видишь самъ: меня ужасныя бѣдствія преслѣдуютъ.

— Что же, тугъ-то тебѣ и надо мужаться, а друзьямъ твоимъ тебѣ помогать. Иди, одѣнься въ мою запасную одежду, бери тысячу златницъ и принимайся опять за дѣло.

Федоръ отвѣчаетъ:

— Я боюсь, что я съ моею судьбой и тебя изнищу.

— Полно, — говоритъ Абрамъ: — что о судьбѣ спорить? Судьба никому неизвѣстна, а то, что ты за меня битъ былъ отъ своихъ, — это мнѣ извѣстно и я тебя не выдамъ въ несчастіи, да не презрѣнъ будетъ въ людяхъ жидъ яко рабъ Егвы, сотворившаго небо и землю. Неужели ты за меня умѣлъ пострадать, а я будто того же снести не сумѣю. Бери деньги и ступай опять искать счастья.

Одѣлъ Абрамъ Федора въ свою запасную одежду; прежнюю долговую расписку переписали съ одной тысячи на двѣ, и Федоръ пошелъ снаряжаться.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Въ этотъ разъ Федоръ накупилъ въ Царьградѣ ароматной смолы и нагрузилъ ею пѣлый корабль. Привезъ смолу въ Александрію и съ большимъ прибыткомъ промѣнялъ ее тамошнимъ купцамъ на олово и поплылъ съ оловомъ въ Ефесъ. Въ Ефесѣ на ту пору олово было очень надобно и въ большомъ спросѣ. Федору дали за олово вѣсъ на вѣсъ красной мѣди. И сталъ Федоръ вдругъ богатъ отъ этого выгоднаго промѣна и поплылъ назадъ къ Константинополю, радуясь, что теперь онъ съ Абрамомъ разсчитается и самъ снова будетъ жить непостыдно.

Но вышло все опять пребѣдственно: опять Федорово судно разбилося, и опять все его богатство потонуло. А пѣз людей онъ только одинъ спасся, и опять совсѣмъ голый, какъ мать родила, явился домой; добрался онъ до своего пепелища въ Царьградѣ. сѣлъ въ уголкѣ темной погребной ямы и опять плачетъ. Опять приходитъ къ нему Абрамъ и говорить:

— Ну, слушай ты, Ѳедоръ! Извели мы съ тобой денегъ много, двѣ тысячи златницъ, и все понапрасну: надо ихъ вернуть.

Ѳедоръ отвѣчаетъ:

— Какъ еще вернуть? Бѣдствія меня такъ и преслѣдуютъ. Но чтò для меня всего тягостнѣе, ты можешь подумать, что я твои деньги скрылъ я теперь притворяюсь бѣднымъ.

— Нѣтъ,—отвѣчаетъ Абрамъ-жидовинъ:—ты всегда былъ честный человѣкъ, да и Иисусово имя ты не произнесъ бы напрасно. Я знаю, что ты Иисуса истинно считаешь и никогда во лжи Его имя не упомянешь.

— Утѣшь тебя Богъ, Абрамъ, что ты такъ обо мнѣ думаешь! Правда твоя: я не помину имени Иисуса Христа во лжи, хотя бы на меня еще большія пришли напасти, и радъ я, что ты вѣришь, какъ я Его почитаю.

— Ну, и толковать намъ не о чемъ. Вотъ тебѣ твоя старая расписка на двѣ тысячи златницъ. Сотри ее и напиши новую, въ три тысячи, и поѣзжай въ-третье.

Ѳедоръ изумился.

— Благодарю,—говоритъ,—за твою добродѣтель, но мнѣ ужъ и брать не охота. Вѣрно, на мнѣ есть какой особый грѣхъ, или въ самомъ дѣлѣ такъ надобно, чтобы люди разныхъ вѣръ другъ другу не помогали.

— А вотъ для этого-то,—говоритъ Абрамъ:—я и не хочу, чтобы ты такъ думалъ. Единъ Богъ во вселенной, но суды Его разбирать не наше дѣло, а помогать другъ другу есть наша обязанность. Пиши третью расписку на три тысячи литръ золота и отплывай въ третье.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Ѳедоръ, по настоянію Абрама, взялъ тысячу литръ золота, сѣлъ на корабль и поѣхалъ въ Кальварію. Удача ему опять пошла самая счастливая. Въ Кальваріи онъ купилъ пшеницы, по сребреннику за рѣшето, и отплылъ съ нею въ Гундалы, а въ Гундалахъ всю пшеницу продалъ по златницѣ за рѣшето. Денегъ стало очень много, но Ѳедоръ на томъ не остановился: въ Гундалахъ онъ купилъ хорошаго винограднаго вина по сребреннику за мотру и поплылъ съ виномъ въ Антиохію. Вино за дорогу переиграло, стало еще лучше, и Ѳедоръ продалъ здѣсь вино по златницѣ за мотру, которую купилъ всего по сребреннику.

Послѣ этого у Ѳедора стало столько денегъ, что и двѣть

некуда. Но Фодоръ зналъ, что онъ и прежде съ Абрамовой руки наживалъ ихъ легко, да только никогда довести не могъ.

Какъ бы опять въ третій разъ того же самаго не было.

Надумалъ Фодоръ лучше самому денегъ не везти, а послать ихъ съ какими-нибудь вольными корабельщиками такъ, чтобы имъ неизвѣстно было, что они везутъ.

Пошелъ Фодоръ ходить по городу, купилъ для Абрама даръ—антіохійскій плащъ, да сѣдло, чтобы на ослѣ ѣздить, да крѣпкій ларецъ, и сдѣлалъ изъ всего этого одинъ свертокъ, а ларецъ завертѣлъ въ самую середку, и положилъ туда четыре тысячи золотыхъ литръ: три тысячи въ возвратъ за взятый у Абрама долгъ, а четвертую тысячу за проценты. Завернулъ это все такъ, что ларца не видно было, и отдалъ ѣхавшимъ въ Царьградъ корабельщикамъ, чтобы отвезли Абраму-жидовину. А мало время спустя и самъ поѣхалъ за ними слѣдомъ.

Вольные корабельщики не догадались, что они везутъ въ посылкѣ золото, и какъ дошли до Царьграда, такъ сейчасъ и отдали посылку Абраму-жидовину.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Абрамъ былъ человѣкъ осторожный: онъ не сталъ при корабельщикахъ смотрѣть, что такое ему отъ Фодора прислано, а отнесъ свертокъ домой, заперся одинъ и, какъ развернулъ плащъ и сѣдло, то нашелъ накрѣпко заклепанный ларецъ, а въ ларцѣ деньги—всѣ четыре тысячи златницъ полностью: три—въ возвратъ займа, а четвертая—за проценты.

Абрамъ пересчиталъ деньги, спряталъ ихъ и молчитъ, никому ни слова не говорить.

Вскорѣ затѣмъ Фодоръ успѣлъ вернуться и сейчасъ же приходитъ къ Абраму съ большими дарами: кладетъ передъ нимъ и ткани, и каменя, и золото.

— Прими,—говоритъ,—отъ меня; я тебѣ всѣмъ обязанъ. Безъ тебя бы пропалъ я.

А Абрамъ отвѣчаетъ:

— Я за дары тебя благодарю и принимаю ихъ, но пора же тебѣ, Фодоръ, теперь мнѣ и долгъ отдать.

Фодоръ сильно смутился, но отвѣчалъ другу:

— Правда, Абрамъ. Я затѣмъ и пришелъ, чтобы поднести тебѣ сначала мои дары въ честь, а теперь пойдѣмъ со мною на мой корабль, раскроемъ все, что я имѣю, сочтемъ и подѣлимъ все поровну на двое: половину мнѣ, а половину—тебѣ.

Абрамъ усмѣхнулся и говоритъ:

— Нѣтъ, Федоръ, я тебя искушалъ шуткою, чтобы видѣть: не опалишься ли ты на меня и не скажешь ли мнѣ укоризны за мое жидовство. Вижу, однако, что ты во истину кротокъ, какъ твой Учитель, Иисусъ Галилейскій. Я отъ тебя черезъ корабельщиковъ весь свой долгъ и проценты получилъ и мнѣ больше ничего отъ тебя не слѣдуетъ. Вотъ возьми свою должную грамоту. Но скажи мнѣ только на милость, какъ ты это такъ послалъ мнѣ столь значительныя деньги безъ всякаго слѣда?

— А видишь,—отвѣчалъ Федоръ:—я ужасался моего несчастія на обратный путь и лучше хотѣлъ два раза тебѣ заплатить, чѣмъ еще одинъ разъ остаться неисправнымъ за порукой имени моего Спасителя.

Абрамъ обнялъ и расцѣловалъ Федора.

— Да,—говоритъ,—ты Его истинно любишь и прославляешь. Умножь Богъ на свѣтѣ людей, тебѣ равныхъ и подобныхъ.

— Да, умножь Богъ и такихъ, какъ ты, Абрамъ!—отвѣчалъ Федоръ, и сказалъ, что онъ желаетъ построить изъ своего богатства такой домъ, гдѣ бы былъ пріютъ и харчи всѣмъ бѣднымъ дѣтямъ всѣхъ вѣръ безъ различія, чтобы они съ дѣтства другъ съ другомъ свыкались, а не раздѣлялись.

Абрамъ очень обрадовался.

— Хорошо,—говоритъ,—и я свой процентъ не беру, а отдаю на этотъ домъ. Пусть дѣти живутъ безъ разбору, какъ мы съ тобою жили въ дѣтствѣ нашемъ. И пусть будетъ это дружбѣ нашей на старости поминанье.

И сдѣлали такъ: построили домъ и назвали его «селеніемъ ближнихъ». И, приходя туда, оба одною радостью радовались и, одною равною заботой о «ближнихъ» заботятся, мнили, яко единую и согласную службу приносятъ всѣхъ сотворившему Богу.

Повѣсть эта не есть баснословіе, измышленное досугомъ писателя. Это есть истинная исторія, въ древніе годы, дѣйствительно, бывшая и въ давніе же годы писанная рукой современнаго богочтителя и человѣколюбца. Нынѣ она отъ старыхъ записей взята и въ новомъ изложеніи подается для возможнаго удовольствія друзей мира и человѣколюбія, оскорбляемыхъ нестерпимымъ дыханіемъ братоненавидѣнія и злопомненія.

НЕВИННЫЙ ПРУДЕНЦІЙ.

(ЛЕГЕНДА).

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Въ первыхъ вѣкахъ христіанства въ одномъ изъ торговыхъ поселковъ на берегу Средиземнаго моря жили два купца, которыхъ звали Алкей и Гифасъ. Оба они ходили въ море на одномъ небольшомъ кораблѣ, который теперь назвали бы ладьею. Они вели торговлю вмѣстѣ, а иногда также вмѣстѣ нападали на небольшія суда и грабили ихъ. Послѣднее свое занятіе, то-есть разбойничество, Алкей и Гифасъ скрывали, но оно было прибыльнѣе торговли. Отъ такого двойного промысла оба купца сдѣлались богаты и жили въ достаткѣ. У нихъ были самыя лучшія дома во всемъ поселеніи, и при домахъ сады и теплыя бани.

Гифасъ былъ старше Алкея и имѣлъ жену Ефросину, тоже уже пожилую женщину, и сына Пруденція, а Алкей былъ моложе Гифаса на десять лѣтъ и недавно женился на молодой и очень красивой, доброй и разсудительной дѣвушкѣ, которую звали Мелита.

Мелита приходилась племянницею женѣ Гифаса, Ефросинѣ, и жила съ нею въ такой же дружбѣ, какъ Гифасъ съ Алкеемъ, а сынъ Гифаса, милостивый отрокъ Пруденцій, былъ любимцемъ обѣихъ семей—своей собственной и семьи Алкея. Пруденцій жилъ въ обонхъ домахъ, какъ у себя, пользуясь заботами матери своей Ефросины и полезными внушеніями Алкеевой жены, молодой и прекрасной гречанки Мелиты.

Когда Алкей и Гифасъ по условіямъ своего промысла ходили надолго въ море,—жены ихъ, пожилая Ефросина и молодая Мелита, хозяйничали дома и проводили вмѣстѣ все свободное время, какое имъ оставалось отъ ихъ ручного труда и необходимыхъ заботъ по хозяйству.

Ефросина была очень домовитая женщина, стараго языческаго воспитанія, и заботилась только объ одномъ житейскомъ: она не умѣла грамотѣ, но зато лучше Мелиты заготовляла копченое мясо, фрукты и рыбы; а Мелита пришла сюда изъ города, гдѣ занималась науками и нѣжными работами, требующими искусства и вкуса для ихъ производства. Поэтому Ефросинѣ не разъ приходилось подавать Мелитѣ полезные совѣты и оказывать помощь въ хозяйствѣ, а благородная Мелита, въ благодарность за это, старалась оказывать взаимныя услуги Ефросинѣ. Она вышивала головные покровы для самой Ефросины и дѣлала узорочныя коймы къ легкимъ, эфирнымъ туникамъ, въ которыя Ефросина любила одѣвать свое единственное и долгожданное дитя, отрока Пруденція, отличавшагося замѣчательною строгостью и красотой.

Пруденціи былъ статенъ и смуглъ, съ горячимъ матовымъ цвѣтомъ лица, съ большими черными глазами, глянцевыми изъ-подъ черныхъ рѣсницъ, при черныхъ бровяхъ и густыхъ кудряхъ цвѣта орѣха.

Онъ былъ очень нѣженъ и ловокъ въ движеніяхъ, застѣнчивъ, стратенъ и скромнъ,—и чрезъ это онъ каждому казался приятнымъ и милымъ.

Самое лучшее, чѣмъ Мелита могла заслужить Ефросинѣ,—это было обучить Пруденція грамотѣ и тѣмъ изъ извѣстныхъ Мелитѣ искусствъ, которыя шли къ полу мальчика по условіямъ тогдашняго быта.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Мелита научила Пруденція читать и писать, пѣть и играть на цѣвницѣ, шибко бѣгать и бросать въ цѣль металлическіе кружки и кольца.

Такъ какъ Гифасъ и Алкей прожили вѣкъ въ своемъ полудикомъ, не столько торговомъ, сколько разбойничьемъ поселкѣ, то они не знали никакихъ подобныхъ изысканныхъ упражненій и развили свои силы прямо въ суровой борьбѣ

съ моремъ; но Ефросинѣ нравилось, чтобы Пруденціи былъ воспитанъ нѣжнѣе и ближе къ тогдашней модѣ.

Въ упражненіяхъ Пруденція въ силѣ и ловкости съ нимъ состязалась сама его учительница, прекрасная Мелита, и ея молодая черная рабыня-финикіянка Марма, которую тоже звали короче Марма.

Когда Мелита начала заниматься воспитаніемъ Пруденціи, ему тогда исполнилось всего двѣнадцать лѣтъ, но онъ былъ такъ крупенъ и строенъ, что походилъ уже на мальчика лѣтъ пятнадцати; а Мелита, которой шелъ въ это время семнадцатый годъ, была столь моложава, что ее можно было принять за пятнадцатилѣтнюю невѣсту. Довольная и въ то же время воздержная жизнь и умѣренность во всѣхъ наслажденіяхъ при свободѣ отъ болѣзней дѣтснорожденія, такъ сберегли прекрасное тѣло юной Мелиты, что при встрѣчѣ съ нею всякій незнакомецъ легче всего почелъ бы ее за юную дѣвушку, а не за молодую жену пожилого человѣка, каковъ былъ ея мужъ, косой и въ омужденіи грубый Алкей.

Такъ же дѣвственно чистъ, и безпеченъ, и веселъ былъ ея живой, острый умъ, жившій въ ладу съ добрымъ сердцемъ и прекраснымъ, твердымъ и ровнымъ характеромъ.

Наукая Пруденція бѣгать по правиламъ бѣга, легкая Мелита сама становилась съ нимъ рядомъ на мѣту и бѣжала, нерѣдко обгоняя его и приходя первой на противоположную мѣту, гдѣ становилась, оборачиваясь къ нему лицомъ и собирая тонкими пальцами черные кудри, разсыпавшіеся по бѣлому лбу, орошенному потомъ.

Такъ же вмѣстѣ они металн и диски, и кольца, а судьей ихъ была темнолицая рабыня Марма, которую Мелита содержала не какъ служанку, въ подобострастьѣ, а какъ подругу—въ любви, и сама находила ее пріятной по душевнымъ качествамъ и прекрасной по тѣлу, отличавшемуся гармоничною стройностью и ровнымъ агатовымъ блескомъ.

Такъ занималась Мелита Пруденціемъ цѣлыхъ два года, а въ концѣ третьяго года въ средѣ этихъ людей случилось несчастье.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Послѣ нѣсколькихъ бурныхъ дней, проведенныхъ Алкеемъ и Гифасомъ въ морѣ,—Алкей возвратился одинъ на своей ладѣ.

Это было вечеромъ, когда всѣ жители въ селеніи спали.

Алкей вошелъ въ свой домъ, двери котораго ему открыла Марема и испугалась, замѣтивъ на лицѣ своего господина страшное выраженіе. Алкей тотчасъ же приказалъ служанкѣ удалиться, а самъ вошелъ къ женѣ и открылъ ей, что Гифасъ погибъ въ морѣ.

Эта новость поразила и въ то же время удивила Мелиту, которая имѣла нѣкоторыя понятія объ условіяхъ морского быта, и она стала спрашивать мужа: какъ могло случиться, что судно сохранилось въ цѣлости и самъ Алкей сохранилъ себя въ безопасности, а Гифасъ погибъ?

— Это было такъ, — отвѣчалъ Алкей: — что на насъ напали двѣ ладьи грабителей, и мы долго отъ нихъ оборонялись, но я былъ сильнѣе и могъ защититься, а Гифасъ не успѣлъ уклониться отъ одного удара въ голову и упалъ въ воду съ раздробленнымъ черепомъ.

— А какъ же ты могъ спастись?

— Я увидалъ, что мнѣ одному уже нельзя защищаться, и бросился въ воду, чтобы меня тоже почли убитымъ. Въ водѣ я схватился руками за киль и держался до тѣхъ поръ, пока грабители, опустошивъ нашу лодку, кинули ее на произволъ вѣтра. Тогда я снова вскарабкался въ лодку, поставилъ порванные паруса и, взявъ руль, достигъ кое-какъ до нашего берега.

Мелита выслушала разсказъ мужа и ничего ему болѣе не возражала; но Алкей замѣтилъ по лицу жены, что она какъ-будто сомнѣвается въ его разсказѣ, и, отведя свои глаза отъ ея взора, добавилъ:

— Я не могу теперь говорить тебѣ въ подробностяхъ, какъ все это случилось, да ты и не могла бы всего понять, потому что это совсѣмъ не то, что твоя музыка, или твои вышиванья, а я тебя попрошу лучше, чтобы ты оказала мнѣ необходимую помощь: облегчи мнѣ чрезвычайно тяжелое дѣло.

— О, сдѣлай милость! я готова сдѣлать все, что въ силахъ, — отвѣчала Мелита.

Тогда Алкей ей открылся, что онъ, человекъ неустрашимый въ борьбѣ съ моремъ и разбойниками, очень боится видѣть женское горе и слушать стenanія и вопли, и для того онъ проситъ Мелиту, чтобы она пошла къ Ефросинѣ и открыла ей ужасную новость о смерти ея мужа и о

погибели значительной доли ихъ состоянія, бывшаго въ лодкѣ.

Мелита сказала, что она это сдѣлаетъ, и, поручивши Мармѣ позаботиться о томъ, чтобы вытопить баню для мужа, сама одѣлась и пошла тихо къ вдовѣ Ефросинѣ.

Вдова Ефросина, получивъ отъ Мелиты печальную вѣсть о смерти Гифаса, предалась обычному плачу и стенаньямъ, а потомъ надѣла одежды вдовства и, покрывъ голову платомъ съ неподрубленнымъ краемъ, сказала Мелитѣ:

— Теперь я не могу спать во всю ночь, и, обнявшись съ сыномъ, мы до утра будемъ плакать съ нимъ о Гифасѣ; а утромъ рано я пошлю Пруденція обойти все наше селеніе и позвать всѣхъ на берегъ моря на то самое мѣсто, съ котораго мужъ мой Гифасъ въ послѣдній разъ отплылъ вмѣстѣ съ Алкеемъ. Ты же Алкею скажи, чтобы онъ въ тотъ же часъ пришелъ на то мѣсто и всѣмъ разскажалъ, какъ все это случилось, что мужъ мой погибъ, а Алкей одинъ живымъ возвратился. Я теперь въ такомъ огорченіи, что ничего сама понять не могу, и не въ силахъ придумать, что мнѣ дѣлать съ судомъ, въ которомъ есть половина доля Гифаса, и только другая половина принадлежитъ Алкею. Пусть весь народъ изъ селенія соберется, пусть всѣ люди услышатъ печальную повѣсть, какъ ее Алкей намъ разскажетъ, и затѣмъ пускай люди обсудятъ, какъ намъ жить дальше или какъ намъ удобнѣе разсчитаться и раздѣлиться съ Алкеемъ.

Мелита нашла желаніе вдовы Ефросины совершенно основательнымъ и, возвратившись домой, извѣстила объ этомъ Алкея. Онъ принялъ это спокойно, какъ человѣкъ, у котораго совѣсть чиста и которому нечего опасаться разсказать передъ всѣми о томъ, что случилось.

Онъ поблагодарилъ жену за то, что она приняла на себя тяжесть объявленія горя вдовѣ Ефросинѣ, и уснулъ крѣпкимъ сномъ въ объятіяхъ Мелиты. Но его крѣпкій сонъ, однако, не разъ прерывался какой-то тревогой, и дремотный голосъ Алкея прямо на ухо Мелитѣ называлъ имя Пруденція.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Люди селенія собрались у пристани и сѣли одни на желтомъ пескѣ, а другіе на сѣрыхъ камняхъ, а вдову Ефро-

сину посадили на опрокинутую лодку, и тутъ же у ногъ ея сѣлъ красивый сынъ ея, невинный Пруденцій. И мать, и сынъ были босы и въ печальныхъ одеждахъ съ неподрубленнымъ краемъ.

По серединѣ круга, который образовали собою люди, усѣвшіеся передъ опрокинутой лодкой, на которой помѣстили Ефросину, стоятъ Алкей и рассказывалъ, какъ было дѣло, что напали на нихъ въ морѣ неизвѣстные люди и одолѣли ихъ и товаръ ихъ заграбили, а Гифаса убили и бросили въ море.

Словомъ, Алкей сказалъ людямъ то же самое, что раньше сказалъ онъ женѣ, и рассказъ его на всѣхъ произвелъ такое же неясное впечатлѣніе, какъ на Мелиту. И когда рѣчь Алкея была кончена, всѣ мужчины остались на время въ молчаніи, а потомъ одинъ изъ нихъ, самый старѣйшій въ селеніи, молвилъ:

— Я бы такъ разсудилъ, что въ морѣ бывають всякія бѣды, и что случилось съ Гифасомъ, того уже теперь не поправить, а надобно думать о вдовѣ Ефросинѣ и объ отрогѣ, сынѣ Гифаса, которые остались въ живыхъ и которыхъ здѣсь видимъ всѣ передъ собою, босыхъ и въ печальныхъ одеждахъ, съ неподрубленнымъ краемъ. Пусть, находясь нынче въ царствѣ тѣней, Гифасъ не будетъ смущаться за то, что здѣсь будетъ съ ними и съ ихъ достоинствомъ, котораго намъ нельзя раздѣлить безобидно между Алкеемъ и сыномъ Гифаса. Пусть все, что у нихъ вмѣстное было тамъ, и остается общимъ, пока отрокъ Пруденцій достигнетъ возраста мужа, и тогда они сами раздѣлятся съ Алкеемъ, а до тѣхъ поръ пусть все по-старому останется вмѣстѣ, и кораблець, и товары, гдѣ они что помѣстили на время на пристаняхъ дальнихъ.

Въ людяхъ прокатило рокогомъ тихимъ:

— Да, это самое лучшее. Всѣ такъ согласны и пусть такъ и будетъ, ежели только вдова Ефросина на это согласна.

Вдова сидѣла съ поникшей головою и отвѣчала:

— Я горемъ убита и полагаюсь на общее мнѣніе.

Тогда всѣ рѣшили, что Алкей долженъ взять къ себѣ въ дѣло Пруденція и обучить его торговлѣ и всей морской жизни, а когда Пруденцій придетъ въ возрастъ, тогда съ нимъ раздѣлить все, что нажито вмѣстѣ съ Гифасомъ и что впередъ имъ придется еще къ нажитому прибавить.

Противъ этого только вдова Ефросина замѣтила, что сынъ ея еще очень молодъ, чтобы ввѣрять его морю и обрекать на всѣ случайности; но Пруденціи едва это услышалъ, какъ самъ сталъ проситься, чтобы мать его отпустила съ Алкеемъ, и вдова Ефросина согласилась его отпустить, а Алкей не имѣлъ никакихъ основаній для того, чтобы уклониться отъ пріема Пруденція, подаль ему руку и сказалъ:

— Клянуса богами, я радъ, что люди рѣшили, чтобы ты сталъ мнѣ товарищемъ вмѣсто своего отца. А тебѣ, госпожа Ефросина, я здѣсь общаю предъ всѣми людьми и предъ небомъ, что я всегда буду помнить, какъ тебѣ дорогъ твой единственный сынъ, и стану жалѣть и беречь его юныя силы. Ты же не бойся: и море не всегда вѣдь сурово,-- оно часто даже хранитъ отъ золь челоуѣка, особенно юность, въ пору которой скоро вступить Пруденція; воздухъ и море дадутъ ему крѣпость мышцъ и смѣлость духа, и, что не меньше того драгоцѣнно—они сохранятъ его цѣлымъ отъ раннихъ соблазновъ любви, расслабляющихъ тѣло и душу. А затѣмъ онъ увидитъ много ипоземныхъ чудесъ, искусится въ познаньѣ людей, усвоитъ себѣ познанья въ торговль, и тебѣ будетъ отрадно видѣть, какъ черезъ него въ домъ твой снова польются достатки, и когда онъ въ свободное время присядеть у твоего очага, ты сама, поворачивая надъ углями вертель съ дымящимся мясомъ, насладишься тѣмъ, какъ будутъ всѣ Пруденція слушать.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Ефросина болѣе не возражала, и Пруденція ушелъ въ море съ Алкеемъ, и съ этой поры мореходство стало для него постояннымъ занятіемъ, въ которомъ онъ въ самомъ дѣлѣ скоро окрѣпъ, такъ что въ пятнадцать лѣтъ былъ похожъ на семнадцатилѣтняго юношу, а въ семнадцать совсѣмъ смотрѣлъ взрослымъ мужчиной, и былъ онъ красивъ на удивленье, и при этомъ стыдливъ и совсѣмъ цѣломудренъ.

Алкею не было выгоды выхаживать Пруденція, и онъ втайнѣ очень бы радъ былъ отъ него избавиться, чтобы скрыть всѣ свои пути и мѣста, гдѣ у него были въ чужихъ портахъ склады, но онъ не хотѣлъ, чтобы Пруденція исчезъ такъ же, какъ исчезнулъ Гифасъ, потому что оди-

такіе случаи два раза кряду могли повести къ подозрѣнію, и судъ простыхъ рыбаковъ родного поселка могъ быть слишкомъ суровъ для Алкея; но Алкей сдѣлалъ все, что только могъ, чтобы растить душу Пруденція, и когда они заходили въ чужіе порты, Алкей его поощрялъ пить вино и оставлялъ въ сообществѣ соблазнительныхъ женщинъ, которымъ обѣщала хорошую цѣну за то, чтобы отогнать отъ Пруденція скромность и увлечь его въ порочную страстность. Но все это было напрасно: какой-то хранительный гений до того неприкосновенно охранялъ юношу отъ всѣхъ соблазновъ и поползновеній, свойственныхъ его возрасту, что сами соблазнительницы, которымъ Алкей предавалъ цѣломудреннаго юношу, дали ему названіе «Невинный Пруденція».

Но отчего же онъ, при всей своей юности и красотѣ, поражающей множество женщинъ, былъ такъ недоступенъ никакимъ ихъ соблазнамъ?

Женская влюбленность въ Пруденція доходила до такихъ безумныхъ проявленій, что разъ, когда ему и Алкею случилось пристать на мысѣ, у города Книда, самая красивая дѣвушка этого городка кинула въ Пруденція изъ-за скалы острымъ бронзовымъ осколкомъ и, не понавъ въ голову, такъ тяжело ранила его въ плечо, что онъ упалъ, обливаясь кровью, а она въ это же время бросилась въ море.

Рана, нанесенная безумною кидянкою, была очень тяжела и такъ долго не заживала, что Алкей привезъ Пруденція къ вдовѣ Ефросинѣ больного, въ перевязкахъ, и случай этотъ, огласившись въ цѣломъ поселкѣ, возстановилъ въ памяти многихъ случаи съ Гифасомъ, и даль поводъ нехорошо говорить объ Алкеѣ.

Разговоры въ такомъ родѣ распространялись быстро и прежде всѣхъ дошли до слуха темнолицой невольницы Мармэ, которая, какъ сказано выше, была молодая и въ своемъ родѣ тоже очень красивая дѣвушка, и очень любила Мелиту.

— Госпожа!—сказала она, находясь вдвоемъ вечеромъ въ банѣ съ Мелитой:—въ народѣ разносятъ очень странныя рѣчи; мой долгъ предупредить тебя о томъ, что въ этихъ рѣчахъ, кромѣ сына вдовы Ефросины, много такого, что касается тоже тебя и твоего мужа, а моего господина, Алкея.

— Что же это такое?

— Вотъ что: всѣ знаютъ, что красивый Пруденцій пришель уже въ самый расцвѣтъ своей красоты и здоровья, а межъ тѣмъ онъ до сихъ поръ остается невиннѣйшій ребенка...

— Да, быть-можетъ, это и такъ, но вѣдь это меня нимало не касается, и я думаю, мнѣ объ этомъ совсѣмъ лишнее знать...

— О, нѣтъ, это не лишнее для тебя, госпожа!

— А я могу тебя увѣрить, усердная Марема, что это до меня совершенно не касается и даже нимало меня не занимаетъ.

— Это тебя должно занимать!

— Почему?

— Неужели ты не понимаешь?

— Не понимаю, и откровенно скажу, это мнѣ совсѣмъ неприятно... Для чего мнѣ знать эти вѣсти о томъ, какъ себя держитъ Пруденцій? Для чего всѣ вы стараетесь сдѣлать мнѣ все это извѣстнымъ?

— Кто же всѣ, госпожа?

— Напримѣръ, вдова Ефросина.

— Ага! это понятно. А еще кто, госпожа, говорилъ съ тобою объ образѣ жизни стыдливаго сына Гифаса?

— Представь, мнѣ говорилъ это мужъ мой Алкей.

— Самъ Алкей?

— Да.

— Онъ тоже имѣетъ причины.

— Онъ мнѣ ихъ не сказалъ.

— И это понятно.

— А мнѣ ничто не понятно,—отвѣчала Мелита и тотчасъ же добавила съ доброй улыбкой: — а если Марма извѣстно болѣе, чѣмъ ея госпожѣ, то это потому, что тутъ вѣрно есть что-нибудь, что касается больше Марма, чѣмъ Мелиты.

— О, совсѣмъ наоборотъ,—также съ улыбкой отвѣчала Марема:—не я, а ты, моя госпожа, живешь въ цѣломудренномъ сердцѣ невиннаго Пруденція.

— Чтò говоришь ты!.. Опомнись, чтò ты сказала, Марема!

— Я сказала только то, чтò для меня очевидно и чтò какъ разъ такъ и есть, какъ я сказала. И повѣрь мнѣ, госпожа, что это не мнѣ одной кажется такъ.

— Кто же еще смѣетъ такъ думать?

— Смѣть!.. Ты смѣшно говоришь: для чего тутъ особая смѣлость? Всякій даже противъ желанія долженъ подумать о томъ, что передъ нимъ является съ такой же очевидно-стью, какъ страстная влюбленность въ тебя невиннаго Пруденція.

— Ты клеветень разомъ на всѣхъ насъ, Марма, и я бы хотѣла, чтобы ты выпустила это изъ своей головы и никогда болѣе къ подобному разговору не возвращалась.

— Запретить говорить ты мнѣ можешь, и я буду тебѣ повиноваться, но «выпустить изъ головы»... Нѣтъ, ты требуешь невозможнаго дѣла!.. И притомъ, если я буду молчать, я не открою тебѣ всего, что угрожаетъ...

— Кому?

— Кому? Странный вопросъ! Всѣмъ, кто тебѣ дорогъ: Алкею, Мелитѣ, вдовѣ Ефросинѣ и самому невинному Пруденцію, который не можетъ жить долго безъ перелома въ душѣ его, если не произойдетъ отвлеченія его мыслей куда-нибудь вдаль отъ всего, что слплось для него въ одномъ сладостномъ звукѣ твоего имени. О, госпожа! Или ты въ самомъ дѣлѣ дитя, несмотря на довольно долгіе годы замужества съ Алкеемъ, или же ты самая большая и искусная притворица въ свѣтѣ!.. Развѣ не видишь ты, какъ онъ глядитъ на тебя, такъ, что всякому видно, что онъ постоянно весь полонъ тобою...

— Я этого не вижу.

— Ты не видишь, но вижу я и видитъ мать его, вдова Ефросина, у которой онъ спитъ, положивъ голову ей на колѣни, а уста его въ тихомъ бреду произносятъ шопотомъ сладчайшее слово: «Мелита»... Вдова Ефросина тоже вѣдь женщина, и она не можетъ не догадаться, что это значить... Я думаю, что если бы твой мужъ, засыпая у тебя на колѣняхъ, сталъ тихо шептать имя посторонней женщины, то хотя бы это имя значило не болѣе, чѣмъ имя Маремы,—ты бы догадалась, что господинъ мой зоветъ меня не для такихъ услугъ, которыя я обязана исполнить ему всѣ при твоёмъ лицезрѣннѣ.

— Право, я никогда объ этомъ не думаю.

— Вѣрю! И зачѣмъ бы ты стала думать, когда твое сердце нимало не уязвлено страстью...

— Что ты хочешь сказать?—перебила Мелита:—или, по-твоему, я не люблю своего мужа?

— Нѣтъ, ты любишь Алкея, какъ мужа, и на мужнину долю этого чувства довольно; но Алкей вѣдь не даромъ имѣеть такіе глаза, которые могутъ сразу въ разныя стороны видѣть... Зачѣмъ онъ тебѣ разсказалъ про стыдливость этого юноши, который пламенѣеть къ тебѣ первою страстью?.. О, я не была при томъ, какъ вы объ этомъ говорили, но я будто слышу вкрадчивый тонъ Алеева голоса; я знаю навѣрно, какъ онъ съ шуткой мѣшалъ ядъ своихъ подозрѣній...

— Алкей это все разсказалъ мнѣ, въ самомъ дѣлѣ, смѣясь.

— И ты приняла его смѣхъ за веселость!.. Ты вѣрила ему, что онъ шутитъ?!

— Почему же не вѣрить?

— О, это забавно! Однако это сохранило тебя отъ болѣшей опасности; но она все-таки придетъ: я вижу мрачный огонь въ разлетѣ скошеннхъ зрачковъ твоего мужа, и, не какъ твоя рабыня, а какъ другъ твой, у котораго всѣ благополучія сопряжены съ твоею жизнью,—я заклинаю тебя, Мелита: сними повязку съ твоихъ прекрасныхъ глазъ,—вгладись въ то, что произошло, съ отвагой женщины, понимающей опасность, и обдумаемъ, что намъ дѣлать, чтобы не произошло бѣдствія.

— Въ какомъ родѣ бѣды ты ожидаешь, Марема?

— Въ томъ самомъ родѣ, въ какомъ кончилось дѣло жизни Гифаса.

— О, справедливое Небо! Неужто и ты, Марма, подозреваешь...

— Чтѣ ты, чтѣ ты, моя госпожа! Я столько же склонна что-нибудь подозрѣвать, сколько желаю быть продана отъ тебя въ каменоломни на скалы; но я тебѣ указываю въ ту сторону, гдѣ небо краснѣеть и откуда слышится приближеніе бури... Будь осторожна... не выдавай себя Алкею ни звукомъ, ни взглядомъ.

— Да мнѣ нечего и скрывать... Я учила Пруденція— правда, по дружбѣ моей къ вдовѣ Ефросинѣ, и ласкала его тогда какъ ребенка, но я не сказала ему шопотомъ ни одного слова, никогда я не обвела его взоромъ нѣжнѣе, чѣмъ должна смотрѣть дружба, и я увѣрена, что если вдова Ефросина спроситъ Пруденція, то и онъ ей не скажетъ, чтобы я была виновата въ тѣхъ чувствахъ, о которыхъ ты мнѣ теперь разсказала... Я же при встрѣчѣ скажу ему

чтобы онъ пересталъ обо мнѣ думать, что это тяжело мнѣ... обидно... и... если только все правда, что ты говорила, то онъ будетъ напрасно тратить свои лучшіе годы...

— Отчего?

— Какъ отчего?

— Ты развѣ не женщина?

— Да, я женщина... но что же слѣдуетъ дальше?

Марема улыбнулась и сквозь улыбку сказала:

— Мы всѣ чутки сердцемъ... а ты такъ сострада-
тельна...

— Ну, и мнѣ его жалко!

Марема махнула рукою и отвѣтила скоро:

— Ахъ, госпожа моя! — только и нужно: сожалѣнье къ
мужчинѣ насъ отдастъ въ его руки!

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Мелита не сразу отвѣтила на послѣднія слова Маремы: она вѣроятно чувствовала, что въ нихъ есть доля правды; но потомъ она привела свои чувства въ порядокъ и сказала:

— Опаснаго много на свѣтѣ: можетъ-быть, что и сожа-
лѣнье ведетъ насъ къ дурному; но я не боюсь этого.

— Что же ты развѣ зачарована?

Теперь улыбнулась Мелита и отвѣтила:

— Да!

— Какія же чары тебя защищаютъ?

— Я христіанка... я неспособна къ обманамъ и знаю,
что нѣтъ и не можетъ быть счастья во лжи.

— Конечно, конечно!.. Ну, а если бы боги анда призвали
къ себѣ моего господина...

— Что ты опять говоришь мнѣ, Марма! Въ какомъ ты
безстыдномъ теперь настроеніи!

— Нѣтъ, ты скажи: въ какомъ настроеніи ты чувство-
вала бы себя, оставшись свободною, молодою вдовою, когда
нѣжная страсть такого красавца-юноши, какъ Пруденцій,
не казалась бы тебѣ тѣмъ, чѣмъ кажется нынче? Ахъ, я
увѣрена, что вы съ нимъ скоро пришли бы съечь жертву
вашихъ сердець у алтаря Гименея.

— Никогда!

— Почему, моя госпожа?

— Во-первыхъ, потому, что я христіанка.

— Я очень плохо понимаю различія въ вѣрахъ! Для меня всѣ религіи сходны въ одномъ: всѣ мѣшаютъ любить столько, сколько бѣ хотѣлось!

Но эти слова привели Мелиту въ такое сильное разстройство, что она стала еще больше укорять Мармэ за вольности въ ея разсужденіяхъ.

— Ты говоришь мнѣ про пріязнь, которую ты ко мнѣ будто чувствуешь, — сказала Мелита: — а высказываешь такія мысли, которыя присташи бы развѣ коварной смутьянкѣ, желающей сбить замужнюю женщину съ пути ея долга. Но этого, я надѣюсь, со мной никогда не случится: отъ этого меня сохранить именно то святое ученіе, въ постиженіи котораго я стараюсь найти смыслъ жизни. Не улыбайся, Мармэ. Христіанское ученіе открываетъ человѣку, въ чемъ смыслъ жизни, и научаетъ его управлять своими страстями. Ты не разъ говорила мнѣ, что я облегчила тебѣ твою долю тѣмъ, что обращаюсь съ тобою не какъ съ рабыней, а какъ съ равной мнѣ женщиной; а вѣдь это произошло оттого, что нашъ Учитель велѣлъ намъ въ каждомъ человѣкѣ видѣть нашего брата, и потому мнѣ отрадно и сладко называть тебя моею «сестрою» и устроить тебѣ покой и довольство. Но дальнѣе согласіе наше идти не можеть, потому что ты считаешь себя въ правѣ брать у жизни все, что только возможно схватить, а я разсуждаю иначе.

— О, конечно, схватить все, что можно! — перебила Мармэ. — Для чего упускать свое счастье?

— Счастье!.. Это неясное слово, Марема. Кто можетъ сказать: въ чемъ счастье?. Для тебя это, быть-можетъ, достиженіе того, что тебѣ сейчасъ нравится, а для... другой...

— Ты хочешь сказать, для христіанки?

— Можетъ-быть, да. Для нея лучшая радость—вовсе не въ томъ, чтобы вырвать у жизни сейчасъ все, что возможно, а въ томъ, чтобы идти въ тишинѣ къ тому, что можетъ создать общую радость.

Мармэ засмѣялась и, отмахиваясь ладонями, молвила:

— Эге-ге! Это все старыя пѣсни! Ты оттого такъ разсуждаешь, что ты слишкомъ спокойно любишь мужа и не имѣешь отъ него дѣтей. Когда бы Алкей былъ способенъ внушить тебѣ болѣе жаркія чувства, или бы ты имѣла дѣтей, то повѣрь, что ты бы на все посмотрѣла иначе и стала желать *своего*, а не общаго счастья.

И Мармэ живо рассказала Мелитѣ, какъ живительно дѣйствуетъ счастье быть любимымъ тѣмъ, кого любишь, и какъ естественно заботиться о своихъ дѣтяхъ. Она представила эту заботу такой жаркой, съ которою совсѣмъ невозможно сравнить ровнаго участія всеобщей любви безразлично ко всѣмъ людямъ цѣлаго міра.

Но Мелита стояла на своемъ и снова ей возразила, что она не имѣетъ нужды въ особенныхъ чувствахъ къ людямъ, роднымъ ей только по крови, и что для нея гораздо желательнѣе имѣть благоволеніе *ко всѣмъ людямъ*, какъ это внушено въ ученіи, сдѣлавшемъ ее христіанкою. Тогда Мармэ пожала съ улыбкой своими смуглыми плечами и сказала:

— Споръ нашъ, я вижу, ни къ чему не приведетъ. Оставимъ все это времени, а теперь покуда помни лишь то, что я тебѣ сообщала: мужъ твой ревнуетъ тебя къ сыну вдовы Ефросины, и ты должна это знать и отстранить съ пути своего все, что можетъ усилить тревогу.

— «Усилить тревогу!» Тревога ни изъ-за чего!.. Тревога, въ которой я ничѣмъ не виновата, но которой, тѣмъ не менѣе, должна я бояться!.. И вотъ это-то всѣ вы называете жизнью! Нѣтъ, жизнь совершенно въ иномъ, и я не перестану искать ее гдѣ надо.

— Ищи! — отвѣчала, кончая бесѣду, Мармэ: — но еще лучше будь готова встрѣтить то, что она можетъ бросить тебѣ на твой путь совсѣмъ неожиданнаго.

— Пускай будетъ такъ. Я терпѣливо выслушала все, что ты мнѣ сказала отъ добраго сердца, и теперь я строже стану насторожѣ у моихъ чувствъ.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Эта бесѣда съ Мармэ глубоко врѣзалась въ сердце Мелиты и заставила ее передумать о вещахъ, на которыхъ она до сихъ поръ не останавливалась. По живости своего молодого темперамента и чистотѣ своихъ помысловъ она никакъ не могла допустить, чтобы Пруденціи, который былъ моложе ея на пять лѣтъ и съ которымъ она всегда обходилась какъ съ милымъ ребенкомъ, незамѣтно для нея загорѣлся къ ней такою неукротимую страстной любовью, для которой въ ихъ положеніи не могло быть никакого исхода. И вотъ теперь ей говорить, что это однако свершилось... До сихъ поръ Мелита этого не замѣчала, но теперь, послѣ

указаній Мармэ, она сама стала припоминать глубокіе вздохи невиннаго Пруденція и его долгіе взгляды, которые онъ устремлялъ на нее, забывая обо всемъ окружающемъ, при чемъ иногда не слышалъ, какъ его зоветъ мать или кличуть другіе.

Противъ воли своей Мелита начала вѣрить, что она имѣла несчастіе влюбить страсть юношѣ, и что если это не пройдетъ, то возможно, что Пруденцій совсѣмъ не захочетъ жениться, и тогда домъ его матери останется пусть и вдова Ефросина станетъ укорять Мелиту въ увлеченіи сына,—въ чемъ она нисколько не виновата.

И въ самомъ дѣлѣ вдова Ефросина уже начала глядѣть на Мелиту не прежними глазами, и когда, послѣ разсказанной выше бесѣды, Алкей и Пруденцій отправились надолго въ море,—вдова Ефросина не стала болѣе скрывать своего неудовольствія на Мелиту и однажды сказала ей:

— Ты однако изсушила сердце моего ребенка.

— Боже! — отвѣчала Мелита: — неужто ты, Ефросина, склонна вѣрить, что мнѣ доставило бы удовольствіе путать смыслъ твоего сына!

— Я не вѣрю ничьимъ словамъ, но я сама вижу его терзанія, и сама за него терзаюсь.

— Но чтѣ я могу сдѣлать для того, чтобы не было этихъ терзаній?

Ефросина покачала головою и, наморщивъ лобъ, проговорила:

— Да; я знаю, ты ничего не можешь сдѣлать въ его пользу, но... но я все-таки страдаю, Мелита, и мнѣ тяжело тебя видѣть.

Съ этимъ вдова Ефросина ушла, а Мелита возвратилась къ себѣ, раздосадованная на роковое стеченіе обстоятельствъ, и не находила въ себѣ никакой вины: она не увлекла Пруденція въ сѣти своей красоты. Она провѣряла также свои собственные чувства къ юношѣ и виолнѣ убѣдилась, что Пруденцій не составляетъ для нея никакой исключительности, — что онъ ей милъ и жалокъ не болѣе какъ многіе другіе, для которыхъ она готова бы сдѣлать всякую посильную услугу и радостью которыхъ могла бы радоваться. Но ни для кого въ свѣтѣ не хочетъ она нарушить вѣрности мужу. Нельзя же этимъ служить для утѣшенія вдовы Ефросины!

И при такихъ разсужденіяхъ Мелитѣ постоянно представлялось, что въ жизни, — чтобы прожить такъ, какъ должно, — надо имѣть со многими людьми нелады и борьбу, а при такомъ положеніи нѣтъ ни покоя, ни счастья. Стоить ли вводить себя въ такую борьбу для того, чтобы захватить чего-нибудь пріятнаго немножко побольше, чѣмъ есть у другихъ. Все это вѣдь на очень короткое время быстро минующей жизни. Нѣтъ; это не стоитъ. Безъ сравненія лучше жить борясь съ собою, — надо себя исправлять, освобождая себя отъ такихъ страстей, которыя влекутъ къ разладу съ милосердіемъ и человеколюбіемъ... Мелита стала вспоминать одну изъ подругъ своего дѣтства, бѣлокурую Эрминію, которая была всѣхъ изящѣе и красивѣе среди сверстницъ, а выбрала себѣ самую суровую долю: она такъ настропила свой духъ дошедшимъ до нихъ «галилейскимъ ученіемъ», что заботы о своемъ личномъ счастьи показались ей совсѣмъ недостойными никакого труда, и она отказалась отъ замужества и пошла служить больнымъ въ одной общинѣ въ Лидѣ.

Нравственный обликъ этой Эрминіи и серьезный путь ея для себя избранной жизни теперь безпрестанно приходили на мысли печальной Мелитѣ и мирили ея съ жизнью. Она соображала тотъ и другой путь, которымъ возможно идти, и находила, что на всѣхъ этихъ путяхъ нужно вести битвы за все и со всѣми, и что спокоенъ и тихъ тотъ только путь, на который люди не лѣзутъ толпою и гдѣ ничего не надо ронять съ ногъ, чтобы самому завладѣть чьей-нибудь долею такъ называемыхъ радостей жизни... Это онъ-то и есть путь «Галилейскаго Пророка» и путь тѣхъ, кто вѣритъ въ истинность Его ученія... Вотъ что Мелита и предпочла бы всему, что имѣеть. — Это путь отреченія отъ личныхъ радостей, — путь жизни, преданной благу другихъ...

И когда Мелита, обойдя мысленно все, что ей представлялось въ жизни, доходила опять до того, что избрала воспоминаемая ея подруга, она всегда чувствовала въ себѣ пантіе мира и покоя, — она ничего не боялась и смотрѣла смѣло впередъ и вѣрила, что въ этомъ одномъ настроеніи человекъ ближе всего къ истинной цѣли своего воплощенія.

Если бы какія-нибудь перемѣны въ жизни Мелиты были возможны и если бы онѣ зависѣли отъ ея выбора, то она бы

всему предпочла не быстро преходящую любовь съ избранникомъ сердца, а она сейчасъ бы встала и пошла бы искать свою подругу Эрминю и стала бы съ нею дѣлить ея служеніе немощнымъ старикамъ и покинутымъ дѣтямъ въ той же Лидѣ или въ другой мѣстности міра, гдѣ люди также все бьются другъ съ другомъ изъ-за личнаго счастья и оставляютъ безъ вниманія тѣхъ, которые ослабѣли и искалѣчились въ этой ужасной борьбѣ.

Гдѣ бы было возможно принести себя въ такую жертву, чтобы облегчить людское горе и положить начало новому направленію жизни, Мелита сейчасъ же бы встала и ушла туда... И тогда съ ней неразлучно была бы та совершенная радость, которую она и теперь уже ощущала, но которой въ нынѣшнемъ ея положеніи мѣшала неодолимая боязнь, что вдругъ подвернется такой или другой случай, и удалить ее отъ избраннаго вѣрнаго настроенія, и начнетъ переполнять душу ея тревогою, страхомъ и подозрѣніями...

О, эти подозрѣнія! Мелита знала имъ цѣну: когда еще живъ былъ Гифасъ, ей мимо воли случилось услышать одинъ разговоръ ихъ съ Алкеемъ объ островкѣ, гдѣ у нихъ есть имъ однимъ только извѣстная пещера и въ ней хранятся ихъ сокровища и ихъ преступныя тайны... Съ этихъ поръ Мелита всегда подозрѣвала, что они не только товарищи по торговлѣ, но что они оба—грабители и убійцы... И это сдѣлалось источникомъ вѣчнаго страха и терзаній Мелиты,— она съ этихъ поръ подозрѣвала, что и всѣ другіе люди въ поселкѣ думаютъ о Гифасѣ и о ея мужѣ Алкеѣ какъ о разбойникахъ, а смерть Гифаса и общій приговоръ взять въ дѣло Пруденція еще болѣе утвердили Мелиту въ подозрѣніи, что всѣмъ уже извѣстенъ преступный родъ жизни Алкея, и что всѣ къ этому такъ равнодушны только потому, что и сами они въ нравственной жизни недалеко отошли отъ Алкея съ Гифасомъ... И теперь, конечно, этимъ же недостойнымъ путемъ будетъ проходить свою жизнь невинный Пруденцій... Вѣдь Алкей, конечно, ведетъ себя и при немъ такъ же, какъ вель при Гифасѣ, и Пруденцій, безъ сомнѣнія, знаетъ уже, что у нихъ гдѣ-то въ группѣ прибрежныхъ скалъ есть островокъ съ пещерой... и тамъ какія-то сокровища, и еще что-то, о чемъ Мелита сама не имѣла точныхъ понятій... Она никогда не спрашивала объ этой тайнѣ мужа и не говорила о своихъ догадкахъ Ма-

ремъ, потому что Мелитѣ стыдно было признаться, что она подозрѣваетъ своего мужа въ разбойничествѣ, а Марема... Ахъ, Марема, несмотря на свою преданность Мелитѣ, сама гораздо больше близка душою къ тѣмъ, чьи поступки и страсти такъ ужасаютъ Мелиту...

И оттого еще ужаснѣе горе Мелиты, что ей не съ кѣмъ облегчить свою душу, которая вдругъ начала тяжело томиться—точно она будто чуяла вблизи предстоящее новое горе. Все это надобно было скрывать, и Мелита скрывала. Чтобы думать въ тиши или плакать, не боясь пустыхъ замѣчаній о томъ, что «стыдно грустить», Мелита начала часто уходить на обрывистый берегъ моря и подолгу сидѣла тамъ, охвативъ руками колѣни и глядя въ безконечную даль, откуда она точно вызывала на сцену дѣйствія послѣднее искушеніе, которое и не уمدлило своимъ приходомъ.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Разъ, когда Мелита сидѣла надъ облюбованнымъ ею обрывомъ морского берега, изъ-за столпившихся вдалькѣ темныхъ скалъ показалась лодка, съ которой были убраны всѣ паруса, кромѣ одного стараго, на которомъ она едва подвигалась. Въмѣсто флажка, наверху мачты былъ надѣтъ головной колпакъ изъ чернаго войлока.

Если бы Мелита не была слишкомъ сильно погружена въ свои размышленія, увидившия ее къ желанію рѣзкаго перелома въ своей жизни, то она бы непременно замѣтила эту лодку, и по ея печальной оснасткѣ она поняла бы, что на этомъ суднѣ случилось какое-то большое несчастіе. Но Мелита видѣла лодку, и ея грязный парусъ, и войлочный черный колпакъ наверху ея мачты, и всему этому не придавала никакого значенія.

Она должна бы замѣтить и то, что лодка, бывшая, конечно, въ далекомъ плаваніи, входила въ пристань въ необычное время и держала курсъ своей не прямо къ поселку, а нарочно проходила между скалами и пристала у одной изъ нихъ, завязавъ канатъ у торчащаго рогомъ обломка утеса.

Съ лодки сошелъ кто-то, покрытый коричневымъ полотномъ, и, ничего не взявъ съ судна, скрылся гдѣ-то подъ берегомъ, а потомъ, черезъ часъ или нѣсколько больше,

опять возвратился къ лодкѣ вдвоемъ съ закутанной женщиной, которая едва лишь ступила на лодку, какъ страшно вскрикнула и, отпихнувъ отъ себя сопровождавшаго ее мужчину, упала въ море, но сейчасъ же выплыла на берегъ и убѣжала.

Это Мелита уже замѣтила потому, что женскій крикъ былъ слишкомъ громокъ и страшенъ, но она тотчасъ же потеряла изъ вида эту фигуру, и зато тѣмъ болѣе была поражена, когда черезъ малое время эта же самая фигура, въ томъ же мокромъ платьѣ, но въ лицѣ Маремы, подбѣжала къ Мелитѣ и, упавъ передъ ней съ сжатыми руками, завопила сквозь слезы:

— О, моя бѣдная госпожа! Прокляни и продай меня, какъ злую вѣстницу, въ жестокія руки! я достойна этого за то горе, какое мнѣ суждено тебѣ возвѣстить.

При первыхъ же словахъ Маремы сердце Мелиты переполнилось предчувствіемъ жесточайшаго несчастія, и она ей сказала:

— Умоляю тебя, говори мнѣ скорѣй, чтѣ случилось, и не бойся моего гнѣва—моя вѣра не даетъ мѣста гнѣву.

— О, да,—отвѣчала Марема: — теперь тебѣ наступилъ часъ показать твоей бѣдной и темной рабѣ, сколько свѣта и силы можетъ дать человѣку твоя вѣра!

— Я постараюсь, чтобы ты не получила о ней черезъ меня дурного понятія; говори, чтѣ должна я узнать!

— Твой мужъ... вонъ, видишь, тамъ, у скалы... это лодка его... моего господина Алкея, и... въ ней на двѣ около мачты, на вершинѣ которой поднятъ черный колпакъ, лежить, покрытое парусомъ... бездыханное тѣло.

— Пруденція!—воскликнула громко Мелита и сейчасъ же заломила надъ головою руки и стала повторять сквозь рыданія: — Бѣдное дитя! Неужели Алкей убилъ его въ ревности! О, злополучный невинный Пруденцій!

Но Марема, давъ нѣсколько времени проплакать Мелитѣ и какъ бы освоиться съ горемъ, взяла ее тихо за руки и, переводя ихъ къ своему сердцу, сказала:

— Нѣтъ, Мелита! Ты напрасно плачешь о юношѣ, ты должна оборотить къ себѣ горе другой стороною: погибъ не Пруденцій, а тотъ, чья смерть тебя оставляетъ вдовою.

Мелита вдругъ воздержала свои слезы и остановила сухой огненный взглядъ на Маремѣ.

— Умеръ мужъ мой, Алкей?!

— Да, госпожа.

— И тамъ, внизу, у скалы его тѣло?

— Да, оно въ лодкѣ... тѣло Алкея... Я его видѣла и прокляла рокъ, судившій мнѣ возвѣстить тебѣ это несчастье.

— Оставь говорить о проклятіяхъ и веди меня скорѣй къ лодкѣ!

Марема положила себѣ на плечо руку Мелиты, и обѣ женщины пошли спѣшной походкою къ морю и скоро стали у лодки, на которой не было никакого груза, а только у основанія мачты лежалъ небрежно брошенный парусъ.

— Вотъ это здѣсь,—тихо сказала Марема и загѣмъ съ участіемъ спросила:—если ты можешь видѣть и прикажешь открыть...

Но Мелита, вмѣсто отвѣта, сама нагнулась и едва подняла уголъ сѣраго полотна съ синей каймою, какъ увидала мертвое лицо Алкея съ выдавшимися косыми глазами и тремя страшными колотыми ранами въ черепѣ... Раны были посреди темени, всѣ три кругловатыя, каждая величиною въ вишню, и всѣ рядомъ, одна отъ другой на разстояніи пальца... Ихъ не нужно было оцупывать, чтобы сказать, что всѣ онѣ равномернo глубоки и всѣ три смертельны.

Мелита склонилась къ головѣ мужа и долго смотрѣла въ его глаза, а потомъ, когда подняла лицо свое, увидала, что прямо передъ нею, по другую сторону паруса, стоялъ, въ печальномъ платьѣ и съ печальнымъ лицомъ, невинный Пруденцій.

Увидя его открытое лицо, хранившее до сихъ поръ на себѣ слѣды цѣломудрія и духовной чистоты, Мелита вздохнула и тихо промолвила:

— Ты знаешь, конечно, что о тебѣ скажутъ люди, когда увидятъ несчастное тѣло Алкея?

— Да, знаю,—отвѣтилъ Пруденцій:—люди скажутъ, что это я нанесъ смертельныя раны Алкею.

— И что же ты имъ отвѣтишь въ свое оправданіе? Я, вѣдь, не знаю, какъ ты искусенъ во лжи. Или, быть-можетъ, ты для того и привезъ сюда тѣло Алкея, чтобы предъ всѣми признаться въ убійствѣ и рассказать, для чего это сдѣлалъ?

— Нѣтъ, —отвѣчала ей невинный Пруденцій. — Я не

для того привезъ сюда тѣло Алкея, чтобы изощряться во лжи или дѣлать надъ нимъ признанія въ убійствѣ. Я привезъ его для того, чтобы ты могла видѣть хоть мертваго мужа и могла его оплакать и схоронить какъ жена. А когда меня спросятъ о смерти Алкея, я безо лжи расскажу о ней всю сущую правду.

Слушая эти слова, Мелита смотрѣла острымъ и пристальнымъ взглядомъ въ глаза Пруденція и получила въ глубинѣ своего духа безотчетное удостовѣреніе, что Пруденцій ничѣмъ не повиненъ въ смерти Алкея...

Это ей было отраднo, и душа ея успокоилась, насколько это было возможно въ теперешнемъ случаѣ.

— Если ты правъ,—отвѣчала она:—то и спѣши скорѣй принести свое оправданье: я и Марема останемся здѣсь у мертваго тѣла Алкея. Ты же иди поскорѣе въ селеніе, позови свою мать, вдову Ефросину, и вызови всѣхъ старыхъ и молодыхъ людей на берегъ моря, на то мѣсто, гдѣ Алкей говорилъ предъ людьми о кончинѣ отца твоего, Гифаса. Я и Марема приведемъ туда лодку съ тѣломъ, а вы всѣ наломайте вѣтвей, на которыхъ можно поднять и нести тѣло Алкея, и когда оно будетъ поднято, ты передъ всѣми долженъ сказать, какъ случилась гибель Алкея и кто нанесъ ему эти три равномѣрные раны.

Пруденцій ей тихо кивнулъ головою и, скоро достигнувъ селенія, снялъ рожокъ, который висѣлъ на сукѣ стараго дуба, и протрубилъ для всѣхъ три призыванья, чтобы всѣ шли скорѣй на собранье.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Услышавъ рожокъ, люди тотчасъ же стали выходить изъ домовъ и, поправляя одежды, стали направляться къ тому мѣсту, гдѣ еще такъ недавно всѣ выслушивали повѣсть Алкея о смерти Гифаса. Здѣсь и теперь, такъ, какъ и тогда, стояла на пескѣ опрокинутая килемъ вверхъ старая лодка.

Все это было на полперелета стрѣлы отъ стараго дуба, подъ которымъ теперь стоялъ Пруденцій. И онъ продолжалъ здѣсь стоять, пока на берегу около лодки собрались почти всѣ взрослые люди селенія, а изъ-за загиба пологаго мыса показалась на морѣ лодка, которую гнали на веслахъ Мелита съ Маремой.

Пруденцій, который ожидалъ появленія на морѣ этой

лодки, прежде всѣхъ ее и замѣтилъ: и онъ тотчасъ же снялъ съ дерева рогъ, висѣвшій на скрученномъ лыкѣ, и надулъ его такъ, что рогъ за разъ издалъ, кромѣ общаго призывнаго звука, еще особый сигналъ, который могъ имѣть условное значеніе для друзей трубача или его семейныхъ.

Собравшіеся люди не упустили замѣтить этотъ сигналъ, и одинъ молвилъ другому:

— Пруденцій навѣрно хочеть сказать что-то необыкновенное.

— Почему ты такъ думаешь?

— Онъ кому-то даетъ сигналъ на священномъ рожекѣ.

— Это онъ зоветъ сюда свою мать.

— О, да! Вонъ она и выходитъ—вдова Ефросина.

— Значить, они еще не видались?

— Такъ надо думать.

— Любопытно! Пруденцій, конечно, желаетъ, чтобы мать его была здѣсь при томъ, для чего онъ сзываетъ селенье; но что это такое онъ хочеть сказать?

— Услышимъ.

— Ужъ конечно услышимъ. Вонъ къ берегу тянется лодка... Эге! Да это знакомая лодка Алкея. Ее, еще года нѣтъ, снаряжалъ и опять недавно раскрасилъ Гифасъ, а теперь... смотри, что такое?... Лодку ведутъ на веслахъ двѣ женщины... Ахъ, вѣдь это Мелита съ своею рабыней, сидонянкой Маремой... Ну, у этой руки изъ бронзы, но все-таки женщинамъ не пристать сюда близко... Здѣсь вязкая тина и внизу въ разныхъ мѣстахъ, не на одной глубинѣ, острые камни... Ага! вотъ хорошо догадался Пруденцій: онъ сбѣжалъ къ морю и вошелъ въ воду... Ну, немощко измокнеть, а зато онъ взялъ лодку за канатъ и подведеть ее къ берегу... Ишь, какъ онъ весь изогнулся подъ лямкой!

— И зато какой чудный станъ!..

— Да, ужъ Пруденцій, извѣстно, совершенный красавецъ. Говори что кто хочеть, а имъ вѣдь недаромъ гордится наше селеніе, и я думаю, если бы боги не имѣли зависти къ красотѣ смертныхъ, то нельзя было бы ни понять и ничѣмъ объяснить, какъ они могли допустить соединеніе Мелиты съ раскосымъ Алкеемъ, послѣ чего Мелита остается безплодной, тогда какъ ее слѣдовало бы соединить съ Пруденціемъ...

— Ага! это правда.

— Да, ужъ тогда было бы можно ручаться, что Мелита не тосковала бы и не осталась бы безплодной, а взору человѣческому былъ бы данъ для услады самый красивый ребенокъ.

— Да; я думаю тоже, что если бы Мелита была помоложе и была бы свободна,—она не сочла бы для себя за большое обремененіе ласки Пруденція, и тогда-то, пожалуй, ты правъ, что второй Купидонъ могъ бы родиться гдѣ-нибудь въ нашемъ незнатномъ селеніи; но вѣдь Мелита постарше Пруденція, и мужъ ея, косоглазый Алкей, долголѣченъ: всѣ его предки всегда достигали маститаго вѣка...

Но въ это мгновеніе у лодки, подвинутой къ берегу, раздался голосъ Пруденція:

— Почтенные люди и ты, о, нѣжно любимая мать моя, вдова Ефросина! Еще въ очень недавнее время отсюда отплыли вдвоемъ: отецъ мой, отважный Гифасъ, съ безстрашнымъ Алкеемъ. Такъ они много разъ отправлялись вмѣстѣ вдвоемъ и всегда вмѣстѣ вдвоемъ возвращались, но въ этотъ послѣдній разъ случилось иначе: въ этотъ разъ возвратился одинъ только смѣлый Алкей и открылъ здѣсь, на этомъ же мѣстѣ, всѣмъ вамъ и мнѣ, сыну Гифаса, и вдовѣ отца моего Ефросинѣ, что отецъ мой сдѣлался жертвою моря.

Всѣ люди слушали это вступленіе о вещахъ, всѣмъ имъ извѣстныхъ, и напряженно смотрѣли на Пруденція и на Мелиту съ Маремой, стоявшихъ попрежнему въ лодкѣ. Въ толпѣ проносилось:

— Чтѣ онъ хочетъ сказать?.. Для чего въ лодкѣ стоятъ Мелита съ служанкой?.. Пруденцій, быть-можетъ, узналъ что-нибудь и задумалъ теперь обвинить въ преступленіи Алкея?

А Пруденцій, вмѣсто того, вдругъ зарыдалъ и, рыдая, воскликнулъ:

— Посмотрите же, чтѣ нынче стало съ самимъ безстрашнымъ Алкеемъ!

Пруденцій сдвинулъ лежащій на днѣ лодки парусъ и, приподнявъ трупъ Алкея, добавилъ:

— Вотъ онъ, Алкей! Онъ убитъ. Подходите и смотрите: на его темени рядомъ три одинакія ранки. Отъ каждой изъ нихъ человѣкъ долженъ былъ умереть непременно, а Алкей получилъ всѣ три раны въ одно мгновеніе ока.

— Гдѣ и какъ онъ могъ получить ихъ?—зашумѣли, толпясь на берегу и отчасти входя въ воду, люди.

— Ты долженъ все объяснить,—кричали другіе.

— Да; ты за него отвѣчаешь.

— И ты можешь быть въ подозрѣніи: ты мстилъ ему за Гифаса!

— Или завидовалъ красотѣ несравненной Мелиты!

— О, воздержитесь! — воскликнулъ Пруденцій. — Вы не опоздаете оскорблять меня обвиненіями и послѣ того, когда я все изложу вамъ, какъ было дѣло. Дѣло же въ томъ, что Алкей и, упредившій его на пути въ царство тѣней, отецъ мой Гифасъ не только занимались торговлей, но они... они тоже напали на другія суда и грабили ихъ, и топили...

На всю массу слушателей это не произвело особенно сильнаго впечатлѣнія, и даже, кажется, никого не удивило, кромѣ одной Мелиты, которая вскрикнула: «Мой мужъ былъ разбойникъ!»—и, поднявъ кверху руки, упала головою на плечо Маремы.

Пруденцій же продолжалъ говорить и рассказать, что онъ не вѣритъ словамъ Алкея, какъ погибъ Гифасъ, что это навѣрное было какъ-то иначе, по что онъ никогда не думалъ мстить за это Алкею, а самъ Алкей получилъ свои раны отъ гвоздей, предательски вбитыхъ въ днище плившей византійской триремы, подъ которую Алкей поднырнулъ съ тѣмъ, чтобы тихо взобраться на ея бортъ и задушить соннаго кормщика, а остальныхъ сонныхъ людей сбросить въ море; но эта трирема была для нихъ проклятой ловушкой: когда они встрѣтились съ ней предъ разсвѣтомъ, люди на ней только притворялись спящими, а вовсе не спали; а дно самой триремы было утыкано острыми спицами, изъ которыхъ три сразу же вонзились въ темя Алкея, такъ что бѣлый гребень набѣжавшей волны въ то же мгновеніе и сразу весь окрасился Алкеевой кровью...

Затѣмъ слѣдовалъ рассказъ о томъ, какъ притворно спавшіе на триремѣ византійскіе греки злорадно захохотали и, оттолкнувъ отъ себя шестомъ тѣло Алкея, уплыли въ море, а осиротѣлый Пруденцій остался одинъ и съ трудомъ изловилъ Алкеево тѣло, втащилъ его въ ладью и привезъ сюда, чтобы оно было предано погребенію и чтобы видѣли всѣ, что ему нѣтъ нужды ничего скрывать въ этомъ несчастномъ дѣлѣ, полагающемъ конецъ торговому товариществу двухъ ихъ домовъ.

Пруденцій закончилъ словами:

— Кто-то сказалъ, что на меня есть подозрѣніе!.. Что же, судите меня! Я не боюсь ничего, я приготовился къ смерти, но я невиненъ въ смерти Алкея.

Народъ, выслушавъ все это, оставался въ недоумѣніи и обнаруживалъ разногласіе: однимъ казалось, что Пруденцій дѣйствительно не виноватъ въ смерти Алкея, а другіе думали, что Алкей убитъ его рукою, именно изъ мести за отца или, быть-можетъ, и отъ любви къ Мелитѣ. И тогда постановили: опять положить тѣло Алкея въ лодку и туда же помѣстить Пруденція, и въ сопровожденіи двухъ молодыхъ людей и двухъ старцевъ, послать трупъ и подозрѣваемаго къ прорицательницѣ, жившей на отдаленномъ островѣ. Тамъ поручалось старцамъ спросить прорицательницу надъ головою Алкея: виновенъ ли Пруденцій въ его убійствѣ? И если вѣщая дѣва скажетъ, что Пруденцій виновенъ, то тогда старцы, отблагодаривъ прорицательницу, снова войдутъ въ ладью вмѣстѣ съ Пруденціемъ, и когда удалятся настолько, что берегъ сдѣлается не виденъ, тогда старцы велятъ юношамъ завернуть Пруденція вмѣстѣ съ трупомъ Алкея въ парусъ и потомъ обмотать ихъ бечевою и бросить ихъ вмѣстѣ въ море.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Нельзя описать, какой страшный плачъ сдѣлала вдова Ефросина, когда услышала такое рѣшеніе. И она не одна плакала, — съ нею стонали и другія женщины, потому что многимъ жаль было невиннаго Пруденція. Стонала и рвалась также и Марема, но Мелита не стонала и не рвала на себѣ ни волосъ, ни платья, а только побѣднѣла и долго стояла въ молчаніи на одномъ мѣстѣ; но потомъ, когда ладья съ тѣломъ Алкея, съ Пруденціемъ и съ сопровождающими ихъ двумя старцами и двумя юношами отвалила отъ берега, Мелита подошла къ Ефросинѣ и сказала ей:

— Наши вопли и слезы ничему не помогутъ; вмѣсто того, чтобы здѣсь изнурять свои силы, сядемъ скорѣе въ другую ладью и поѣдемъ слѣдомъ за ними. Можетъ-быть, прорицательница, увидя твое материнское горе, склонитъ къ нему свой слухъ и дастъ старцамъ отвѣтъ, который послужитъ къ тому, что люди признаютъ невинность Пруденція.

Ефросина на это легко согласилась и черезъ самое малое время послѣ того, какъ ладья съ тѣломъ Алкея скрылась изъ глазъ, отъ той же пристани отошла другая ладья, нанятая Мелитою у нѣмого Тромедъ, и на этой ладѣ, у кормила которой стоялъ самъ Тромедъ, помѣщались Ефросина и Мелита съ своей вѣрной Маремой.

И прошло всего двое сутокъ, какъ на третій день къ вечеру жители селенія увидали, что обѣ ладьи опять возвращались и ладья нѣмого Тромедъ опережала большую ладью, принадлежавшую прежде Алкею съ Гифасомъ. На передней ладѣ, рулемъ которой правилъ Тромедъ, а парусами Марема, по срединѣ сидѣлъ юный Пруденцій, а съ двухъ сторонъ его — Ефросина и Мелита.

Съ берега видѣли ясно, что Ефросина внушала что-то сыну съ большимъ увлеченіемъ, а онъ ее радостно слушалъ и съ видимымъ счастьемъ сжималъ своими руками ея обѣ руки, а Мелита сидѣла въ раздумьѣ и, опустивъ руку за бортъ, держала въ ней камышинку, листья которой играли съ дробившейся волюю. Въ лодкѣ Алкея оба юноши и оба старца были спокойны: на всѣхъ на нихъ нынче были надѣты вѣнки изъ бѣлыхъ пунавокъ въ знакъ того, что ихъ головы свободны отъ гнета всякой тягостной мысли, и на ихъ мачтѣ не было уже болѣе чернаго войлочнаго колпака, а вмѣсто него красовалась зеленая вѣтка оливы.

Ясно было, что вѣщая дѣва объявила невиннымъ Пруденцію и что трупъ Алкея, какъ ненужный болѣе ни для какихъ разслѣдованій, спущенъ былъ въ море, и теперь всѣ возвращаются въ покоѣ и въ мирѣ.

Всѣ догадались, что сейчасъ наступаетъ веселый, радостный вечеръ, что вдова Ефросина навѣрно не станетъ скушиться, а жарко растопитъ очагъ въ своемъ домѣ и угоститъ всѣхъ такъ изобильно, какъ она можетъ. О, она не поскупится справить веселый праздникъ за спасеніе сына.

Такъ это и сдѣлалось: лодки пристали, старцы и юноши объявили, что Пруденцій невиненъ и что при этомъ случилось еще одно пречудесное дѣло... Вышло такъ, что когда вдова Ефросина вмѣстѣ съ Мелитой хотѣли поднять Пруденцію отъ ногъ прорицательницы, то вѣщая дѣва вдругъ какъ-будто проснулась, — лицо ея озарилось улыбкой, и она, взявъ за руки Мелиту и Пруденцію, вложила одну въ другую ихъ руки...

Тутъ всё, кто это слушалъ, заплескали руками и за-
пѣли: «Эвое! Эвое!» и начали обнимать и цѣловать и Мелиту, и Пруденція и поздравлять вдову Ефросину, и радоваться, что союзъ Мелиты съ Пруденціемъ исполнить ихъ счастьемъ и устранить всякій вопросъ о раздѣлѣ имущества, такъ какъ съ этихъ поръ все равно, что Пруденціево, что Мелитино. И всё, распивая вино, которое выставила Ефросина, и обоня запахъ мяса и рыбъ, которыя жарились на вертелахъ, и сладостный паръ черносливныхъ поливъ, кипѣвшихъ въ огромныхъ сосудахъ, — всё безъ уговора стали считать себя въ правѣ смотрѣть на Пруденцію и на Мелиту какъ на супруговъ, для соединенія которыхъ все рѣшено самую судьбою и теперь только потребно какое-то недолгое время, чтобы бракъ ихъ признать совершеннымъ.

Невинный Пруденцій былъ наверху своего счастья и еще усугубилъ свою всегдашнюю почтительную скромность передъ Мелитой, а вдова Ефросина даже терилась отъ радости и изливалась въ привѣтахъ и ласкахъ ко всемъ, кто подходилъ къ ея очагу, чтобы брать мясо, и рыбу, и хлебки; въ радостномъ духѣ была и Марема, которая помогала Ефросинѣ въ угощеніи и, нося на плечѣ кувшины съ виномъ, наполняла имъ чаши. Одна лишь Мелита не измѣняла своей задумчивости и не отвѣчала ни на какіе намеки, а какъ бы витала теперь гдѣ-то далеко отсюда, и когда гости, замѣтивъ на небѣ признаковъ приближающагося утра, начали расходиться. Мелита вздрогнула и, взглянувъ въ знакомыя лица Маремы и вдовы Ефросины, сказала:

— О, кто бы вы ни были! — отведите меня куда-нибудь въ тихое мѣсто!

Такое обращеніе къ Маремѣ и Ефросинѣ, какъ къ незнакомымъ, очень удивило обѣихъ женщинъ, и онѣ, переглянувшись другъ съ другомъ, подумали: не выпила ли Мелита съ жажды ошибкою цѣльнаго вина, или не потеряла ли она разсудка при морскомъ переѣздѣ на лодкѣ или при быстромъ охлажденіи воздуха.

Марема попробовала руки Мелиты и, чувствуя, что онѣ холодны, укутала ея голову и станъ покрываломъ вдовы Ефросины и, обвинивъ ея станъ своею рукою, повела ее къ дому.

Какъ провожая Мелиту, такъ и укладывавая ее дома въ

постель, Марема все время была въ полной увѣренности, что госпожа ея недомогаетъ отъ множества смѣшанныхъ чувствъ, надъ которыми забираетъ самое высшее положеніе и самую большую силу любовь ея къ прекрасному и невинному Пруденцію; а потому, чтобы сказать Мелитѣ что-нибудь самое радостное и способное вызвать въ ней оживленіе, — Марема, покрывши Мелиту ночнымъ одѣяломъ, нагнулась къ ея лицу и, поцѣловавъ ее въ лобъ, прошептала ей на ухо:

— Спи и пусть тебѣ снится тотъ, къ кому рвется съ любовью твое разрѣшенное отъ клятвъ сердце!..

А когда Мелита промолчала, то потомъ Марема распрямилась и ласково спросила ее:

— Скажи мнѣ, ты не серднишься за то, что я позволяю себѣ немножко читать въ твоемъ сердцѣ?

— Нѣтъ, — отвѣчала Мелита: — я не сержусь.

— Значить, я угадала...

— Нѣтъ, это не значить, что ты угадала. Я не сержусь на тебя, потому что ни на кого не должно сердиться, а сердце мое дѣйствительно неспокойно и дѣйствительно оно съ каждымъ днемъ все становится болѣе полно любви, но это любовь совсѣмъ не къ тому, о комъ ты помышляешь...

— Какъ, развѣ невинный Пруденцій не одинъ... Неужто же онъ долженъ будетъ отнимать у кого-нибудь свое мѣсто въ сердцѣ Мелиты?

А Мелита ей отвѣтила:

— Успокойся, Марема! И ты, и невинный Пруденцій имѣете свое мѣсто въ сердцѣ Мелиты...

— О, я не говорю о себѣ! — перебила Марема.

— Дай мнѣ докончить! И ты, какъ и онъ, живете и будете жить въ моемъ сердцѣ, потому что я люблю васъ обоихъ, какъ стремлюсь и желаю любить всѣхъ людей въ мірѣ. Изъ васъ никому не нужно ни у кого отнимать ваше мѣсто въ моемъ сердцѣ, но *владѣть* имъ, — *повелѣвать* моему сердцу и *править* имъ съ властвительной силой и властью будетъ только одинъ...

— Кто же это такой? Я его знаю или не знаю?

Мелита ласково ей улыбнулась и сказала:

— И знаешь, и нѣтъ.

— Кто же это такой?

— Иисусъ Галилейскій.

Марема положила большіе пальцы обѣихъ рукъ себѣ на уши и, закрывъ остальными перстами свои глаза, затрясла головою въ знакъ того, что она ничего въ этомъ не понимаетъ ни однимъ изъ своихъ чувствъ. Но Мелита привлекла ее къ себѣ, уложила рядомъ съ собою въ постель, и, лаская ее, стала ей говорить: что жизнь на землѣ ей не представляется цѣлью достойною заботъ и стараній; что всѣ радости жизни слишкомъ быстротечны и оставляютъ послѣ себя одну пустоту и страданье; что «союзъ сердець», который воспѣваютъ пѣвцы,— нимало не надеженъ, если онъ основанъ на влеченіяхъ страсти; что какъ бы ни укрѣпляли такой союзъ, онъ никогда и ни отъ чего не получитъ всегдашней прочности, а истиненъ и крѣпокъ одинъ лишь союзъ — это союзъ тѣхъ людей, которые сопрягаютъ себя подь одно игло по схожести мыслей и по согласію въ разумѣніи жизни...

— И вотъ, — добавила Мелита, послѣ долгаго развитія своихъ соображеній въ этомъ духѣ: — вотъ тотъ союзъ, о которомъ можно говорить, какъ о прочномъ благѣ — объ исполненіи закона жизни земной, учрежденной для приготовления насъ къ какой-то другой, высшей цѣли, намъ неизвѣстной. Но кто же изъ насъ всѣхъ такъ единомысленъ и такъ схоже настроенъ, чтобы слиться другъ съ другомъ? Я надѣюсь, что это не я и не невинный Пруденцій. Развѣ ему мѣръ и назначеніе въ немъ человѣка представляется тѣмъ же, чѣмъ мнѣ?

— О, это было бы страшно, Мелита!

— Быть-можетъ. А мнѣ кажется страшно другое... страшно соединиться на одномъ ложѣ съ человѣкомъ, съ которымъ меня ничто не соединяетъ духовно, а развѣ только одно бунтованье плоти и крови... О, какъ ужасно и страшно должно быть проснуться послѣ этой опьяняющей ночи, что вы называете вашей «любовью»!.. Какъ надо будетъ дрожать, чтобы плодомъ этихъ объятій не явились дѣти, о наученіи которыхъ мать должна будетъ спорить съ ихъ же отцомъ!

— Зачѣмъ же все спорить, Мелита?

— Зачѣмъ, что нельзя съ равнодушьемъ глядѣть, если дѣтей ведутъ не къ тому, что серьезно и свято, — что воспитываетъ духъ въ человѣкѣ и «ставитъ его господиномъ надъ звѣремъ, живущимъ въ самомъ человѣкѣ...» О, какъ это страшно! какъ это страшно!

— Однакоже ты вѣдь была женою Алкея и могла бы не разъ сдѣлаться матерью рожденныхъ тобою дѣтей.

Мелита вздохнула и отвѣчала:

— Могла!.. Ты права: я была женою человѣка, съ которымъ у меня не было ничего общаго въ мысляхъ. Я стала женою Алкея ребенкомъ, когда сама не имѣла тѣхъ мыслей о жизни, какія имѣю теперь. И не хочешь ли ты меня укорить за то, что я съ нимъ жила и не обѣжала изъ его дома, и не раздражала его гнѣва уклоненіемъ отъ его ласкъ и объятій, которыя я должна была принимать, разъ назвавшись женою! Да; я все это снесла, и все это было мнѣ тяжело; но я понимала, что Алкей не виноватъ въ томъ, что въ его глазахъ свѣтъ свѣтился иначе, чѣмъ онъ засвѣтился въ моемъ взглядѣ! Когда намъ пѣли брачные гимны, я его не могла предупредить объ этомъ и такъ же точно не должна была его оставить, пока онъ могъ быть моимъ мужемъ... Но теперь, когда не по моей волѣ все это минуло,—теперь, когда я свободна и вижу ясную цѣль въ моей жизни, я не хочу утомлять духъ мой въ обязательствахъ брака съ женщиной... Я не считаю призваньемъ и долгомъ вызвать нѣсколько новыхъ дѣтей, чтобы было кому собирать ракушки и камни на берегу моря... Напрасно вы думаете, что я соглашусь связать съ кѣмъ-нибудь мое право отдать себя съ этимъ тѣломъ и кровью на пользу вѣчнаго духа, жизнь котораго я въ себѣ ощущаю... О, какія вы дѣти! О, какія вы несмысленныя, бѣдныя дѣти!.. Встань, о Марема,—встань, другъ мой!.. Ты уже другъ мой, а не рабыня—рабство незаконно, я тебя отпускаю и... я постараюсь, чтобы ты получила все то, въ чемъ ты видишь счастье... Цѣлуй меня просто, какъ друга, и, если любишь меня, сослужи сама мнѣ еще одну величайшую службу... Встань,—о, Марема!—сидиши ко вдовѣ Ефросинѣ... говори ей... проси... убѣждай... что Мелита не можетъ... она не годится быть подругой Пруденціи... Иди!

И Марема дѣйствительно встала и вышла,—но она была въ сильномъ волненіи и побѣжала ко вдовѣ Ефросинѣ, а когда разбудила вдову, то сказала ей съ замирающимъ сердцемъ:

— Случилось еще очень большое несчастье!

— Домъ вашъ сгорѣлъ?

— Нѣтъ; но Мелита, моя госпожа... помрачилась въ разсудкѣ.

— О, боги! о, боги! Зачѣмъ такъ всеильна надъ нами любовь!

— Ужасно!

— Скажи же скорѣе, что она говоритъ?.. Она не дожидется Пруденція?.. Да? Говори же!

— Она говоритъ... совсѣмъ противъ брака.

— Съ Пруденціемъ?

— Съ кѣмъ бы то ни было.

Ефросина вскричала:

— О, боги, какое безумье! Но это минуетъ.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Такъ несродно было пониманію вдовы Ефросины и юной Маремы все то, что имъ сказала молодая христіанка Мелита. Обѣ женщины не могли допустить, чтобы человѣкъ, сохраняющій здравый разумъ въ своей головѣ, могъ имѣть о значеніи жизни и о главномъ назначеніи женщины такія, по ихъ мнѣнію, безумныя понятія, какія начала высказывать высоко настроенная Мелита... И изъ того, что это случилось такъ неожиданно, вдругъ, вскорѣ послѣ того, какъ молодая вдова Алгея пережила столько внезапныхъ потрясеній, опытная въ жизни мать Пруденція, пожилая вдова Ефросина, имѣла вполне достаточныя, по ея мнѣнію, основанія вывести, что въ Мелитѣ произошла не твердая и ясно обдуманная перемѣна въ образѣ мыслей, а просто забурлилъ на время какой-то бурный порывъ, дающій ея мыслямъ болѣзненное и беспорядочное направленіе.

А какъ Мелита очень нравилась вдовѣ Ефросинѣ за ея красоту, добрый нравъ и изящную домовитость, и Ефросина знала, что ея сынъ, юный Пруденцій, давно страстно любить Мелиту и уста его, на яву и въ сонной дремотѣ, только и шепчуть драгоценное юношѣ имя Мелиты, то извѣстіе, принесенное Маремою, все-таки сильно встревожило вдову Ефросину, и она просила Марему никому болѣе въ селеніи не рассказывать о томъ, что она слышала отъ находившейся въ особенномъ, возбужденномъ состояніи Мелиты.

— Для чего ее подвергать общимъ насмѣшкамъ и осужденію? Пусть лучше это пройдетъ и позабудется, какъ забываются многія молодыя грезы... Большой опасности нѣтъ. Слава богамъ, въ селеніи не завелось еще другихъ

людей, опоепныхъ этимъ мечтательнымъ ученіемъ, которое принесли какіе-то жиды изъ какой-то своей далекой и никому не нужной Галилеи. Мелита одна гдѣ-то слышалась объ этомъ ученіи отъ своей какой-то подруги, и вотъ теперь бредить... Эта жизнь будто только и стоить вниманія, какъ воспитаніе себя къ какой-то иной жизни, о которой мы не можемъ судить, потому что она такъ не схожа съ тѣмъ, что видимъ, какъ не похожъ жолудь на дубъ, который можетъ изъ жолудя выйти... Но вѣдь все это вздоръ, и Мелита не удержится въ этомъ настроеніи, и оно скоро замѣнится другимъ, болѣе жизненнымъ и болѣе свойственнымъ молодой красавицѣ, къ которой горитъ нѣжною страстью такой совершенный красавецъ, какъ невинный Пруденцій!.. Вѣдь она давно о немъ думаетъ!.. Не она ли, Мелита, научила его многимъ знаніямъ; она развила въ немъ ловкость и силу, и часто сама любовалась имъ и сама съ нимъ состязалась и въ бѣгѣ, и въ другихъ упражненіяхъ... И развѣ не она виновата, что въ немъ зародилась любовь къ ней, какъ къ женщинѣ, и сердце Пруденція давно ужъ горитъ страстнымъ огнемъ, который, безъ сомнѣнія, вспыхнетъ еще сильнѣе теперь, когда Алкей удался въ область Анда... Вѣдь не даромъ же тамъ, предъ послами народа, вѣщая дѣва соединила ихъ руки надъ тѣломъ Алкея!.. Развѣ можетъ же быть, чтобы теперь Мелита сама все это пожелала разрушить? Развѣ возможно молодой и столь красивой вдовѣ, бывшей женою суроваго мужа, каковъ былъ мореходецъ Алкей, отказаться отъ страстныхъ ласкъ и объятій такого нѣжнаго юноши, какъ невинный Пруденцій?..

Вѣдь онъ такъ изященъ, такъ нѣженъ, что одинъ отказъ Мелиты принять его къ себѣ мужемъ навѣрное и безъ малѣйшаго сомнѣнія убьетъ его! Да; убьетъ его, самаго стройнаго и красиваго, самаго добраго и достаточнаго юношу на всемъ побережьи! Неужто это—то, совсѣмъ отвлеченное и мало понятное?.. Неужто есть такая странная вѣра, которая можетъ побудить женщину отвергнуть влюбленнаго въ нее молодого красавца, какъ невинный Пруденцій? Нѣтъ; это все пустяки! нужно только скорѣе дѣло свести къ поцѣлуямъ! Скорѣе украсить цвѣтами алтарь бога любви, скорѣе заставить Мелиту принести жертву Гимену.

Всѣми такими соображеніями и надеждами вдова Еффо-

сина вдохновила пылкую душу темнокожей Маремы, дѣвухи, возрастъ которой достигъ самой огневой поры, и Ефросина вдругъ увидѣла, какъ этотъ огонь всюду свѣтитъ во всемъ тѣлѣ Маремы, разливаясь прямо изъ-подъ черныхъ волнистыхъ волосъ на ея гладкій лобъ, брови, полные нѣги глаза, на шею, на дрожащія плечи и грудь, которая волной заходила подъ легкимъ покровомъ.

Ефросина теперь точно въ первый разъ увидала Марему, и только теперь почувствовала, что эта темнолицая дѣвушка тоже прекрасна, и хотя красота ея совсѣмъ не такова, какъ красота Мелиты, но зато... здѣсь духъ не поведетъ распри съ плотью и кровью... Эта навѣрно не станетъ укорять природу за однообразіе общихъ всѣмъ людямъ желаній!

И вдова Ефросина сама не услѣдила за собою, какъ она увлеклась страстной красою Маремы: она коснулась слегка обѣими руками ея плечъ, и потомъ улыбнулась и, быстро отодвинувъ ее отъ себя, воскликнула:

— Ну, что это, право, какъ ты красива, Марема! Вообрази, что до этой минуты я тебя будто совсѣмъ не видала!

— Вотъ какъ, — отозвалась шутливо Марема. — У насъ въ Финикіи, откуда я родомъ, есть много красавицъ; быть-можетъ, и мать моя тоже была изъ красивыхъ.

— А ты ее не видала?

Марема, молча, отрицательно покачала головою.

— И вовсе не знаешь ее?

— И вовсе не знаю. Иначе бы я не была продана сюда въ рабство.

— Да, да, да! — молвила, точно будто въ себѣ самой, Ефросина. — И знаешь ли, другъ мой, Марема, ты ужъ слишкомъ хороша для рабыни... Мелита, можетъ-быть, и не дѣлала ошибки, что держала тебя, пока она была замужемъ за Алгеемъ. Къ нему она была равнодушна, и ты не могла возбуждать въ ней ревности; но когда мужемъ ея станетъ сынъ мой Пруденцій... Вотъ ужъ тогда я ей не посоветую этого... Ты не безопасна... Подъ одной крышей съ тобой всякой женѣ должно быть тревожно... Ты опьяняешь... отъ тебя чѣмъ-то вѣетъ... Я боюсь—это, быть-можетъ, одуряющій запахъ заколдованнаго корня...

Марема расхохоталась, а Ефросина въ-серьезъ продолжала ворчать:

— Итъ, право... Бѣдный Пруденцій!.. не гляди на него этими жгучими глазами, Марема!.. Я постараюсь тебѣ найти добрую госпожу, которая заплатитъ за тебя Мелитѣ хорошую цѣну и будетъ съ тобой хорошо обращаться.

— А развѣ у той госпожи нѣтъ мужа?

— Есть, но онъ уже очень старъ.

— Это тѣмъ лучше: тѣмъ онъ скорѣе возненавидитъ свою старую жену и станетъ гнаться къ колѣнамъ красивой невольницы... И тогда эта добрая госпожа, къ которой ты хочешь меня устроить, испарываетъ ногтями лицо Маремы, и продастъ меня еще худшей мегерѣ. Такъ-то вотъ трудно устроить со мною. Но ты, о, вдова Ефросина, не безпокойся: знай, что я не невольница больше... Марема свободна. Мелита подарила мнѣ волю.

— Давно ли?

— Сегодня же ночью, когда ей казались такъ скучны всѣ повторенія въ супружеской жизни. Тутъ она захотѣла, чтобы и для меня не повторялись терзанья неволи. Да, я свободна, вдова Ефросина, и считаю земную любовь разнополыхъ людей высочайшей услудою жизни... Я могла бы.. и даже хотѣла бы принести мое тѣло въ жертву при храмѣ Изиды, или могу дать внучатъ матери красиваго и сильнаго юноши, но... ты знаешь.. и во мнѣ есть смущенье...

— Чѣмъ же ты смущена?

— А вотъ тѣмъ самымъ, что происходитъ съ Мелитой...

— Что жъ тебѣ кажется?

Марема двинула своимъ смуглымъ плечомъ и, взявши за обѣ руки вдову Ефросину, пригнулась къ ея лицу и сказала ей тихо и внятно:

— Мнѣ иногда тоже кажется... что Онъ гдѣ-то есть...

— Кто?

— Тотъ, Кто научилъ ее знать что-то такое, чего мы не знаемъ.

— Такъ пусть она это покажетъ.

— Она еще не нашла... а все хочетъ искать, чего мы не ищемъ...

— Кто Онъ, Который даетъ ей эту силу терпѣть все, что посылается въ жизни, и отказываться отъ всего, что привязываетъ къ этой жизни... Зачѣмъ она налагаетъ на себя узы, а меня одаряетъ свободой? О, Ефросина! Что

если Мелита правъй насъ!.. Что если мы не всѣ дѣликомъ здѣсь на землѣ начались и не здѣсь кончимся! Что если взаправду здѣсь только школа или гостиница!.. Какъ тогда стыдно!.. Какъ тогда страшно!.. Я хочу когда-нибудь это проникнуть... хочу это понять... И я все, что мнѣ нужно, пойму... Не вѣрь, вдова Ефросина, что одни только старцы подъ длинными тогами могутъ понять, въ чемъ настоящій смыслъ жизни... Въ то же самое время, когда я слышу своими ушами, какъ шумитъ моя кровь и стучитъ мое сердце, я слышу и что-то другое... что-то такое, что, вѣроятно, еще явственнѣй слышала моя госпожа и что ее сдѣлало...

— Сумасшедшей на время, ты хочешь сказать?

— Да!.. Я впрочемъ не знаю... я не знаю, что хочу я сказать. Мнѣ кажется, и я будто брежу.

Ефросина погладила Марему по плечу и сказала:

— И впрямь обѣ вы очень молоды, и обѣимъ вамъ что-то представляется, чего вовсе нѣтъ... Вы очень долго жили одиѣ, безъ супружескихъ ласкъ... Все это намъ, старухамъ знакомо. Поусердствуйте браку, нарожайте побольше дѣтей да хорошенько вскормите ихъ молокомъ вашей груди — вотъ вамъ и будетъ настоящій смыслъ жизни. А теперь иди, Марема, къ Мелитѣ и скажи ей, что къ ней скоро приду и принесу ей вкусную рыбу. Мы съ ней сегодня же кончимъ о бракѣ... Бѣдный Пруденцій и безъ того ожидалъ ея ласкъ слишкомъ долго и слишкомъ тяжело томится.

Въ это мгновеніе до слуха женщины какъ нарочно достигъ изъ за толстаго занавѣса томительный бредъ Пруденція:

— О, не удаляйся... не удаляйся, Мелита!.. Яви мнѣ милосердіе... стань твоею ногою на этотъ листъ, который растетъ у тропинки... Коснися его твоею ногою, чтобы бѣдный Пруденцій могъ лобызать его послѣ... Сдѣлай, чтобъ я получилъ облегченіе въ моихъ тягостныхъ мукахъ! Я возьму этотъ листъ и покрою его лобзаніями... я оботру имъ мои слезы, которыми плачу о тебѣ днемъ и ночью, скрывая отъ всѣхъ, о чемъ я дѣйствительно плачу, и... затѣмъ... я положу этотъ листъ на мое сердце... чтобъ оно перестало биться... перестало жить... потому что жизнь безъ тебя для меня исполнена мѹки и на свѣтѣ нѣтъ никого, кто бы для меня что-нибудь значилъ... Я ухожу... я... исчезаю, Мелита!

— Каково это слышать матери! — воскликнула вдова Ефросина.

— Даже и не матери это слышать ужасно! — отвѣтила, вся въ волненьи, Марема, и обѣ онѣ разошлись въ разные стороны: Ефросина къ базару, гдѣ продавали рыбу, а Марема—къ дому Мелиты.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Вдова Ефросина явилась къ Мелитѣ, какъ обѣщалась, — скоро и съ вкуснымъ блюдомъ изъ рыбы, и, какъ только пришла, такъ сразу же начала съ ней разговоры, клонящіяся къ тому, чтобы получить отъ Мелиты согласіе на бракъ съ Пруденціемъ. Она хотѣла кончить съ этимъ какъ можно скорѣе и думала, что Мелита не станетъ упорствовать; но Ефросина ошиблась въ своихъ соображеніяхъ.

Напрасно вдова Ефросина подводила, что теперь у нихъ въ двухъ домахъ, связанныхъ старинною дружбою, остался только одинъ мужчина, молодой и невинный Пруденцій, — что онѣ обѣ, т.-е. Ефросина и Мелита, должны его побережечь, такъ какъ онъ нуженъ имъ обѣимъ. И что самое лучшее имъ всѣмъ соединиться и жить однимъ общимъ хозяйствомъ. Пусть Пруденцій возьметъ себѣ кормицка въ долю и уходить въ море и снова возвращается, а онѣ будутъ его ждаты и сдѣлаютъ для него возвращенье домой радостнымъ и счастливымъ.

— А недостатковъ бояться не надо, — продолжала говорить Ефросина: — Пруденцій уже знаетъ всѣ мѣста, гдѣ что покупали и что продавали Гифасъ и Алкей, и поведетъ дѣло, какъ оно шло. Я ужъ стара и мнѣ не нужны ни заплата, ни кольца, ни цѣпи, — я всѣ ихъ отдамъ тебѣ съ радостью, чтобы ты ихъ прибрала вмѣстѣ съ твоими и надѣвала, когда что захочешь. А кромѣ того... Кромѣ того (Ефросина понизила голосъ), правда или нѣтъ, но была молва въ людяхъ, будто бѣ Гифасъ и Алкей въ самомъ дѣлѣ иногда разбивали чужія ладьи и овладѣвали насильно чужимъ имуществомъ. И что они отнимали, то все отвозили на маленькій островокъ, а островокъ этотъ гдѣ-то затертъ среди скаль и никому, кромѣ нихъ, неизвѣстенъ. До островка этого, говорятъ, очень трудно добраться среди острыхъ камней и бурныхъ протоковъ; но самъ по себѣ островъ будто пригоденъ для жизни — покрытъ зеленью, имѣетъ

источникъ сладкой воды, бѣгущей сверху изъ камня, и въ серединѣ одна надъ другой двѣ пещеры,—одна съ такимъ входомъ, что вровень съ землею, а въ другую влѣзть очень трудно... Въ верхней пещерѣ у нихъ издавна устроено уютное жилище, въ которомъ Алкей и Гифасъ жили и скрывались, высматривая въ морѣ добычу. Отсюда они выплывали, нападали и грабили и потомъ вдругъ исчезали съ награбленнымъ. Пещеры эти не рытыя, а онѣ сами образовались, и та изъ нихъ, которая была въ самомъ верху на обрывѣ высокой скалы, была такъ тщательно скрыта, что ее ни за что не откопаетъ ничей посторонній глазъ, а пробраться въ нее можно только приставивши жердь, скрытую въ потаеннѣйшемъ мѣстѣ на днѣ темнаго ущелья. Стоить же только принять и убрать эту жердь, и эта верхняя пещера дѣлается недоступною. Но зато она не велика въ сравненіи съ нижней, въ которой, за много лѣтъ совмѣстныхъ трудовъ Алкея съ Гифасомъ, собрано много добра,—много запасовъ пшена, и фруктовъ сушеныхъ, и рыбы сушеной, и боченковъ съ разными винами и оливковымъ и орѣховымъ масломъ; но, кромѣ того, есть и тюки, и цѣлыя скрины съ одеждой и утварью, есть и кожи, и пурпуръ, и все, о чемъ только можно подумать.

— Да; и все это чужое... и на всемъ этомъ слезы и кровь тѣхъ, у кого это отняли,—перемела Мелита.

— Ну, да; разумеется, тѣ, у кого это было отнято—они, можетъ-быть... и плакали... да вѣдь ужъ это все было давно...

— А все-таки было.

— Ну было, конечно.

— А ихъ не жалѣли и грабили... да и жизни лишили ихъ...

— Можетъ-быть.

— Нѣтъ,—«не быть можетъ», а это навѣрное такъ было! А ихъ матери, и жены, и дѣти, конечно, ихъ ждали... толпились, рыдали и проклинали злодѣйство... нашихъ мужей... Алкея съ Гифасомъ!

— Ну, вотъ ты опять куда все повернула, Мелита!

— Я не знаю, какъ можно сюда не сворачивать... Не виновата я, что мой духъ все туда глядитъ, куда вы не хотите смотреть. Я смотрю, что со смерти Гифаса прошло ужъ три года, и въ это время Алкей ходилъ въ море съ твоимъ сыномъ... Бѣдный Пруденцій! Бѣдный, невинный

Пруденцій... Онъ молчитъ, онъ скрываетъ, но, конечно, и онъ все это же самое дѣлалъ, что дѣлалъ Алкей,—онъ помогалъ настигать людей въ морѣ, отнимать у нихъ вино, фрукты, хлѣбъ и другіе товары, а самихъ людей топить въ волнахъ... и бить ихъ весломъ, если они выплываютъ...

— Ахъ, Мелита,—вѣдь и все такъ и въ жизни, какъ въ морѣ,—одинъ бьетъ и топить другого!

— Это правда! И вотъ это у васъ называется «жить»!.. Вѣчно слѣдить другъ за другомъ, гнаться, отнимать и присвоивать все, что только можно перебить изъ рукъ другъ у друга, и все это прятать въ недоступныхъ мѣстахъ... Для кого?.. для чего?.. Нѣтъ, я не спору, что такова вся наша жизнь—на водѣ и на сушѣ,—но я не годна къ ней, я ея не хочу... Я не стану бороться за большую долю чего бы то ни было въ жизни. И теперь я могу все это сдѣлать, потому что кончина Алкея меня разрѣшила отъ всѣхъ обѣщаній.

Тогда вдова Ефросина обняла ее и прямо сказала ей, что она пришла къ ней для того, чтобы просить ее согласиться на новый бракъ съ страстно влюбленнымъ въ нее Пруденціемъ; но Мелита воскликнула:

— Какъ! опять бракъ!.. Опять снова обѣты и снова заботы объ ихъ исполненіи? О, никогда и ни за что на свѣтѣ!

— Но чѣмъ же противенъ тебѣ сынъ мой Пруденцій?

— Твой сынъ мнѣ ничѣмъ не противенъ, но мнѣ противны обязательства новаго брака.

— Почему же?

— Я не считаю за лучшее въ жизни думать всегда объ угоденіяхъ мужу.

— Что же можетъ быть лучше этого?

— Что лучше этого?.. Жить для общаго блага, а особенно тѣхъ, кому трудно живется на свѣтѣ. Въ этомъ есть воля Отца нашего Бога.

— Боги желаютъ, чтобы люди жили и размножались.

Мелита молчала.

— Въ самомъ дѣлѣ, что превзойдетъ воспитаніе честныхъ гражданъ въ своихъ дѣтияхъ?

— Помощь всѣмъ дѣтямъ чужимъ вырастать при меньшихъ страданіяхъ.

— Ты говоришь непонятныя и неприятныя мысли, Мелита!

— Я говорю простыя самыя мысли.

— Ты хочешь остаться одна?

— Зачѣмъ же? Я буду при тѣхъ, кому могу сдѣлать услугу или пользу.

— Такъ вотъ и начни: сдѣлай услугу; проникнись сожалѣньемъ къ тоскѣ и страданіямъ страстно влюбленнаго въ тебя моего сына! Тронься стенаніями невиннаго Пруденція, который такъ много терпитъ, потому что весь женскій родъ для него воплощается въ одной только Мелитѣ...

— Ахъ, оставь это, вдова Ефросина! Кто жаждетъ того, чего жаждетъ сынъ твой, тотъ не изсохнетъ отъ жажды.

— Да,—продолжала вдова:—вотъ какъ Мелита жестока! Мелита не внемлетъ ему и даже не чувствуетъ никакого состраданья къ слезамъ, которыя текутъ по сморщеннымъ щекамъ ся тетки и матери Пруденція, бѣдной вдовы Ефросины.

Мелита взглянула на Ефросину и увидала, что въ самомъ дѣлѣ все лицо ея мокро и по щекамъ быстро бѣгутъ потоками слезы.

— Это жестоко со стороны васъ обоихъ,—сказала Мелита.

Но Ефросина закачала головою и сказала:

— И это ты же говоришь о жестокости!

— Да; это я говорю о вашей жестокости и не укорю васъ, но только хочу, чтобы вы меня поняли. Вотъ теперь я скажу, въ чемъ вы жестоки: я вѣрю, что людямъ дано средство жить вѣки вѣковъ, и что отъ человѣка зависитъ войти въ эту вѣчную жизнь, или угаснуть въ предѣлахъ короткаго часа, пока наша свѣча горитъ здѣсь на землѣ. Вотъ такъ мнѣ дано, что духъ мой проснулся отъ природнаго сна, и, проснувшись, онъ слышитъ голосъ, который его громко зоветъ и велитъ ему бросать долой съ себя всякія нуты... Мой духъ хочетъ бѣжать туда, откуда слышенъ ему зовъ, а вы опять хотите мнѣ спутать ноги страстными привязанностями и навязывать мнѣ обѣты, которыхъ я давать не могу, потому что... я не могу никому обѣщаться...

— Неужели же ты чувствуешь себя такою непостоянною?

— Да что ты пристаешь ко мнѣ съ постоянствомъ! Въ чемъ надо застыть... въ какомъ постоянствѣ? Я сегодня такая какъ есть, а быть-можетъ завтра же духъ мой увидитъ еще что-нибудь шире, и, когда подрастутъ его крылья,

онъ устремится куда-нибудь выше и дальше... въ вѣчность!..

— Чего же и лучше!—перебила ее Ефросина:—вотъ и пожертвуй собою—соверши счастье Пруденція, который такъ страстно влюбленъ въ тебя и такъ ужасно страдаетъ, что теряетъ различіе между тѣмъ, что видитъ въ явѣ и что ему грезится въ мучительныхъ снахъ. Вѣдный ребенокъ! воображеніе его съ тобою не разстается ни на минуту, а уста его постоянно шепчуть имя Мелиты. Вѣдный Пруденцій! стгоя огнемъ юныхъ желаній, уста его лобзуютъ воздухъ, въ которомъ онъ чувствуетъ тебя сквозь стѣны и скалы... О, сжался! сжался надъ нимъ! Сжался надъ обоими нами, Мелита!

Такъ окончила свой разговоръ страстной просьбой вдова Ефросина и, обливаясь слезами, съ простертыми руками, бросилась на землю передъ ногами Мелиты.

Положеніе Мелиты было очень тягостно, но она, однако, не склонилась къ просьбамъ вдовы Ефросины, и хотя старалась показать ей свое сожалѣніе и участіе, но не подавала никакихъ надеждъ къ согласію на бракъ.

— Какъ!—воскликнула тогда Ефросина.—Неужто ты желаешь быть непреклонна даже въ томъ случаѣ, если Пруденцій умретъ или утратитъ разумокъ?

— Для чего говорить о томъ, чего еще не случилось?—отвѣчала съ подавляемымъ въ себѣ нетерпѣніемъ Мелита.

— Развѣ ты считаешь за невозможное, чтобы человѣкъ утратилъ разумокъ отъ мученій любви?.. Вѣдь это бываетъ.

— О, бываетъ конечно!—отвѣчала Мелита:—но бываетъ потому, что люди сами отдаютъ себя въ жертву своимъ грубымъ желаніямъ и не хотятъ имъ противиться.

— А ты думаешь, что этимъ желаніямъ можно противиться?

— О, еще бы!.. Конечно...

Но въ это самое время до слуха обѣихъ женщинъ достигли громкіе крики Маремы, которая бѣжала къ дому и кричала издали:

— Госпожа Ефросина! Госпожа Ефросина! слѣши скорѣй къ дому... у тебя случилось большое несчастіе! Пруденцій сталъ умываться и вдругъ ударился объ полъ, и теперь катается съ пѣной у рта и рыкаетъ, какъ львенокъ... Мы его впятеромъ наизу держали, а горшечникъ Агавъ

обложить ему голову мокрою глиной; но сгѣши, госпожа,— это все едва ли поможетъ... Бѣдный Пруденцій! бѣдный Пруденцій! онъ едва ли вернется къ жизни.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Услышавъ о такомъ жесточайшемъ страданіи сына, вдова Ефросина только молча бросила взглядъ, полный укора, Мелитѣ и, позабывъ свои годы, побѣжала домой, гдѣ терзался Пруденцій; а Марема, межъ тѣмъ, рассказала Мелитѣ подробности, какъ все это случилось. Она повторила ей все то, что уже знаемъ, и потомъ прибавила тихо:

— Напрасно скрывать, что онъ все это терпитъ отъ томленья жестокаго чувства, которымъ весь къ тебѣ полонъ. Ты, какъ природа, властвуешь надъ всѣмъ его существомъ... Шестъ человѣкъ насъ съ Агавомъ, который подошелъ къ намъ, были не въ состояніи сладить съ демономъ, который напрягъ мѣшцы юности и всгѣнилъ въ немъ кровь до того, что всѣ уста его облилися розовой пѣной; но едва я закрыла его помутившіеся глаза твоимъ покрываломъ, которое несла на плечахъ, чтобы вымыть его у источника, Пруденцій вдругъ стихъ и зашепталъ:

«Мелита!.. близко Мелита!.. боги!.. пусть я умру прежде, чѣмъ она удалится!..»

— И прости меня, госпожа,— заключила Марема:— онъ такъ страдалъ, что я не могла взять у него твое покрывало... Пусть ему будетъ немножечко легче... Онъ обмоталъ въ него свои руки и прижалъ его къ сердцу, и мало-помалу въ немъ судороги стихли... онъ, можетъ-быть, даже... успеть пли...

— Что?

— Перейдетъ безъ новыхъ страданій въ царство тѣней. Мелита поднялась съ мѣста и сказала:

— Пойдемъ туда вмѣстѣ!

— Какъ!.. ты хочешь идти туда... въ домъ Ефросины, гдѣ лежитъ несчастный Пруденцій, съ головою, горящей въ огнѣ и обложенной мокрою глиной?

— Ну, да, конечно!

— Зачѣмъ же пойдешь ты туда?

— Зачѣмъ?.. Тамъ страдаетъ человѣкъ, и я хочу идти туда?

— Конечно, не съ тѣмъ, чтобы усилить его страданіе?..

Ты не отнимешь у него свое покрывало? Ты не гнѣвася на меня, что я тамъ оставила эту тканьъ?

Мелита отвѣчала, что она нимало не сердится на Марему, а напротивъ, даже рада, что та оставила покрывало, сдѣлавшее какое-то удовольствіе капризу больного Пруденція, и добавила, что ей все равно, что объ ней стануть говорить или думать въ селеніи,—что все это не стоить одной минуты человѣческаго страданія, если ему есть средство помочь.

— О, госпожа моя! — радостно вскричала Марема. — Идемъ же скорѣе, скорѣе спѣшимъ въ этотъ домъ плача! Ты властна въ цѣлой природѣ милого юноши и одного звука твоего голоса, одного твоего приближенія будетъ довольно, чтобы воззвать Пруденція къ жизни, если только мы успѣемъ вбѣжать подъ кровь Ефросины ранѣе, чѣмъ совсѣмъ остановится движеніе сердца въ груди ея сына.

— Поспѣшимъ!

— Поспѣшимъ! поспѣшимъ!

И онѣ обѣ схватились за руки и обѣ ровпо и шибко побѣжали, — одна ясная, какъ день, — другая темная, какъ южная ночь... Ихъ волосы вѣялись въ воздухъ и за ними тихо разстилалось дыханіе жизни.

— О, ты спасешь его!.. ты спасешь! — шептала, сжимая на бѣгу руку Мелиты, Марема...

— Можетъ-быть... — отвѣчала ей съ тихимъ пожатіемъ Мелита.

И что же случилось?

Прежде чѣмъ быстрыя ноги Мелиты и Маремы достигли жилища вдовы Ефросины, — ужасный припадокъ оставилъ Пруденція: онъ спокойно вздохнулъ, сѣлъ среди пола, на которомъ лежалъ, улыбнулся счастливой улыбкой, и, протянувъ впередъ руки, воскликнулъ:

— Боги! хвала вамъ во вѣки... Сердце Мелиты исполнилось жалости... Мелита встала... Мелита спѣшитъ, чтобы капнуть росинкой участія на мое сторѣвшее сердце... Вотъ она, вотъ! Откройте скорѣе завѣсу!

И какъ голосъ Пруденція звучалъ увѣренностью и силой, то желанье его тотчасъ же исполнили, а когда завѣса была распахнута, тогда всѣ увидали передъ нею раскрасѣвшуюся отъ быстрой ходьбы прекрасную Мелиту, а за нею не менѣе красивую въ своемъ родѣ Марему.

— Въмѣсто одной облегчительницы — къ тебѣ сгнѣзгать двѣ, — прошептали стороннія женщины, стоявшія возлѣ Пруденціи.

Онъ же теперь похожъ былъ больше всего на ребенка, у котораго только-что унялись жестокія муки, отъ воспоминанія о которыхъ ему въ одно время и сладко, и больно.

Пруденцій сидѣлъ и смотрѣлъ въ лица пришедшихъ, и повторять, какъ дитя, улыбаясь:

— Вотъ и она... Мелита... Марема!

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Вдова Ефросина была несказанно рада, что Мелита пришла къ ней и сама воочию могла убѣдиться, какъ тяжело страдаетъ Пруденцій и какъ облегченіе его мукъ прямо зависить отъ Мелиты, и Мелита все это видѣла, не спорила съ нею. Доказательства были слишкомъ очевидны, и Мелитѣ сдѣлалось ясно, что ей не оставалось никакой возможности жить въ своемъ домѣ въ одномъ и томъ же селеніи, гдѣ былъ домъ вдовы Ефросины. Здѣсь она будетъ постоянно встрѣчать Пруденціи, и это станетъ усиливать его мучительную страсть, которой она отвѣчать не желаетъ. Каждый человѣкъ въ этомъ селеніи непременно станетъ укорить ее за жестокость и будетъ говорить о ея глугомъ упрямствѣ, такъ какъ заботу о сохраненіи въ себѣ ничѣмъ не шибеннаго духа во всѣ времена люди желали считать за «упрямство». А притомъ до безумія достигшая страсть Пруденціи заставляла бояться, какъ бы онъ въ одинъ изъ подобныхъ порывовъ не посягнулъ на свою жизнь, и тогда горю осиротѣлой вдовы Ефросины не будетъ предѣла, а доброй Мелитѣ не снести вида всѣхъ этихъ бѣдствій, въ которыхъ всѣ непременно станутъ ее считать виноватой. Еще оставалось ей развѣ одно: тайно покинуть домъ и селеніе, и скрыться навѣки... Мелита на это была бы готова, она бы устроилась жить съ единомысленною ей подругою дѣтства, христіанкой Эрминіей; но вѣдь Пруденцій могъ ее всюду преслѣдовать и вездѣ нарушать бы ея покой и продолжать бы губить свою жизнь. Надо было отыскать иной, болѣе удобный для всѣхъ выходъ изъ этого положенія, и Мелита рѣшилась непременно выдумать что-нибудь болѣе удовлетворительное и, обдумавъ, привести свое рѣшеніе въ дѣйствіе, какія бы оно ни представляло трудности.

Въ такомъ настроеніи она предстала предъ влюбленными глазами изступленнаго Пруденція, и когда удостовѣрилась, что онъ успокоился и можетъ ее понимать, она подала ему руку и спокойно сказала:

— Не предавайся отчаянію, добрый Пруденцій. Ты не будешь вѣчно томиться такъ, какъ до сихъ поръ томился. Съ этой поры я не буду тебя избѣгать и стану думать, какъ сдѣлать тебя счастливымъ, а тебя умоляю: имѣй ко мнѣ вѣру и немножко терпѣнья. Я тоже сильно взволнована, и духъ мой нуждается въ отдыхѣ и покоѣ. Дай мнѣ побыть въ тишинѣ съ самою собою только три дня, а на четвертый день приходи передъ вечеромъ на берегъ моря, гдѣ стоитъ наша лодка, и тамъ я скажу тебѣ, какое придетъ мнѣ рѣшеніе, и оно будетъ твердо настолько, что ты можешь на него положиться. Пока же, на три дня, яви мнѣ пріязнь—будь покоенъ.

— О, не три дня, а три года я готовъ ждать твоего слова,—отвѣтилъ, оживившись, Пруденцій.—Лишь бы ты меня не отвергла... лишь бы мнѣ было чего ожидать.

— Ну, три года—слишкомъ долгое время. Черезъ три года ты самъ меня можешь отвергнуть, такъ какъ я тебя старше... Итъ, ты три дня подожди, и это будетъ довольно.

— Я отвергну тебя! О, боги! о, разразите меня, справедливые боги, если это возможно, чтобы въ сердцѣ моемъ кто-нибудь замѣнилъ образъ Мелиты!..

— Не клянися, Пруденцій, ничѣмъ, и не зови во свидѣтели боговъ, о природѣ которыхъ тебѣ ничего не извѣстно. Пусть лучше время само покажетъ намъ, каковы мы и чего мы достойны.

— Согласенъ, согласенъ,—воскликнулъ Пруденцій.—Цѣлая вѣчность докажетъ тебѣ, что ты для меня всего дороже на свѣтѣ, и что нѣтъ ничего, что я предпочелъ бы тебѣ на минуту.

— Ну, жди же!

И она дружески простилась съ нимъ и съ матерью, вдовой Ефросиной, и ушла къ себѣ въ домъ свой съ Маремой, оставивъ вдову и Пруденція успокоенными и готовыми ожидать черезъ три дня ея рѣшенія.

Рѣшенія этого стали ждать съ любопытствомъ и всѣ прочіе люди въ селенѣ, потому что всѣмъ было любопытно:

не хитритъ ли Мелита, притворяясь, будто она не желаетъ взять себѣ мужемъ несравненной красоты юношу, который страстно влюбленъ въ нее и моложе ея на три года.

— Что-то измыслить Мелита? Каковъ ея умъ и въ чемъ ея хитрость?

Три дня пролетѣли для всѣхъ въ любопытномъ ожиданіи: въ эти три дня Мелита была безвыходно дома, а Пруденцій поправился отъ своихъ жестокихъ припадковъ и на четвертый день передъ вечеромъ вышелъ на берегъ моря и увидалъ, что здѣсь его ожидаютъ Мелита съ Маремой.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Когда они свидѣлись, Мелита сказала Пруденцію:

— Все идетъ хорошо: мы теперь быстро приблизимся къ цѣли осуществленія нашихъ желаній.

— Я не помню себя отъ счастья, что желанія наши согласны! — воскликнулъ весь озарившійся счастьемъ Пруденцій.

— Я сказала не такъ, — отвѣчала Мелита: — но все равно: то, что ты считаешь за высшее счастье, все будетъ зависетьъ отъ тебя самого...

— Значитъ, это все равно, что достигнуто.

— Итъ еще, — раньше, чѣмъ ты будешь моимъ мужемъ, ты долженъ исполнить три мои просьбы.

— Я готовъ исполнить ихъ безконечное множество.

— Итъ, всего только три. Прежде всего я не хочу быть здѣсь предметомъ вниманья для всѣхъ, ни теперь, когда ты станешь выполнять мои просьбы, ни послѣ, когда можетъ случиться, что я должна буду выполнить твою волю и заплатить мой долгъ за твое послушаніе моими услугами и женскою лаской.

— О, говори только скорѣе, что нужно! Если ты хочешь скрыться отсюда... если желаешь уйти отъ всѣхъ глазъ...

— Да, почти что отъ всѣхъ... Пусть съ нами будетъ только Марема, но чтобъ не было даже вдовы Ефросины... Ея безпокойная нѣжность можетъ исполнить все, что должно совершиться въ тишинѣ уединенія и покоя.

— Хорошо! Я обещаю тебѣ это за мать: она такъ меня любитъ, что на все согласится. А что касается до самой возможности скрыться отъ всѣхъ въ никому неизвѣстное и недоступное мѣсто, то я владѣю для этого такою возмож-

ностью, лучше которой нельзя услышать въ самой затѣяливой сказкѣ.

И влюбленный Пруденцій самъ, безъ разспросовъ Мелиты, разсказалъ ей о цвѣтущемъ ущельѣ въ скалѣ, сокрытой среди другихъ неприступныхъ скалъ, гдѣ у нихъ есть двѣ пещеры, богатые складами запасовъ для жизни, ручей сладкой воды, стадо козъ и хохлатая куры.

— Туда никто не можетъ придти, — добавилъ Пруденцій:— кромѣ двухъ тѣхъ, которые оставили насъ и живутъ нынче въ темномъ царствѣ тѣней; одинъ только я знаю небезопасный и узкій проливъ, которымъ можно пробраться къ этой скалѣ и отыскать въ ней наше ущелье. Если ты хочешь самага неприкосновеннаго уединенія...

— Съ тобой и Маремой! — перебила Мелита, тихо кладя свою руку въ руку Пруденція.

— О, ты меня исполняешь восторгомъ! Итакъ, если ты довѣряешься мнѣ и не боишься проилыть на ладѣ узкимъ и бурнымъ протокомъ, въ которомъ я знаю каждый камень, то стѣнь тебѣ сказать, когда ты желаешь отплыть, и—все будетъ готово.

— Прекрасно. — пусть это будетъ готово завтра, какъ сядетъ солнце. Но прежде ты возвратись сегодня домой и разскажи своей матери, на чтѣ мы рѣшились. Я хочу знать, что она на все это согласна, и хочу поручить ей свой домъ и хозяйство, такъ какъ Марема уѣдетъ со мной въ ваше ущелье и домъ мой останется пустъ. Потомъ позови завтра утромъ глиномята Агава и самъ приходи съ нимъ, и перенесите изъ дома въ ладью мою кровать и постель, и скрини съ уборами, и прочую утварь, и съѣстные запасы, которые здѣсь будутъ не нужны, а тамъ пригодятся... Я все хочу взять и увезть, чтобы это все пошло тамъ на пользу, такъ какъ мы, можетъ-быть, проживемъ тамъ очень долгое время...

Пруденцій слушалъ все это въ величайшемъ восторгѣ и съ совершеннымъ вниманьемъ, а при послѣднихъ словахъ приказалъ страстно къ груди руки Мелиты и прошепталъ однимъ придыханьемъ:

— О, я увѣренъ, что никто никогда не умѣлъ пролить однимъ словомъ столько восторговъ, сколько ты проливаешь ихъ въ мое сердце!

Она посмотрѣла на него благостнымъ взглядомъ, какъ мать на ребенка, и тихо ему улыбнулась и отвѣчала:

— О, мой невинный Пруденій! Не хвали меня много, мнѣ трудно слушать твои похвалы. Будемъ болѣе дѣлать... станемъ спѣшить... не будемъ терять ни минуты. Я сейчасъ возвращусь съ Маремой домой и стану спѣшить, чтобы уложить всѣ мои вещи, а ты иди къ матери, расскажи ей, что мы рѣшились уѣхать отсюда и тамъ вдаль отъ людей совершить то, что должно совершиться. Скажи отъ меня вдовѣ Ефросинѣ, что духъ мой полонъ участія къ ней и къ тебѣ и что я ничего такъ еще не желала, какъ желаю того, чтобы увидѣть всѣхъ васъ въ томъ положеніи, къ которому всѣ вы теперь наиболѣе сродны.

Сказавъ это, Мелита встала и пошла къ селенію, держа одною рукою за руку Пруденція, а другою Марему, и такъ они дошли до того мѣста, гдѣ тропы къ домамъ ихъ раздѣлялись.

Здѣсь Мелита опустила руку Пруденція; еще разъ сказала ему, какъ онъ долженъ говорить съ своей матерью, и сама удалилась къ себѣ вмѣстѣ съ Маремой, и дѣйствительно, обѣ женщины вмѣстѣ всю ночь провели въ томъ, что уложили въ мѣшки и въ укладки все, что было цѣннаго въ домѣ Алкея. Всѣ запасы были тоже упакованы въ корзины, а изъ прохладныхъ ямъ достали мѣха съ виномъ и сыры, и все это также приготовили къ отправкѣ. Къ разсвѣту все было готово, и на стѣнѣ большого покоя остался висѣть на острой рыбьей кости одинъ только широкій поясъ Алкея, убранный золотою чеканкою и драгоценными камнями, да простая тростниковая дудка, въ которую Мелита всунула свернутый туго въ трубку папирусъ, на которомъ предъ самымъ разсвѣтомъ успѣла начертать нѣсколько строкъ.

Въ этихъ строкахъ было сказано: «Я получила свободу и не хочу потерять ее снова, но меня посѣтило испытанье, котораго я не могу избѣжать. Я надѣюсь, однако, что духъ мой сохранить свою силу и что любовную страсть, которая зажглася въ другомъ противъ моего желанія, мнѣ удастся смирить въ немъ съ помощью той же грубой природы, которой онъ подчиняетъ свой духъ. Если я надъ всѣмъ этимъ восторжествую, я отыщу путь къ тебѣ и приду къ тебѣ, чтобы окончить свой срокъ на землѣ вмѣстѣ съ тобою, позабывъ о себѣ и служа вмѣстѣ съ тобою другимъ, по велѣнію Того, Чье священное слово зажгло въ насъ свѣтъ разумныя и вѣру въ вѣчную жизнь нашего духа».

Когда же Мелита вложила напирусъ въ полый тростникъ, она залѣпила концы его воскомъ и повѣсила дудку на стѣну у драгоценнаго пояса, и тотчасъ же, обернувшись, увидала, что у дверей, съ перстами на устахъ, стояла Марема.

— Ты за мною слѣдишь и подсматриваешь, — съ тихой улыбкой сказала Мелита.

— Нѣтъ, — отвѣчала Марема: — я не слѣжу за тобою и не стану никому тебя выдавать, но я по всему замѣчаю, что ты задумала какую-то хитрость, которая поведетъ дѣло совсѣмъ не къ тому, чтѣ ты обещаешь Пруденцію.

— А расскажи-ка мнѣ, если ты знаешь, — чтѣ я ему обѣщала?

— Ты обѣщала, что нынѣшней ночью ты, онъ и я уѣдемъ отсюда на дикую скалу въ неизвѣстномъ ущельѣ, въ которой сокроемся надолго...

— Это все такъ и будетъ: вечернія звѣзды увидятъ насъ на ладѣ нашей въ морѣ.

— Тогда я смущена еще больше... тогда въ умѣ у тебя есть что-то такое, чего я ужъ вовсе не въ силахъ понять, если ты мнѣ не скажешь.

— Ахъ, другъ мой Марема, — ты отгадала! До времени я тебѣ не скажу ничего и беру съ тебя слово, что ты не станешь ни о чемъ меня болѣе спрашивать. Это будетъ мнѣ отъ тебя самою лучшей расплатой. Не любопытствуй, Марема, ни о чемъ: все, чтѣ должно случиться, — изъ всѣхъ постороннихъ одна ты только увидишь, но не здѣсь, не теперь и не сразу. Я ничего никому злого не мыслю, и Пруденціи приметъ на долю свою то, чтѣ самъ для себя предпочтеть. Я отдаюсь въ его волю... Но ты отгадала, — онъ долженъ будетъ мнѣ доказать, что въ самомъ дѣлѣ влеченье, которое онъ ко мнѣ чувствуетъ, сильнѣе всего и никакимъ болѣе грубымъ влечениемъ замѣнено быть не можетъ. Въ этомъ онъ долженъ меня убѣдить такъ, чтобы во мнѣ не было мѣста никакому сомнѣнью, и ты, добрый другъ мой Марема, должна мнѣ въ этомъ помочь, потому что это для меня имѣетъ слишкомъ большое значеніе. Не откажи мнѣ, Марема!

— О, — отвѣчала съ чувствомъ Марема: — можешь ли ты во мнѣ сомнѣваться, Мелита! Я такъ хорошо знаю твоей разумъ и доброе сердце, что мнѣ не нужно бороться съ со-

бою, чтобы дать тебѣ самыя страшныя клятвы послужить тебѣ всеѣмъ, чѣмъ ты захочешь. Я знаю, что ты никому не сдѣлаешь зла, какъ не дѣлала его мнѣ во все время, пока я была твоею рабыней. Что бы ты ни сказала — Марема сдѣлаетъ все, не поддаваясь никакимъ своимъ собственнымъ чувствамъ... Клянусь...

— Довольно! — перебила Мелита: — не клянися ничѣмъ: клясться нельзя, потому что все мы во власти всемогущаго Бога. Я тебѣ вѣрю безъ клятвъ и не скрываюсь больше, что въ умѣ моемъ есть замысль, о которомъ до времени не хочу сказать никому и исполнить который могу только при твоей помощи.

— Вѣрь же, что помощь моя тебѣ принадлежитъ безза-
вѣтно и...

— И довольно! довольно, Марема! — воскликнула Мелита, и бывшая госпожа и рабыня обняли другъ друга и остались такъ на мгновенье. Такъ ихъ и застала тихо вошедшая къ нимъ вдова Ефросина, за которою сзади входили Пруденцій и горшечникъ Агавъ съ длинными жердями, изъ которыхъ должно было носить носилки для переноса имущества Мелиты въ ладью.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Вслѣдъ за этимъ сейчасъ же сдѣлали носилки и начали переносить вещи въ ладью. Дѣло это справляли Пруденцій съ Агавомъ-горшечникомъ, а имъ помогала Марема, которая для этого часто отлучалась къ лодкѣ. Въ домѣ же оставались вдвоемъ вдова Ефросина съ Мелитой, изъ которыхъ послѣдняя приготовляла у очага обѣдъ для работающихъ при нагрузкѣ ладьи, а мать Пруденція ей помогала и въ промежуткахъ между занятіями говорила съ ней о томъ, какъ она понимаетъ затѣянное Мелитою дѣло.

Вдовѣ Ефросинѣ казалось, что Мелита увѣзжаетъ съ ея сыномъ потому, что Пруденцій ей милъ, но она очень стыдлива и ужъ слишкомъ высоко подняла свою цѣломудренную славу; теперь ей не хочется здѣсь передъ всѣми показать свою склонность, но тамъ она, ни кѣмъ не стѣсняемая, отдастся любви на свободѣ и со всеѣмъ пыломъ долго сдержанной страсти. И будучи въ этомъ убѣждена, вдова Ефросина смотрѣла на сборы совершенно спокойно. Мелита же ей не говорила ничего положительнаго, но не разъ просила

ее сохранять это спокойствіе постоянно, даже тогда, если отъ нихъ очень долго не будетъ извѣстій.

— Пусть ихъ не будетъ хоть годъ! — отвѣчала вдова Ефросина: — я такъ истерзалась, видя долго мученія сына, что готова снести на себѣ всѣ томленія долгой безвѣстности, лишь бы могла быть увѣрена, что такихъ безнадежныхъ терзаній, какія онъ снесъ, впередъ онъ сносить ужь не будетъ.

— На этотъ счетъ будь вполне увѣрена: такими терзаніями, какими томился Пруденцій, онъ больше томиться не будетъ, — отвѣтила Мелита.

— Въ одномъ только этомъ я и хочу быть увѣрена.

— Такъ это и будетъ; но ты сказала, что готова пробыть безъ вѣстей цѣлый годъ.

— Я это сказала... И что же, ежели тебѣ это нужно...

— Да, это именно можетъ быть нужно...

Вдова Ефросина погрозила пальцемъ Мелитѣ и сказала съ улыбкою:

— Знаю...

— Что же ты знаешь?

— Черезъ годъ... я, быть-можетъ, увижу прелестнаго внука!. Что же, это прекрасно... Тогда и конецъ всѣмъ людскимъ разговорамъ о твоёмъ прежнемъ мужѣ Алкеѣ... Я тебя понимаю: такія, какъ ты, всегда любятъ сильно, но скромно. Боги вамъ въ помощь, сожгите одни тамъ цвѣты Гименею на камнѣ, и пусть свидѣльницею вашихъ брачныхъ обѣтовъ будетъ Марема... А потомъ, годъ пройдетъ, я обниму васъ и внука, и тогда попечемся мы и о Маремѣ... Добрая дѣвушка, она стоитъ добраго мужа.

— И навѣрно найдеть его, — подсказала Мелита.

— Я тоже думаю. Мы на нее до сихъ поръ всѣ какъ-то глядѣли совсѣмъ безъ вниманья, а вчера, когда я съ ней говорила, мнѣ вдругъ показалось, что Марема вѣдь очень красива.

— Еще бы, еще бы она не красива! И умна, и добра, и красива, и имѣетъ горячее сердце... И притомъ, что за силы и какое здоровье!.. О, она стоитъ превосходнаго мужа, и то, что ты получила о ней хорошее мнѣніе, приноситъ мнѣ огромное счастье. Я рада, что отиравиюсь отсюда въ полномъ согласьѣ съ тобою.

И въ такихъ-то согласныхъ бесѣдахъ у нихъ прошелъ

цѣлый день; всѣ были веселы, съѣли вмѣстѣ вкусный обѣдъ, и передъ вечеромъ Пруденцій и Марема понесли изъ дома къ ладѣ послѣднюю ношу, а Мелита осталась съ глиномятомъ Агавомъ, чтобы закрыть входы, и тутъ-то Мелита сняла со стѣны широкой поясъ Алкея, усыпанный камнями, и тростниковую дудку, и, показавъ поясъ Агаву, сказала:

— Способенъ ли ты оцѣнить, чего можетъ стоить эта вещь, если ее отнести въ большой городъ и продать тамъ, гдѣ есть богатые люди?

Агавъ отвѣчалъ:

— Оцѣнить такую драгоценную вещь я не могу, но знаю, что если бы я триста лѣтъ кряду мязъ глину и надѣлалъ горшковъ цѣлую гору, то все это не составило бы и половины цѣны каждаго изъ этихъ свѣтящихся камней.

— Такъ вотъ же, тебѣ вовсе не надо триста лѣтъ мять твою глину и надѣлывать гору горшковъ: исполни одно порученье, которое я хочу тебѣ дать, и этотъ поясъ пусть будетъ твоею наградою. А что въ словахъ моихъ нѣтъ ни обмана, ни шутки, такъ бери эту вещь сію же минуту и спрячь ее у себя подъ одеждою. А кстати пихни вмѣстѣ съ нею туда эту дудку, и когда мы уѣдемъ, ты брось свою глину,—горшковъ вѣдь у всѣхъ здѣсь довольно въ селеньѣ.

— О, слишкомъ довольно! — отвѣчалъ, засмѣявшись, Агавъ: — я ужъ не знаю, кому продавать и то, что имѣю въ запасѣ.

— Такъ и оставь ихъ. Пускай жена твоя продаетъ дома горшки тѣмъ, у кого свои перебыютъ, а ты пойди къ Клазомену, и тамъ въ этомъ городѣ отыщи подругу моихъ дѣтскихъ лѣтъ, имя которой Эрминія, и отдай ей эту дудку.

— Хорошо; а потому что я еще долженъ сдѣлать?

— Только всего.

— Отыскать госпожу Эрминію и отдать ей эту дудку, и только всего?

— И только всего.

— Что же, она должна заиграть на этой дудкѣ?

Мелита улыбнулась на шутку Агава и отвѣчала такъ же шутливо:

— Дудка сама заиграетъ, что нужно. Впрочемъ, можешь сказать Эрминіи, что ты меня видѣлъ, и при какихъ обстоятельствахъ, какъ мы разстались. И за это возьми себѣ поясъ и продай его, гдѣ тебѣ это удастся, а потомъ

возвращайся домой и доживай свои старые годы, не терзаясь нуждою.

— Что же, въ самомъ дѣлѣ, я это сдѣлаю! Клянусь богами, я сдѣлаю это!—воскликнулъ горшечникъ.—Я отыщу госпожу Эрминю и расскажу ей, какъ было все дѣло. Пусть-ка она тогда заиграетъ объ этомъ на дудкѣ.

И съ этимъ горшечникъ Агавъ спряталъ поясъ и дудку, и они оба съ Мелитою вышли изъ опустѣвшаго дома Алкея; а когда они приблизились къ лодкѣ, то уже застали, что Марема сидѣла на веслахъ, обнаживъ до плечей свои крѣпкія руки, а Пруденцій, вырвавшись изъ долгихъ объятій вдовы Ефросины, распускалъ косою длинный парусъ на реѣ.

Мелита тоже скоро простилась съ вдовой Ефросиною и спрыгнула съ берега въ лодку.

Марема шевельнула веслами,—нагруженная ладья слегка зануршалась днищемъ по песку, а потомъ, достигши свободной волны, покачнулась. вѣтеръ надулъ паруса, и между отбѣзжавшими и остающеюся Ефросиною и Агавомъ вдругъ удлинилось разстояніе...

Переговариваться съ лодки на берегъ стало невозможно, но зато до слуха вдовы и Агава теперь доносилось стройное пѣніе: это была пѣснь любви, которой слова и напѣвъ ей тотчасъ узнали и вдова, и горшечникъ... Пѣли стройно два голоса, Пруденцій съ Маремой.

И пѣсня ихъ тоже стихала и замирала въ пространствѣ; но вотъ, обойдя острый мысъ и пологую отмель, ладья переставила парусъ и будто подвинулась ближе, и съ нея опять на мгновеніе донеслись звуки пѣнія, но совершенно иного, котораго ни слова, ни напѣвъ не были знакомы вдовѣ Ефросинѣ. Пѣлъ одинъ ровный и торжественный голосъ.

— Это голосъ Мелиты!—сказала вдова Ефросина.

— Да, и мнѣ кажется тоже,—отвѣчалъ Агавъ.

— Что же это за незнакомая пѣсня?

— Это?.. Мнѣ кажется... Это будто похоже на гимнъ, который я слышала однажды, когда мы бросали со скалы на каменья тѣхъ забавныхъ людей, которые насъ увѣрили, будто тотъ не умретъ, кто стаетъ жить на землѣ такъ, какъ училъ жить ихъ пророкъ галилейскій.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

Всю ночь ярко свѣтила луна и дулъ благопріятный для пловцовъ вѣтеръ. Хорошо знавшій всѣ морскія примѣты, Пруденцій смѣло и ловко правилъ ладьёю, которая, такимъ образомъ, держала прямой путь къ тому таинственному пункту, куда Пруденцій увозилъ Мелиту и Марему для того, чтобы тамъ, по прихоти первой изъ нихъ, исполнить ея испытанія и заслужить себѣ ея любовь.

Отъ селенія, гдѣ жили Алкей и Гифастъ, до скалы, гдѣ имъ пришлось отыскивать скрытый пріютъ для склада своихъ хищеній, при непутномъ вѣтрѣ было полторы сутокъ ходу. Путь во все время держали такой, что не теряли изъ вида береговъ, хотя шли то ближе къ землѣ, то отдаляясь въ море тамъ, гдѣ было много камней и плыть вблизи береговъ было опасно.

Среди второй ночи пловцы достигли пролива, за которымъ, какъ лѣсъ, возвынялись сѣрыя каменистыя скалы, не имѣвшія, повидимому, ни растительности, ни обитателей. Онѣ сначала были меньше и начинались камнями, которые невысоко возвышались надъ водой, но потомъ толпились и возвышались что дальше, то выше, и нѣкоторыя изъ этихъ скалъ казались довольно большими и сложными по очертанію.

Проходъ между ними былъ чрезвычайно опасенъ, и его могъ предпринять только такой человѣкъ, кому путь этотъ хорошо извѣстенъ и кто обладаетъ большою ловкостью и силой.

Пруденцій всѣмъ этимъ обладалъ въ совершенствѣ, и обѣ женщины могли имъ любоваться, какъ онъ, почти обнаженный, стоя на кормѣ, проводилъ ладьёю между рѣзущихъ камней, то подпираясь длиннымъ шестомъ, то вонзая багоръ въ расщелины или хватаясь имъ за уступы. Но наконецъ были два мѣста, гдѣ плыть казалось совсѣмъ невозможно, потому что ни упереться, ни ухватиться было не за что, а странная быстрота крутила ладьёю и уносила ее на острия скалы; но тутъ Пруденцій вдругъ нырнулъ въ воду и черезъ одно мгновеніе снова вынырнулъ наверхъ, держа въ рукахъ скользкій и опутанный водорослями канатъ. Перебирая этотъ канатъ, онъ ловко перетянулъ ладьёю черезъ стремнину, которую никакъ бы нельзя было перейти

ни подъ вѣтромъ, ни на веслахъ. Такъ же точно прошли и вторую стремнину, за которою недалеко была уже и самая цѣль мореходцевъ.

Тутъ въ очень стѣсненной группѣ скалъ была одна такая, которая съ перваго взгляда ничѣмъ не отличалась отъ прочихъ, но на самомъ дѣлѣ она имѣла существенную разницу по странной игрѣ природы, устроившей въ этой скалѣ одну подъ другой три террасы, обращенныя къ полдню, и на средней изъ нихъ — обширную расщелину, за которою на полянѣ, поросшей кустами, были двѣ пещеры, одна внизу, а другая на значительной высотѣ, такъ что въ нее можно было взойти только приставляя длинную суковатую жердь, замѣнявшую лѣстницу, которую, по минованіи надобности, опять отнимали и клали въ купы зеленого діорита, гдѣ она и лежала такъ, что была незамѣтна. Съ той стороны, куда выходила площадка и входы обѣихъ пещеръ, больше не было скалъ и открывалось безбрежное море. У подошвы скалы была маленькая, но очень удобная бухточка, въ формѣ сандаліи. Ладья заходила въ нее легко и помѣщалась въ ней удобно и совсѣмъ незамѣтно.

Пруденцій присталъ въ эту бухту и, высадивъ Мелиту съ Маремой, повелъ ихъ наверхъ, гдѣ были пещеры.

Въ нижней пещерѣ было большое жилье, раздѣленное натуральными столбами скалы на нѣсколько удобныхъ помѣщевъ, изъ которыхъ два были убраны коврами и кожами и представляли во всѣхъ отношеніяхъ здоровое и удобное помѣщеніе.

Эту нижнюю пещеру Пруденцій предоставилъ въ распоряженіе Мелиты и Маремы, а самъ началъ жить въ верхней пещерѣ, которая была потѣснѣе нижней и представляла собственно разбойничій тайникъ, но однако и въ ней былъ здоровый, чистый воздухъ и хорошая постель изъ цыпковъ.

Запасовъ же и разной утвари въ нижней пещерѣ было накоплено столько, что пять человѣкъ смѣло могли продовольствоваться здѣсь цѣлый годъ.

Мелита и Марема благодарили Пруденція за доставленное имъ удобство въ помѣщеніи и, утомившия длиннымъ морскимъ переходомъ, тотчасъ же легли спать и проспали очень долго, а проснувшись, когда солнце уже высоко взошло и играло по сверкающей зыби моря, были въ восхищеніи отъ свѣжести воздуха и обширнаго вида на море. А

межь тѣмъ недалеко въ сторонѣ отъ входа въ ихъ пещеру былъ уже разведенъ огонь, возлѣ него положена коза съ полуснятою кожей и сосудъ со свѣжей водою.

Все это, безъ сомнѣнія, приготовилъ Пруденцій.

Увидѣвъ это, женщины стали смотрѣть: гдѣ же находится теперь самъ Пруденцій, котораго онѣ желали поблагодарить за его заботы о нихъ, но Пруденція не было видно. Тогда Мелита съ Маремой принялись хозяйничать около очага, и только-что сняли кожу съ козы и, распластавъ ей мясо, стали однѣ части варить, а другія втыкали на прутья, чтобъ жарить, какъ вдругъ появился Пруденцій. Онъ шелъ, обливаясь потомъ и таща на себѣ по кручѣ отъ моря съ ладни тяжелую пошу.

— Ну, что ты за милый хозяинъ!—увидѣвъ его, закричала Марема.

— И я скажу то же,—поддержала Марему Мелита.

Пруденцій улыбался счастливой улыбкой и, опустивъ пошу, подошелъ къ женщинамъ, чтобы сказать имъ утреннее привѣтствіе.

Потомъ они стали обѣдать, а послѣ пошли осмотрѣть скалу и нанли на ней, кромѣ двухъ пещеръ, помѣщенныхъ одна надъ другою, и открытое пространство, покрытое зеленью, съ возвышеніями, по которымъ пощипывали травку прирученныя козы. Здѣсь съ высоты каскадомъ падалъ прозрачный ручей.

— Это прекрасное мѣсто!—воскликнула Марема, рѣзвись какъ ребенокъ.—И не хотѣла бы никогда удалиться отсюда.

При этомъ она наклонилась къ уху Мелиты и добавила:

— Особенно въ томъ случаѣ, если бы я могла здѣсь жить не одна, а съ такимъ человѣкомъ, который бы... мнѣ... нравился что ли... и котораго любовь моя могла бы дѣлать счастливымъ.

Мелита пожала ей руку и отвѣчала:

— Что же!.. Все это можетъ случиться...

— Откуда жъ!

— Не унывай: въ природѣ возможно многое, что по взгляду кажется труднымъ и даже совсѣмъ невозможнымъ.

Но Марема расхохоталась и сказала:

— Ну, я знаю, однако, одно, что совсѣмъ невозможно.

— Что же это такое?

— Невозможно, чтобы смуглая кожа Маремы могла затмить лилейную бѣлизну чудеснаго тѣла Мелиты.

— О, если только дѣло за этимъ, то это очень возможно, и въ такой возможности ты, можеть-быть, удостовѣришься гораздо скорѣе, чѣмъ ты могла бы подумать.

А какъ эта перемолвка произошла между женщинами съ уха на ухо, то она не могла не возбудить любопытство въ Пруденціи, что Мелита тотчасъ же замѣтила и сказала ему:

— Не удивляюсь я, добрый Пруденцій, что тебѣ интересно, о чемъ мы между собою разсуждаемъ съ Маремой, и думаю, что тебѣ будетъ еще любопытнѣе, когда ты узнаешь, что все, о чемъ мы говорили, касается до тебя. Скажи намъ, каково твое мнѣніе: хотѣлъ ли бы ты, чтобы цѣлую жизнь остаться на этой скалѣ, и какъ бы ты хотѣлъ проводить свою жизнь?

Пруденцій отвѣтилъ, что онъ считалъ бы за самое лучшее счастье остаться здѣсь навсегда съ тою женщиной, которую любить, и желалъ бы проводить жизнь только въ томъ, чтобы наслаждаться ея любовью, забывъ обо всемъ остальномъ на свѣтѣ.

Мелита улыбнулась и сказала ему:

— У меня и Маремы несхожія мнѣнія, и то, которое ты теперь высказалъ, ближе всего ко мнѣнью Маремы, а со мною совсѣмъ не согласно.

Пруденцій, вмѣстѣ съ Маремой, стали просить ее, чтобы она сказала имъ свое мнѣніе, а она имъ отвѣчала:

— Здѣшнее мѣсто прекрасно; но такая любовь, которая отдѣляетъ двухъ человѣкъ отъ всѣхъ прочихъ людей и погружаетъ ихъ въ одни наслажденія другъ другомъ, мнѣ совершенно противна. Я даже вовсе не понимаю: какое въ такой любви можеть быть счастье? Я думаю, что это совсѣмъ не стѣнитъ имени любви, — что это совсѣмъ что-то другое, на чемъ невозможно воспитать духъ свой и прожить жизнь въ мирѣ съ своей совѣстью. Я бы хотѣла, чтобы съ нами здѣсь были другіе, и чтобы всѣ мы могли быть другъ другу полезны: и думаю, въ этомъ долженъ быть смыслъ человѣческой жизни, а не въ томъ, чего могутъ достигъ и низшія твари, не владѣющія человѣческимъ разсудкомъ.

И между ними начался разговоръ, въ которомъ они всѣ

трое, свидя надъ моремъ въ зелени діоритовъ, приняли оживленное участіе и незамѣтно трое раздѣлились на два мифіа: Мелита оставалась при своемъ, развивая мысль о необходимости общей любви ко всемъ людямъ, при которой нельзя отрѣшаться отъ общенія съ другими, а Марема и Пруденцій, увлекаясь идеями личнаго счастья, уходили въ этомъ настроеніи все дальше и дошли, наконецъ, до того, что сказали, что нѣтъ и не можетъ быть высшей любви, какъ та, которая довольна своимъ избраннымъ предметомъ,—однимъ имъ согрѣта и занята и до другихъ ни до кого нѣтъ ей дѣла.

Когда разговоръ дошелъ до этого, Мелита улыбнулась, не стала болѣе спорить, а шутливо свела руку Пруденцій съ рукою Маремы и сказала имъ:

— Я очень рада, что вы другъ съ другомъ согласны.

Пруденцій и Марема этимъ смутились, и въ одинъ изъ послѣдовавшихъ затѣмъ дней, когда Марема помогала Пруденцію разгружать внизу лодку, а онъ возносилъ тяжести наверхъ къ пещерамъ, у которыхъ Мелита готовила на очагъ обѣдъ, Пруденцій, опустивъ на землю ношу, промолвилъ Мелитѣ:

— Я до сихъ поръ все не перестаю думать о бывшемъ у насъ въ первый день разговорѣ... Онъ какъ будто отстраиваетъ меня отъ тебя, къ которой влечетъ меня сердце и отъ одного приближенія къ которой вся кровь во мнѣ пылаетъ какъ пламя.

— Кровь!.. Ты все о крови, Пруденцій. Бунтованіе крови проходитъ... Гораздо надежнѣе то, что можетъ жить вѣчно и не остынетъ отъ времени.

— Что же это, Мелита?

— Сродство нашего духа... согласье въ желаніяхъ, одинаковость окончательной цѣли!

Но Пруденцій покачалъ головой и сказалъ съ укоризной:

— Мелита! Мелита! что тебѣ за охота говорить все такія мудренныя вещи? Не будетъ ли проще, если насъ свяжетъ не духъ, а то, чѣмъ обыкновенно мужчину и женщину соединяетъ природа?

— Нѣтъ,—отвѣчала Мелита:—это слишкомъ ужъ просто.

— О, доверимся ей... Отдайся, Мелита, всемогущей природѣ, она никогда не обманетъ.

— Нѣтъ, она-то скорѣе всего и обманетъ.

— Природа обманеть?

— Ну, да!

— Никогда.

— Ну, не станемъ перекидывать наши слова безъ средствъ доказать ихъ. Ты помнишь, конечно, нашъ уго-воръ: «три дня испытанія».

— Безъ сомнѣннй, помню, и заранѣе торжествую побѣду любви моей надъ упрямствомъ капризной Мелиты.

— Прекрасно! Но воздержись,— не спѣши съ торжествомъ. Я у тебя не отнимаю надежды, но впереди будутъ три дня испытанія... *Три только дня!*.. Но зато въ эти три дня ты долженъ мнѣ повиноваться во всемъ.

— Очень радъ... только, однако, когда же начнешь ты свои испытанія?.. Я желаю, чтобы это было скорѣе.

— Сейчасъ, если хочешь.

— Я замираю въ восторгѣ.

— Прекрасно: теперь вечерѣетъ, а черезъ три дня въ эту же пору я буду твоею женою... или...

— Кончай же!

— Или я ею не буду.

— Въ какомъ же то случаѣ?

— Въ томъ случаѣ, если ты самъ отъ меня откажешься и что-нибудь предпочтешь моимъ ласкамъ.

— О, сдѣлай милость! Это одно, чего я никогда для тебя не сдѣлаю, хотя бы на меня возстали всѣ демоны ада и всѣ «силы природы».

— Ну, вотъ ужь: «*всѣ силы природы!*»! Зачѣмъ такой смѣлый вызовъ! Быть-можетъ, и одной «силы природы» будетъ довольно.

— Начинай испытанье! Говори, что я сейчасъ долженъ дѣлать?

— Во-первыхъ, ты отъ меня удалишься сію же минуту въ свое помѣщенье въ верхней пещерѣ.

— Ну, и что мнѣ тамъ дѣлать?

— Пока ничего.

— Какъ это пока?

— Пока тебѣ станетъ хотѣться думать болѣе о самомъ себѣ, чѣмъ обо мнѣ.

— Ну, оставь это!.. Никогда этого не будетъ.

— Выходи же въ пещеру.

— Ну, хорошо,—я выхожу.

Пруденцій сталъ подниматься по лѣстницѣ и, достигнувъ до входа въ свою верхнюю пещеру, обернулся и съ веселою улыбкою вскрикнулъ:

— Эво! Я уже началъ мое испытаніе и на одинъ мигъ сталъ ближе къ обладанью Мелитой.

— Обладай же сначала собою,—отвѣчала Мелита, отнимая лѣстницу и спуская ее по откосу на вторую площадку.

— Я запертъ!—смѣялся Пруденцій.

— Теперь жди, пока я тебя позову, стоя въ ожиданьи тебя у брачнаго ложа.

И съ этимъ Мелита скрылась въ своей нижней пещерѣ.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

Вскорѣ послѣ того, какъ скрылась Мелита, по тропинкѣ отъ моря стала подниматься Марема. Пруденцій издали ее замѣтилъ и сталъ говорить ей:

— Ахъ, порадуйся за меня, Марема! Мелита уже начала мое испытаніе, и черезъ три дня она должна будетъ сдержать свое слово—она сдѣлается моею женою.

— Это славная вещь! А въ чемъ же будетъ состоять твое испытаніе?

— А вотъ въ точности я этого до сихъ поръ не знаю, право; до сихъ поръ она мнѣ ничего не сказала, кромѣ того, чтобы я думать о ней и ожидать терпѣливо какого-то ея слова; а ужъ какое это будетъ слово,—не знаю.

«Что за затѣи у этой Мелиты?»—подумала, покачавъ головою, Марема и, войдя въ пещеру, тотчасъ же хотѣла разспросить Мелиту: что далѣе будетъ? Но Мелита лежала закрывши глаза и спала, или притворилась спящей, и Марема будить ее не рѣшилась; а когда она снова вышла, чтобы взять нѣсколько хвойныхъ вѣтокъ и выкурить ихъ дымомъ насѣкомыхъ, она увидала, что Пруденцій стоялъ наверху во входѣ своей пещеры и на него свѣтила луна, а онъ улыбался и сказалъ ей:

— Скажи привѣтъ мой Мелитѣ, Марема.

А Маремѣ не хотѣлось ему отвѣчать,—такъ ей сдѣлалось его жалко и грустно видѣть его какъ птицу въ клеткѣ.

До полуночи Марема не могла сомкнуть глазъ, а за полночь она слышала, какъ Мелита вышла и возвратилась не скоро, а когда возвратилась, то прежде, чѣмъ лечь, подошла и нагнулась надъ изголовьемъ Маремы, и, увидавъ,

что Марема не спитъ, откинулась вновь и сказала сурово и твердо:

— Ни во что не мѣшайся и ни о чемъ меня не разспрашивай... Повѣрь мнѣ, что я не жестокая женщина и не хочу ничьихъ напрасныхъ мученій, а я дѣлаю то, что нужно для нашего счастья. Умоляю тебя: вѣрь мнѣ, какъ вѣрила, и ни о чемъ не разспрашивай больше.

— Пусть будетъ такъ, какъ ты хочешь.

И едва забрезжился свѣтъ, Мелита разбудила Марему и позвала ее вмѣстѣ съ нею идти, чтобы докончить выгрузку лодки; а когда онѣ туда сошли, то Марема увидѣла, что Мелита одна здѣсь работала ночью, а теперь онѣ взялись за дѣло вдвоемъ и трудились такъ безотступно, что къ вечеру все, что привезено было въ лодкѣ, было втащено на берегъ, и облегченная ладья поднялась и закачалась въ своей маленькой бухтѣ.

Во весь день Мелита съ Маремою не возвращались въ пещеру, и когда стало темнѣть, онѣ еще оставались у моря. Марема не разъ порывалась уйти, но Мелита ее удерживала, и онѣ стали подниматься наверхъ только тогда, когда луна утонула за скалы и вокругъ сдѣлалось темно.

Тогда онѣ тихо проникли въ свою пещеру, незамѣченными Пруденціемъ, и не зажигали огня, чтобы выгонять насекомыхъ, а улеглись каждая на своемъ мѣстѣ впопыхахъ... и Мелита, казалось, сейчасъ же заснула, но Марема начала что-то искать и потомъ стала ѣсть, и, сдѣлавши нѣсколько глотковъ, вдругъ вскрикнула, какъ бы приняла что-то пронзительное или острое.

Тогда оказалось, что и Мелита не спала, потому что она живо вскочила и спросила въ испугѣ:

— Что съ тобою случилось?

Марема сразу ничего не отвѣчала, но когда Мелита повторила вопросъ, та ей отвѣтила какъ бы изъ какого-то отдаленія:

— Со мной ничего не случилось... но я не хочу болѣе ѣсть, потому... что... я все теперь поняла... Пруденцій безъ пищи!..

Мелита ей не отвѣчала ни слова.

Ночь прошла безпокойно въ прерывистыхъ грезахъ. Обѣимъ женщинамъ казалось, какъ будто онѣ видятъ Пруденцію и слышать его шаги, и вотъ онѣ весь исхудалъ, глаза

его округлились... онъ глядитъ безпокойно... Мелита! Мелита! скорѣй задавай ему дѣло!

А оно уже было задано.

Утромъ на третью сутки Мелита вовсе не вышла. Изъ пещеры показалась одна только Марема, и Пруденцій сто- рожилъ ея появленіе.

— Здравствуй! Здравствуй, Марема! — закричалъ онъ ей пострадавшимъ, но еще веселымъ голосомъ. — Прошли уже двѣ ночи и день, какъ я ожидаю здѣсь своего заслу- женнаго права прижать къ моему вѣрному сердцу милую Мелиту. Теперь уже не долго осталось мнѣ ждать, но за- чѣмъ она медлитъ? зачѣмъ до сихъ поръ мнѣ не скажетъ: въ чемъ я долженъ выдержать мое испытанье? Или ты, можеть-быть, съ тѣмъ теперь вышла, чтобы сказать мнѣ, что я долженъ сдѣлать? Говори же скорѣе: я утомился здѣсь ожидать приказанья Мелиты...

— Мелита мнѣ ничего не сказала, — отвѣчала Марема, стараясь не глядѣть на Пруденція, который при самомъ бѣгломъ взглядѣ на него показался ей изнуреннымъ и страшнымъ.

— Куда же идешь ты?

— Я иду... чтобы поймать удою рыбу и поискать въ расщелинахъ птичьихъ яицъ... Завтра вѣдь къ вечеру Мелита готовить свадебный пиръ...

— Ахъ, она уже готовить! Прекрасно, прекрасно... Иди же скорѣй, лови рыбу... и яйца есть по утесамъ... А Мелита, вѣрно, выйдетъ сама и скажетъ мнѣ, что долженъ я сдѣлать... Мнѣ кстати очень хочется ѣсть.

— Я ворочусь и скажу ей, что ты хочешь ѣсть.

— Нѣтъ, не надо, Марема. Я ей далъ слово, что не буду ее ни о чемъ просить, пока она меня кликнетъ... Уходи, куда ты идешь... мнѣ нужно терпѣнье.

И Марема ушла, а Пруденцій остался одинъ и снова весь цѣлый день протомился въ затворѣ; онъ то поджидалъ Мелиту, то ее кликалъ, но все это было напрасно, — Мелита не показалась ему ни на мгновеніе ока. Она цѣлый день безустанно разбирала всѣ перенесенныя съ ладьи вещи и съ такимъ вкусомъ убрала пещеру, что ее можно было принять за очень благоустроенное жилище человека со вкусомъ. Въ переднемъ, большомъ помѣщеніи былъ на- крытъ большой столъ, уставленный множествомъ дорогой и

прекрасной посуды, а вдали, за столбомъ, обитымъ цвѣтными тканями, возвышалось пышно убранное ложе подъ гудобою завѣсой и съ лампами у изголовья.

Все это требовало много искусства и вкуса, и трудно было произвести такое превращеніе въ одинъ день; но Мелита не жалѣла труда, и онъ одинъ, вѣроятно, помогъ ей не слышать жалобныхъ стоновъ Пруденція, который съ полудня уже утратилъ терпѣніе и звалъ Мелиту, крича ей, что онъ чувствуетъ мучительный голодъ.

— Мелита!—кричалъ онъ:—Мелита! для чего ты забываешь, что я человѣкъ и что голодъ желудка дастъ знать о себѣ безпрестанно... Говори мнѣ скорѣе, какое я тебѣ долженъ дать доказательство, что я ни съ чѣмъ не сравню твою любовь... или я здѣсь умру отъ голода.

Но Мелита все убирала покой и не пришла къ нему на его зовъ, и Пруденцій такъ протомился до вечера, когда увидалъ возвращающуюся Марему и закричалъ ей:

— Мои мученія превзошли уже всякую мѣру...

— Ты старайся не думать...

— Ахъ, не могу, не могу я не думать—голодъ жестоко всевозможныхъ мученій... Я боюсь, что я не доживу до утра...

— Старайся уснуть... пусть во снѣ тебѣ снится Мелита.

— Ахъ, я уже пробовалъ спать... и во снѣ то же самое снится... Ысть хочу, Ысть хочу! Страшно, Марема, мнѣ, страшно! У тебя тамъ гдѣ-нибудь вѣрно есть птичьи яйца—брось мнѣ одно изъ нихъ, я умираю.

— Не смѣю,—отвѣчала Марема и скоро скользнула въ пещеру, которая была освѣщена многими огнями и поразила Марему своимъ неожиданнымъ великолѣпіемъ.

— Что это будетъ?—спросила Марема.

— Завтра здѣсь будетъ свадебный ширъ,—отвѣчала Мелита.

— Свадебный пиръ!.. О, Мелита! остерегись, чтобы это не былъ похоронный обѣдъ.

И, сказавъ это, Марема присѣла и, опустивъ руки и голову, зарыдала.

— О чемъ ты такъ плачешь?—спросила Мелита.

— Я сейчасъ видѣла Пруденція и слышала его стоны... Его мучаетъ голодъ, и онъ умираетъ.

— Но вѣдь его раньше мучилъ еще иной голодъ...

— Нѣтъ, голодъ желудка страннѣ всякаго другого томленья.

— Полно, Марема. Вѣдь и я тоже не ѣмъ.

Марема достала изъ-за туники яйцо морской птицы и сказала:

— Я цѣлый день провела безуспѣшно и насилу достала всего два яйца. Одно,—признаюсь тебѣ,—съѣла сырое, и оно мнѣ отъ голода показалось вкусно. Съѣшь ты это другое. Его просиль у меня Пруденцій, но я не дала ему.

— И мнѣ оно тоже не нужно: я терплю то же, что терпитъ Пруденцій!—и съ этимъ словомъ Мелита взяла изъ рукъ Маремы яйцо и бросила его объ полъ.

— Здѣсь есть много съѣстного,—добавила она:—но я ничего не касалась. Я по себѣ размѣряю, что онъ можетъ снести безъ вреда для его жизни. Лягъ и усни, а завтра съ утра станемъ готовить обѣдъ и ввечеру разрѣшится все, что такъ долго и мучительно длилось.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

И вотъ прошла ужасная ночь, которая всѣмъ показалась долга безконечно и всѣхъ истомила. Настало тяжелое утро. Обѣ женщины рано проснулись, и Марема тотчасъ же выбѣжала, чтобы взглянуть на Пруденція. Юноша измѣнился въ эту послѣднюю ночь сильнѣе, чѣмъ во все протекшее время: лицо его сдѣлалось сѣрое и маленькое, оба глаза ввалились и казались совершенно круглыми, а губы почернѣли, и изъ-за нихъ виднѣлись два ряда бѣлыхъ зубовъ, какъ будто ослабнувшихъ въ деснахъ, и воспаленный языкъ и гортань... Голодъ его догрызалъ,—Пруденцій уже не имѣлъ силъ и стонать; онъ сидѣлъ, прислонясь ко входу, и тихо качался, придавливая исхудалыми руками опустошенный животъ.

Напрасно Марема хотѣла его утѣшить и говорила ему о близости счастья въ обладаньѣ Мелитою,—Пруденцій не отвѣчалъ ей ни слова.

Когда же Марема сказала объ этомъ Мелитѣ, та отвѣчала:

— Это такъ должно быть! Когда зло не хотятъ побѣдить разсудкомъ, то оно побѣждается страданіями. Но не будемъ говорить объ этомъ, а давай скорѣе приготовить всѣ лучшія кушанья, какія умѣемъ.

И онѣ отобрали изъ всѣхъ запасовъ все, что было луч-

шаго, и стали готовить все блюда, какія умѣли. Это требовало не мало трудовъ, и приготовленія еще не были совсемъ кончены, когда солнце стало спускаться за скалы. Тогда Мелита сказала Маремѣ:

— Оставимъ на время мяса и плоды.—пусть хорошенько томятся на угляхъ, а мы пойдемъ подъ ручей,—омоемся свѣжей струею воды и одѣнемъ лучшія наши одежды.

Марема пошла съ нею и удивилась, что когда онѣ вышли изъ-подъ обливаны, то Мелита открыла принесенную склянницу драгоценныхъ духовъ и неожиданно вылила всю ее поровну на свои волосы и на волосы Маремы, и при этомъ сказала:

— Я хочу сдѣлать такъ, чтобы мы обѣ имѣли видъ невѣсть.

И затѣмъ, возвратившись въ пещеру, Мелита стала спѣшить уборкой стола,—разставила кувшины съ разноцвѣтнымъ виномъ; разложила фрукты на листьяхъ, и подливы къ мясамъ, и загородки изъ тѣста въ глиняныхъ блюдахъ; а потомъ засвѣтила огни, открыла постель, и стала между ней и столомъ, одѣтая въ самыя пышныя платья, а Маремѣ сказала:

— Приставь скорѣй лѣстницу и поди и скажи Пруденцію, что я его приглашаю сойти.

Марема исполнила это въ одно мгновеніе; но когда она вошла въ верхнюю пещеру къ Пруденцію, то увидала его въ ужасномъ изнуреніи,—онъ уже не сидѣлъ, а лежалъ и на вопросы могъ отвѣчать очень нескоро и очень невнятно. Онъ только тихо махалъ рукою и давалъ чувствовать, что для него ничто не важно, кромѣ голода, которымъ онъ истомился.

Долгоождаемое приглашеніе Мелиты нимало его не оживило и не обрадовало.

— Вѣдь это настала часъ твоей радости!—говорила ему Марема; но онъ только отмахнулся рукою и, обратясь въ сторону, прошепталъ:

— Куда... же... ты дѣла... яйцо... морской чайки?

— Что тебѣ теперь до яйца чайки... тебя ожидаетъ роскошнѣйшій столъ и... еще больше роскошныя ласки Мелиты!.. Встань скорѣе на ноги—я помогу тебѣ сойти съ лѣстницы.

Онъ сталъ подниматься, но закачался, упалъ и сказалъ:

— Я не въ силахъ.

Тогда живая Марема схватила Пруденція, какъ дитя, на свои сильныя руки, снесла его съ лѣстницы, опустила на землю и, давъ ему оправиться, подвела его подъ руки ко входу въ освѣщенную пещеру, гдѣ въ сіяньѣ огней стояла блестящая красотой и уборомъ Мелита. Она встрѣтила Пруденція съ ласковой улыбкой и сказала ему ласковымъ голосомъ:

— Привѣтъ мой тебѣ, господинъ мой Пруденцій! Входи и будь здѣсь властелиномъ всего, что ты видишь. Ты перенесъ испытанье, и за то я даю тебѣ надо мною всякое право... Ширь изготовлень... послѣднія блюда скоро поспѣютъ на тихомъ огнѣ, и брачное ложе готово... и я жду моего господина!

При этомъ Мелита протянула обѣ руки къ Пруденцію; но онъ отвернулся отъ нея и, поведя вокругъ какъ бы утраившими зоркость глазами, нетерпѣливо воскликнулъ:

— Подожди!.. и скажи мнѣ: гдѣ же это яйцо дикой птицы?

— Я разбила его,—отвѣчала Мелита.— Поди отдохни, господинъ мой, на ложѣ... Вѣдь я сама его стлала для тебя, моего господина... А послѣ ты будешь ѣсть самыя вкусныя кушанья.

— Ахъ, это все пустяки!.. Подавай мнѣ сейчасъ все, что тамъ кипитъ или печется!

— Кушанье все еще не готово.

— А это же что здѣсь такое дымится въ глиняномъ блюдѣ?

— Это подлива къ бобамъ и загородки изъ тѣста для развареннаго мяса...

— Вотъ я и съѣмъ сейчасъ всю эту подливу и всѣ загородки изъ тѣста...

И онъ потянулъ къ себѣ блюдо съ подливой и началъ лакать ее и грызть загородки, не обращая никакого вниманія на Мелиту, которая этимъ временемъ все удалялась тихо назадъ и, наконецъ, вовсе исчезла, такъ что съ этой поры Пруденцій и Марема напрасно искали ее на утесѣ. Съ нею вмѣстѣ ушла и ладья, которая была спрятана въ бухтѣ, и теперь Пруденцій съ Маремой были отрѣзаны отъ всего остального міра.

Они напрасно обѣгали со всѣхъ сторонъ скалу и искали

Мелиту,—она, безъ сомнѣнія, оставила ихъ и скрылась, а они остались вдвоемъ и не видѣли никого третьяго до тѣхъ поръ, пока возлѣ Маремы сразу раздались два голоса двухъ новорожденныхъ ея близнецовъ... Въ этотъ день Пруденцій, сошедшій внизъ съ сверткомъ бѣлья, которое онъ долженъ былъ вымыть для своихъ двухъ близнецовъ и для Маремы,—замѣтилъ на морѣ точку, которая какъ будто перемѣняла свое мѣсто... А еще черезъ нѣсколько дней Пруденцій увидалъ, что на глибѣ скалы надъ самою бухтою было начертано чѣмъ-то острымъ: «Мелита привѣтствуетъ Пруденцію и Марему съ дѣтьми ихъ и желаетъ имъ согласія и добродѣтельной жизни». Еще же черезъ мѣсяцъ Пруденцій увидѣлъ ладью еще ближе, и видѣлъ, что на ней были двѣ женщины, и что къ ней изъ-за скаль подошла другая ладья и на эту перешла одна изъ двухъ женщинъ, и теперь та лодка, на которой сидѣли двѣ женщины, стала удаляться, а та, на которой осталась одна,—приближалась къ утесу.

Пруденцій скоро узналъ по окраскѣ, что эта лодка его и Алкея, которая исчезла съ той ночи, какъ удалилась Мелита... Пруденцій сказалъ объ этомъ Маремѣ, которая сидѣла тутъ же возлѣ него на берегу моря и держала на каждомъ изъ своихъ колѣнъ по здоровому, смуглому ребенку, изъ которыхъ каждый завладѣлъ одной грудью своей матери и такъ жадно сосалъ, что молоко выбѣгало у него обратно изъ усть и крупными, бѣлыми каплями скользило по смуглой груди Маремы... Но Марема теперь этого не замѣчала, потому что она слѣдила за лодкой, и вдругъ вскричала:

— Радуйся, милый Пруденцій!.. Къ намъ приближается мать твоя, вдова Ефросина... Мы не останемся одни здѣсь и наши дѣти не будутъ жить дикарями.

— Да,—отвѣчалъ ей Пруденцій:—и я теперь вижу: это мать моя, вдова Ефросина!.. Кто передалъ ей нашу ладью и кто указалъ ей путь къ намъ?

— Конечно, Мелита. Это она удалилась на другой ладѣ съ своимъ другомъ Эрминией... Онѣ христіанки.

Пруденцій задумался и, слѣдя за приближеніемъ лодки, которою, несмотря на свои годы, хорошо еще правила вдова Ефросина, сказалъ, склоняясь къ Маремѣ:

— Вотъ всѣ, кто страстно любитъ наслажденія жизни,

всегда разсуждаютъ, что будто галилейское ученіе не годится для жизни... А припомни-ка все, что было съ нами, и выйдетъ, что впередъ дальше всѣхъ видѣла одна Мелита. Я передъ нею такъ малодушенъ, что не могъ бы идти съ нею рядомъ. Какъ хорошо, что она не связала себя узами брака съ такимъ посредственнымъ человѣкомъ, какъ я!.. При разности взглядовъ и мыслей мы не нашли бы въ союзѣ согласія и мира, а съ тобой мы счастливы... Ея духъ слишкомъ высокъ и серьезенъ—онъ слишкомъ беспощадно побѣждаетъ плоть. Ты же и я... мы смотримъ проще... Я не знаю, какъ это случилось, какъ я все любилъ такъ сильно Мелиту, и теперь вижу, что она несродна мнѣ, а ты мнѣ гораздо милѣ Мелиты... Я хотѣлъ скрываться здѣсь вѣчно съ Мелитой,—потомъ мнѣ такъ хорошо было здѣсь же съ тобой, и теперь... я, однакоже, радуюсь, что мать моя насъ разыскала и мы не останемся въ вѣчной разлукѣ съ людьми... Весь кругъ мыслей во мнѣ перешелъ,—все передѣлалось съ нами именно такъ, какъ говорила Мелита. Вѣрно надо ей вѣрить во всемъ.

— Да, она умная женщина.

— Надо считать духъ, а не плоть владыкою жизни, и жить не для тѣхъ чувствъ, которыя научаютъ насъ особиться отъ всѣхъ прочихъ людей...

— Правда, Пруденцій.

— Пусть такъ и будетъ, и когда мы уклонимся отъ этого... пусть мы сами не будемъ на своей сторонѣ. Если мы погрѣшимъ, то не станемъ извинять себя и дѣлать себѣ пояса изъ листьевъ, потому что прятаться—это хуже, чѣмъ несть порицаніе, котораго заслуживаешь.

— Я согласна,—отвѣчала Марема.

— Да, всегда мы съ тобою согласны! Какое это счастье для обоихъ насъ!..

— И для нашихъ обоихъ дѣтей,—показала Марема на близнятъ, которыхъ ужъ издали увидала бабушка ихъ, вдова Ефросина, и начала улыбаться всѣмъ и въ концѣ, бросивъ весло, закричала:

— Вотъ такъ ребята! Этакихъ я еще не встрѣчала.

БРАМАДАТА И РАДОВАНЪ *).

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Въ очень давнее время въ Индiи были два смежныя царства: одно называлось Бенаресъ, а другое царство Казальское. Въ одномъ изъ нихъ, въ Бенаресѣ, правилъ царь по имени Брамадата, а въ другомъ—въ Казальскомъ царствѣ—Радованъ. Они были между собою несогласные и постоянно не ладили оттого, что у нихъ были разные характеры и понятiя, и во всемъ они хотѣли все разнаго. Брамадата, бенаресскiй царь, былъ большой воинъ и хотѣлъ, куда ни придетъ, чтобы всѣхъ сейчасъ побить или въ плѣнъ угнать; а Радованъ терпѣть не могъ воевать, а все заботился, чтобы у него въ землѣ была тишина, и чтобы люди никто одинъ другого не обижали, а всѣ бы вровняхъ трудились и имѣли себѣ пищу и одежду, а на чужое добро не завидовали и ничего чужого себѣ не брали.

Отъ этого разнаго расположенiя царей и во дворахъ у нихъ, и во всемъ подданствѣ все шло по-разному.

У Брамадаты была тогда радость, если онъ кого-нибудь побьетъ и чужое добро возьметъ, а Радованъ тогда былъ утѣшенъ, если у него все было тихо и всѣ люди трудятся и живутъ средственно, а не стараются превзойти одинъ другого обманомъ или опутать ложью и хитростью. И какъ

*) Это прекрасное по формѣ и глубокое по основной своей мысли индiйское сказанiе было окончательно приготовлено къ печати покойнымъ писателемъ и не появилось при его жизни только вслѣдствiе случайныхъ обстоятельствъ. <http://rcin.org.pl>

у храбраго Брамадаты, такъ и у хозяйственнаго Радована, не все всегда ладилось.

Радовановы люди наскучили миромъ и тишиною, и стали они говорить:

— Чтò намъ изъ того, что намъ тихо и покойно жить въ тишинѣ. Нонѣ тихо и завтра опять тоже тихо,—оно уже и наскучило, и куда мы за свой рубежъ ни пойдемъ, за какимъ ни случись дѣломъ, намъ отъ сосѣдей такого почета нѣтъ, какъ людямъ изъ храбраго царства Брамадатова. Такъ намъ жить хоть и сытно, и привольно, да обидно и не весело.

И докучали этимъ ропотомъ люди царю Радовану очень много лѣтъ и заставили его претерпѣть много горестей отъ того, что люди его не понимали пользы мирнаго житья и завидовали бранному шуму и славѣ воительской.

А у Брамадаты-царя люди въ царствѣ его на войну обижалися и рожали такъ:

— Чтò намъ за польза отъ нашихъ воинскихъ доблестей. Чтò ии больше натащили себѣ серебра или золота—то все у насъ только дороже становится, и некому даже ни пахать, ни рисъ убирать, ни скотъ пасти. Одни перебиты, а другіе вернутся такими калѣками, что, глядя на нихъ, только казнишься. Лучше бъ намъ тихо жить по-сосѣдски со всѣми и ни съ кѣмъ бы не ссориться.

Услыхалъ бенаресскій царь, непобѣдимый Брамадата, что его храбрые воины, у которыхъ въ костяхъ ноетъ, не веселятся отъ своей прошлой храбрости, а завидуютъ тѣмъ, чтò вѣкъ въ тиши прожили, и разгнѣвался, и велѣлъ созывальщику взять большой барабанъ и ходить надъ рѣкою да стучать во всю мочь, чтобы былъ слышенъ шумъ по водѣ далеко во всемъ его царствѣ, и послалъ здоровыхъ крикуновъ верхомъ на слонахъ, чтобы они на слонахъ въ самую середину народа вѣзжали и кричали военный кличъ всѣмъ людямъ, кто хочетъ идти на свирѣпыхъ сосѣдей и все ихъ добро забрать и между собою подѣлить, а ихъ земли подъ одну державу Брамадаты подбить и обложить ихъ тяжкою податью. И какъ услыхали этотъ кличъ въ Брамадатиномъ царствѣ здоровые люди—всѣ не стали слушать своихъ стариковъ, которые тяготились военнымъ житьемъ, а схватили луки и стрѣлы, взяли щиты и, опоясавшись въ латы, пошли воевать своихъ свирѣпыхъ сосѣдей, и скоро все цар-

ство Радована-царя покорили; тѣхъ, которые хотѣли сражаться, побили или покарѣчили, а самому Радовану хотѣли назадъ руки связать и вести его на веревкѣ за Брамадатой-царемъ, когда онъ будетъ возвращаться назадъ съ побѣдными войсками въ свою столицу. Но смиренный казальскій царь Радованъ всѣ свои потери перенесъ съ терпѣніемъ, а не могъ вздумать о томъ, какъ его будутъ на веревкѣ вести и тогда надъ нимъ стануть смѣяться и побѣдители его, и его бывшіе подданные, которые теперь теперь отступили отъ своего смирнаго обычая и предались побѣднымъ торжествамъ Брамадаты, царя бенаресскаго. И чтобы не переносить этого униженія, сказалъ Радованъ царицѣ, женѣ своей: «сбрось съ себя поскорѣе свое царское платье, которое на тебѣ осталось, и отдай его нищенкѣ, а у ней возьми ея бѣдное платье, и я то же самое сдѣлаю и, покрывшись лохмотьями, убѣжимъ потихоньку и скроемся въ такое мѣсто, гдѣ насъ никто не вздумаетъ разыскивать, и будемъ тамъ жить до вѣку, или пока въ судьбѣ нашей переменѣ наступитъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Жена Радована на все согласилась, и обмѣняли они свои послѣднія царскія платья съ нищими и бѣжали темною ночью изъ своей Казалы, стали скрываться въ лѣсахъ и пустыняхъ. Но туда скоро до нихъ дошелъ слухъ, что царь Брамадата, узнавши объ ихъ побѣгѣ, страшно разгнѣвался и показилъ много и своихъ людей, и ихъ бывшихъ подданныхъ за то, что они упустили Радована съ его женою, царицею Рупти, и Брамадатѣ некого стало вести за собою на веревкѣ, когда онъ будетъ входить въ свой Бенаресъ побѣдителемъ подъ знаменами. А потомъ велѣлъ Брамадата опять бить въ барабанъ надъ рѣкою и кликать на все царство, что кто изъ своихъ или чужихъ людей укажетъ, гдѣ скрываются Радованъ съ его царицею Рупти, тому будутъ отъ царя Брамадаты большіе дары царскіе, и повезутъ этого указчика, въ знакъ почета, на убранномъ слонѣ вслѣдъ за связаннымъ Радованомъ и за его Рупти-царицею и напишутъ его имя острымъ клиномъ на камнѣ въ память внукамъ и правнукамъ.

И какъ узналъ объ этомъ царь Радованъ, то затрясся отъ страха и жалости, что изъ-за него очень много людей погублено, и сказалъ онъ тогда Рупти-царицѣ:

— Кажется, плохо мы сдѣлали, что скрылися, и черезъ это много напрасно людей уже погибло, а къ тому же намъ съ тобою не укрыться теперь и въ рубищѣ: кто-нибудь насъ узнаетъ и царю Брамадатѣ укажетъ насъ. Большіе дары соблазнительны да и почести вманчивы,—я ни на кого уже изъ своихъ бывлыхъ слугъ не надѣюсь. А не лучше ли намъ пойти и самимъ объявиться? Какъ ты думаешь?

А царица Рушти отговорила мужа, чтобы онъ не шелъ объявляться Брамадатѣ, а присовѣтовала ему скрыться на иной манеръ: не въ лѣсныхъ дебряхъ и пустыняхъ, а идти прямо въ столицу бенаресскаго царства и жить тамъ среди низкихъ людей въ безызвѣстности, такъ какъ тамъ ихъ никто искать не подумаетъ, и имъ тамъ будетъ жить без-опасно.

Царь Радованъ послушалъ совѣта жены, и они пошли въ Бенаресъ нищими и пришли туда никѣмъ не признанные и поселились между самыми простыми работниками, которые жили поденною работою. И тутъ царица Рушти, у которой до сей поры дѣтей не было, ощутила у себя подъ сердцемъ бѣненіе новой жизни и родила прекраснаго мальчика и назвала его Долгоживомъ.

Такъ ей это имя на мысль пришло, что отецъ-де его долго скорбѣлъ, а онъ пусть долго жить будетъ и за наши бѣдствія съ врагомъ нашимъ Брамадатой расплатится.

И прожили Радованъ съ Рушти и съ сыномъ своимъ Долгоживомъ въ столицѣ бенаресскаго царства у Брамадаты-царя въ неизвѣстности цѣлыхъ десять лѣтъ между простыми рабочими въ большихъ трудахъ, и измѣнились родители Долгожива такъ, что походили на свой прежній видъ не болѣе, какъ похожа сѣнная былинка на сочную траву, а все отъ своей судьбы не укрылися.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Тащилъ разъ на себѣ бывший царь Радованъ тяжелую ношу и усталъ подъ нею до смерти и захотѣлъ въ рѣкѣ выкупаться. И только-что снялъ съ себя лохмотокъ, которымъ былъ повязанъ по поясу, да хотѣлъ въ воду влѣзть, какъ увидалъ его гулявшій у себя въ саду богачъ, который былъ у него раньше разгрома казальскаго царства постельникомъ, и узналъ у него на бедрѣ родимый знакъ — пятно темнаго цвѣта, точно малая пташка съ головкой, загнутой

подъ крылышко. И сейчас захотѣлъ тотъ вельможа предать своего бывшего царя казальскаго новому своему повелителю, царю бенаресскому, и указалъ на него воинамъ, а воины взяли Радована и жену его и привели ихъ къ Брамадатъ-царю. Долгожива же не взяли, потому что его въ ту пору въ домѣ при родителяхъ не было, да и вины на немъ никакой Брамадата-царь не взыскивалъ.

А Радована и жену его Рупти царь Брамадата повелѣлъ водить связанныхъ по всей своей столицѣ, пока обведутъ ихъ по всѣмъ улицамъ и закоулочкамъ и увидятъ ихъ всѣ живущіе въ Бенаресѣ и свои, и заѣзжіе, а потомъ вывести ихъ за городъ на пыльное поле и расѣчь мечомъ каждого напополамъ и начетверо.

Такъ и водили Радована и жену его Рупти, а сынъ ихъ Долгоживъ во все это время шелъ за ними и плакалъ, а когда послѣ показа ихъ всѣмъ людямъ привели Радована и Рупти на пыльное поле за городъ и стали готовиться расѣчь ихъ каждого напополамъ и начетверо, то Долгоживъ попросилъ, чтобы ему позволили подойти къ отцу и принять отъ него на всю жизнь свою отцовское наставленіе.

Спросили объ этомъ дозволенія у царя Брамадаты, и Брамадата дозволилъ дать отцу съ сыномъ свиданіе, но велѣлъ только доложить ему, что такое Радованъ дастъ своему сыну въ заповѣдь, чтобы знать потомъ: можно ли отъ Долгожива ждать худого или хорошаго.

Воспослѣдовало съ такимъ разрѣшеніемъ свиданіе, и подпустили мальчика Долгожива къ отцу его Радовану, а тотъ не сталъ передъ сыномъ ни сожалѣть о жизни, ни на свою долю плакаться, а сказалъ ему только тѣ слова:

— Сынъ мой Долгоживъ, не смотри слишкомъ далеко и не смотри слишкомъ близко и помни, что вражда умираетъ не враждою, а незлобіемъ.

А больше Радованъ ничего и говорить не захотѣлъ, и тогда тотчасъ же надъ нимъ и надъ женою его Рупти былъ приведенъ въ исполненіе приговоръ Брамадаты. Бывшаго царя казальскаго и жену его повергли связанныхъ на землю и расѣкли мечами сначала каждого на пополамъ, а потомъ и начетверо, и бросили ихъ въ горячей пыли и приставили стражу къ ихъ расѣченнымъ тѣламъ, чтобы оставались здѣсь безъ всякаго погребенія, дабы знали всѣ, какъ бываетъ съ тѣми, кто Брамадатъ-царю не покорствуешь.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Отрокъ Долгоживъ выросталъ между простыхъ людей и зналъ, какъ съ людьми обходиться надобно, чтобы достичь, чего хочется, а хотѣлось ему больше всего, чтобы разсѣченныя тѣла сго несчастныхъ родителей не валялись въ пыли, пока ихъ мясо птицы облущать, а кости вѣтеръ обдуваетъ; а захотѣлъ Долгоживъ съечь тѣло отца съ матерью на кострѣ, какъ у нихъ есть обычай хоронить въ ихъ индѣйской странѣ. И вотъ собралъ Долгоживъ поскорѣе все, что у нихъ было въ хижинѣ, и продалъ, а на тѣ деньги, которыя выручилъ—купилъ два большіе кувчина вина сладкаго, да два—вина крѣпкаго, да еще призапасилъ двѣ большія вязанки смолистыхъ дровъ и пахучаго хвороста. Хворостъ и дрова онъ въ овражкѣ спряталъ, а сладкими винами сталъ потчивать стражу, которая сторожила разсѣченныя тѣла. И когда сторожившіе воины подпили, Долгоживъ сталъ имъ въ сладкое вино подбавлять вино крѣпкое и такъ ихъ напоилъ, что они уснули крѣпкимъ сномъ. Тогда Долгоживъ оттащилъ ихъ всѣхъ въ сторону, а изъ оврага принесъ дрова и хворостъ, положилъ на костеръ разсѣченныя тѣла своихъ родителей и поджегъ костеръ. Костеръ вмигъ запылалъ, и пахучій дымъ отъ смолистаго дерева поднялся высоко, и тѣла Радована и Рупти сожжены были въ пламени, а воины все еще спали и не проснулись.

Тогда Долгоживъ-царевичъ,—какъ обычай есть въ ихъ странѣ,—въ знакъ почтенія къ своимъ родителямъ обошелъ пепелище вокругъ три раза со сложенными на груди руками и пошелъ прямо оттуда, не оглядываясь, въ лѣсную дѣбрь и тамъ долго оплакивалъ тѣла отца съ матерью и обдумывалъ наставленіе отцовское: какъ понять слова:—«не смотри слишкомъ далеко и не смотри слишкомъ близко, потому что не враждою умиротворяется вражда, а милосердіемъ». И понялъ онъ на первый разъ, что сидѣть да плакать объ утратѣ отъ горести—будетъ значить: «смотрѣть очень близко», будто какъ только и определено человѣку въ жизни дѣлать, что убивать время въ тоскѣ о томъ, что прошло и чего возвратить невозможно.

Разсудивши такъ, всталъ царевичъ-Долгоживъ съ мѣста, на которомъ долго сидѣлъ плачучи, подъ высокимъ дере-

вомъ, и пошелъ въ жилия мѣста къ людямъ, чтобы жить между нихъ своими трудами, но долго онъ не находилъ нигдѣ для себя никакой работы, и, переходя съ мѣста на мѣсто, пришелъ опять въ Бенаресъ, въ столицу царя Брамадаты, и сталъ на площади, гдѣ собираются немущіе люди и ждутъ, чтобы ихъ кто-нибудь взялъ на поденную работу.

Тутъ простоялъ онъ съ утра и до жаркаго полудня, когда уже однихъ рабочихъ разобрали, а другіе, не нанявшись, къ себѣ въ шалаши ушли, а онъ все оставался и ждалъ, потому что былъ голоденъ и идти ему было некуда.

Тогда въ самый пеклый жаръ пришелъ сюда царскій конюхъ и сказалъ ему:

— Вотъ ты безъ дѣла стоишь и домой не идешь—вѣрно, тебѣ и идти совсѣмъ некуда, такъ не хочешь ли со мной пойти поработаться?

— Только и жду того,—отвѣчалъ Долгоживъ:—веди меня, куда надобно, я всякое дѣло дѣлать радъ, лишь бы вреда отъ того другимъ не было.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ конюхъ:—никому другому не будетъ вреда отъ того дѣла, на которое я тебя зову, а не скрою я отъ тебя, что какъ бы тебѣ самому отъ этого не было неприятности. Видишь ли, есть у насъ на царской конюшнѣ очень много слоновъ, и за каждымъ изъ нихъ по два приставника, а между этихъ слоновъ одинъ новый есть—онъ недавно пойманъ и дикъ еще, и всѣ его боятся, потому что онъ уже многихъ приставниковъ своихъ хоботомъ схватывалъ и изъ стойла вонъ пвырлялъ, а другихъ билъ объ стѣны до смерти и ногами раздавливалъ. Вотъ и нынче еще послѣдняго своего приставника онъ ногою убилъ, и теперь никто къ нему въ стойло взойти не рѣшается. Всѣ согласны лучше прямо отъ царской воли себѣ казнь принять, чѣмъ къ слону приблизиться, а слонъ этотъ нашему царю Брамадатѣ очень нравится, и вотъ конюшій позвалъ меня и сказалъ: «иди и ницъ, гдѣ знаешь, человѣка, который бы согласился за этимъ слономъ ходить. Я ему дамъ жалованье противъ всѣхъ другихъ вчетверо, а если такого человѣка не отыщешь, — тогда самъ входи къ нему въ стойло, или пусть тебя расказнятъ, какъ ослушника царскаго». А у меня, пріятель, есть жена и пять дѣтей, да еще старикъ мой живы, родители. Пожалѣй меня, милый

другъ, и если не робокъ ты, то пойди наймись быть при зломъ слонѣ приставникомъ. Можетъ-быть, что онъ тебя полюбитъ и станетъ подпускать къ себѣ безъ лютости, потому что старики говорятъ, будто онъ не терпитъ тѣхъ, кто къ нему идетъ съ робостью, а мы всѣ, наглядѣвшисъ на него, уже оробѣли, а ты не видалъ отъ него страха, такъ, можетъ-быть, и подойдешь къ нему со смѣлостью.

— Ладно, ладно,—сказалъ Долгоживъ:—что рассказывать, у тебя есть жена съ дѣтьми и родители, а я тутъ весь одинъ, и нѣтъ у меня ни роду, ни племени, пойду за тебя попробую—цѣль ли, нѣтъ ли, буду, а отведу отъ тебя бѣду въ сторону.

И съ этимъ Долгоживъ всталъ и пошелъ съ конюхомъ къ слоновымъ конюшнямъ царя Брамадаты, который отнял у него и царство его Казальское, и казнилъ его отца съ матерью.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Когда люди, служившіе въ царскихъ слонечняхъ, увидали, что пришелъ новый человѣкъ доброй волею и охотою, чтобы ходить за дикимъ слономъ, то всѣ удивились и собрались смотрѣть, какъ онъ будетъ входить въ просторное стойло, гдѣ слонъ стоялъ, прикованный за ногу къ стойку, сплоченному изъ пяти толстыхъ свай, вколоченныхъ въ землю съ корневица по макушки и опоясанныхъ въ три ряда толстыми мѣдными обручами.

Пришелъ и главный конюшій посмотрѣть на Долгожива и сказалъ ему:

— Ну, входи не робѣючи; будешь цѣль, я тебѣ дамъ жалованье противъ всѣхъ другихъ вчетверо, и услышишь про тебя царь—будешь ты у него въ большой милости, а не будешь цѣль—на себя неняй: не неволимъ тебя, а идешь вольной волею.

— Да,—сказалъ Долгоживъ:—я иду вольной волею и совсѣмъ не для большой платы и милости, а иду, чтобы отдать мою жизнь, кому она надобна.

А самъ вспоминаетъ слова своего родителя и думаетъ: «кажется, этакъ я не гляжу слишкомъ близко и не гляжу черезчуръ далеко, а гляжу такъ, какъ надобно, потому что человѣку надо помогать неотложно, когда ему скорѣе угро-

жасть, а о себѣ нечего вдаль долго вздумывать: что вдали, то въ свое время объявится».

И съ этимъ Долгоживъ вздохнулъ вольномъ вздохомъ во всю свою молодую грудь и заплѣлъ нараспѣвъ громкимъ голосомъ про то самое, о чемъ ему думалось, и сталъ нагребать въ корзины изъ вороха рисовое зерно, приготовленное на кормъ слонамъ. А какъ насыпалъ рисомъ три корзины, что составляло для слона ежедневную дачу, то поставилъ эту корзину себѣ на голову и пошелъ въ стойло къ дикому слону безъ всякаго страха и съ веселою пѣсней.

Слонъ же ждалъ его, поводя длиннымъ хоботомъ во всѣ стороны, но при входѣ Долгожива не взметался, какъ при входѣ другихъ дѣлалъ. И такъ далъ ему высыпать корзину риса въ кормежный наполь и выйти благополучно вонъ; а когда Долгоживъ принесъ съ пѣсней вторую корзину, то слонъ сталъ ушами хлопать отъ радости, а когда третью принесъ, то слонъ согнулъ свой хоботъ и началъ имъ Долгожива ласкать и поглаживать

Доложили объ этомъ царю Брамадатѣ, и тотъ захотѣлъ самъ увидать Долгожива и велѣлъ ему при себѣ свои пѣсни спѣть, и пѣніе Долгоживово сразу царю Брамадатѣ понравилось и полюбилъ онъ молодого приставника и за ясный взглядъ его лица, и за мужественную смѣлость, и за чудесное пѣніе. И сказалъ Брамадата, бенаресскій царь, Долгоживу:

— Быть тебѣ при моемъ могучемъ, дикомъ слонѣ приставникомъ и получать всякаго жалованья противъ всѣхъ другихъ больше вчетверо, а ѣсть и пить съ моего стола, а какъ уберешься въ слонечнѣ, обрядивъ слона, то скидай съ себя платье приставничье и надѣвай на себя лучшее платье, которое я тебѣ съ своего плеча сошью, и приходи ко мнѣ всякій день, чтобы предо мною пѣть и со мною разговаривать.

Такъ Брамадатѣ-царю молодой Долгоживъ полюбился отъ разу, а какъ онъ сталъ всякій день къ нему во дворецъ приходиться и передъ нимъ пѣть, и съ нимъ разговаривать, то понравился Долгоживъ Брамадатѣ-царю во всѣхъ статьяхъ, и столь его привлекъ къ себѣ своимъ ласковымъ нравомъ и разумнымъ о всѣхъ вещахъ разсужденіемъ, что сталъ онъ царю самымъ милымъ человѣкомъ, и перевелъ его Брамадата жить изъ слонечныхъ конюшенъ въ свой

царскій дворець и не хотѣлъ разставаться съ нимъ даже на самое малое время, а гдѣ самъ сидитъ, тутъ и его держитъ, и куда выйдеть—туда и его съ собою беретъ: и на войны, и на ристалища, и на охоты на тигровъ и другихъ большихъ звѣрей. И назвалъ Брамадата, бенаресскій царь, Долгожива уже не словеснымъ приставникомъ, а собственнымъ его царскимъ и задушевымъ другомъ. А ни Брамадата-царь, ни его придворные не знали, что Долгоживъ самъ природный царевичъ, сынъ казненнаго казальскаго царя Радована.

И такъ прожили Брамадата съ Долгоживомъ въ завидномъ для всѣхъ царедворцевъ содружествѣ цѣлый годъ, а на второмъ году у нихъ между собою вышло особое приключеніе.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Выѣхалъ разъ царь Брамадата на охоту за тиграми, и была съ нимъ большая свита его придворныхъ людей и стрѣлковъ самыхъ искуснѣйшихъ, а рядомъ съ нимъ ѣхалъ верхомъ на конѣ Долгоживъ. И началась у нихъ охота очень большая, и побили они уже много звѣрей, и вдругъ на нихъ выскочилъ огромный тигръ и началъ яро скакать, и то покажется на видъ и человекъ разорветъ, то опять въ дебри скроется, и разсердилъ онъ всѣхъ, и всѣ охотники ударились за нимъ въ погоню, и всѣ порознь разбились и въ въ лѣсу растерялись, такъ что ни скличутся въ лѣсу и не свидятся, и не замѣтили, что въ-горячахъ своего царя потеряли. А царь Брамадата очутился въ непроходимой чащѣ только вдвоемъ съ Долгоживомъ и почувствовалъ смертельную усталость.

Тогда сказалъ Брамадата Долгоживу. Я уснуть хочу, а боюсь, не ужалилъ бы меня соннаго ядовитый гадъ. Разнуздай поскорѣй нашихъ коней и привяжи ихъ къ деревьямъ, пускай ходятъ вокругъ и травую покормятся, а самъ сядь и дай мнѣ положить мою голову тебѣ на колѣни, и побереги мою жизнь, пока я усну и наберу опять себѣ силы, чтобы намъ изъ этого лѣса выбраться.

— Хорошо,—отвѣчалъ Долгоживъ:—все сейчасъ будетъ по-твоему.

Разнуздавъ Долгоживъ верховыхъ коней, поослабилъ на нихъ сѣдельныя подруги и привязалъ ихъ на долгихъ

ремняхъ къ деревьямъ, чтобы могли траву ѣсть, а самъ раскинулъ свою одежду, сѣлъ подь деревомъ, сложивъ ноги на-крестъ, и уложилъ на колѣни себѣ голову царя Брамадаты. А тотъ отъ несноснаго жара и отъ усталости, какъ только прилегъ головою въ колѣна къ Долгоживу, такъ и заснулъ самымъ крѣпкимъ сномъ.

Долгоживъ же сидѣлъ и берегъ его, чтобы не подкрался къ нему изъ травы и не ужалилъ его какой-нибудь ядовитый гадъ, и обмахивалъ лицо спящаго царя вѣткою, а самъ, глядя на лицо его, сталъ раздумывать.

«Вотъ это спитъ у меня на колѣняхъ Брамадата, бенаресскій царь, который сдѣлалъ много зла всему нашему царству Казальскому: онъ нашихъ добрыхъ людей побилъ, а остальныхъ въ плѣнъ забралъ и однихъ замучилъ въ неволѣ на тяжкихъ работахъ, а другихъ совратилъ съ пути кротости и научилъ ихъ невѣрности и жестокимъ военнымъ обычаямъ; онъ отнял у насъ всѣ стада и обозы, и казну, и всякій съѣстной запасъ, а земляныя угодыя подь себя подбилъ съ одной жадностью и забросилъ ихъ безъ ухода лежать въ опустѣ; да убилъ еще онъ безъ вины моего отца съ моей матерью и повелѣлъ ихъ еще передь смертью срамить—водить на посмѣшище по всѣмъ улицамъ, а потомъ разсѣкъ ихъ на полы, да хотѣлъ, чтобы ихъ тѣла, на части разсѣченныя, въ горячей пыли бы валялися безъ погребенія, — вотъ мнѣ теперь какой случай пришелъ, чтобы за все его зло съ нимъ раздѣлаться!»

И какъ только вздумалъ это Долгоживъ, такъ и не замѣтилъ, какъ поспѣшно рука его вынула изъ ноженъ мечъ, и онъ поднялъ этотъ мечъ надъ открытымъ горломъ Брамадаты. Но въ тотъ самый мигъ, какъ хотѣлъ Долгоживъ провести острымъ мечомъ по горлу спящаго царя, пролетѣло у него въ умѣ предсмертное завѣщаніе отцовское, и сказалъ онъ себѣ:

— Мой отецъ, когда его на казнь вели, сказали мнѣ: «сынъ мой, Долгоживъ, не смотри ни слишкомъ далеко, ни слишкомъ близко, потому что вражда умиротворяется не враждою, а милосердіемъ». Не хорошо будетъ, если я этихъ словъ моего отца не послушаюся.

Такъ сказалъ себѣ Долгоживъ, и рука его вложила обратно мечъ въ ножны.

Но не сразу борьба эта въ сердцѣ Долгожива утихла и

темная страсть мщенія уступила мѣсто свѣту милосердія. Трижды овладѣвала имъ жажда мщенія, и три раза вынималъ онъ изъ ноженъ мечъ свой и ставилъ его лезвіе надъ открытымъ горломъ спящаго Брамадаты и опять трижды вкладывалъ его назадъ въ ножны, когда вспоминалъ отцовы слова; и когда онъ вложилъ свой мечъ въ ножны въ послѣдній разъ, то вдругъ Брамадата страшно заметался во снѣ и, пробудясь отъ сна, сталъ говорить:

— Крѣпко я спалъ, но ужасно встревожился и не могу въ себя прийти.

— Отчего?—спросилъ Долгоживъ.

— Оттого, что приснился мнѣ страшный сонъ, будто ты поднималъ надо мною острый мечъ и хотѣлъ перерѣзать имъ шею мнѣ.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

И какъ сказалъ это Брамадата, то вдругъ запылала въ душѣ Долгожива страшная мечь, и онъ сказалъ царю хриплымъ голосомъ:

— Что тебѣ снилося, то и въ-явь было,—и съ этимъ схватилъ одною рукою Брамадату за волосы и перегнулъ ему голову черезъ свое коѣно такъ, что у того все горло кверху выперло, а другою рукою выхватилъ мечъ и, поставивъ его къ горлу Брамадатѣ, началъ говорить ему:

— Узнай же теперь, Брамадата, бенаресскій царь, что я отрокъ Долгоживъ, сынъ Радована, царя казальскаго. Ты намъ сдѣлалъ очень много зла, ты отнял у насъ стада и обозы, и землю, и казну, и всякій запасъ, да умертвилъ и отца и мать мою, а теперь насталъ твой чередъ сгнбнуть, и пришло время отмстить тебѣ за твою вражду.

И хотѣлъ уже Долгоживъ двинуть рукою и перерѣзать горло Брамадатѣ, царю бенаресскому, но лицо царя облилося слезами и исказилось ужасомъ, и онъ, обнявъ коѣна отрока-Долгожива, сталъ его просить черезъ слезы жалостливымъ голосомъ:

— Даруй мнѣ жизнь, сынъ мой Долгоживъ. Даруй мнѣ жизнь, дай мнѣ видѣть свѣтъ твоей милостью.

А Долгоживъ улыбнулся и сказалъ въ отвѣтъ:

— Ты, вѣдь, царь! Чтò же ты просишь: я ли могу даровать тебѣ жизнь! Это ты можешь даровать мнѣ жизнь, а не я тебѣ.

— Ахъ, мой сынъ Долгоживъ,— отвѣчалъ ему царь Брамадата:— это такъ было во всю мою жизнь, когда я могъ по своей волѣ отнимать жизнь у своихъ людей и у данниковъ, но не такъ оно сдѣлалось въ этотъ часъ, котораго я никогда надъ собой не желалъ видѣть, и который, однако, настигъ меня. Теперь твоя надо мною власть, и я вижу свой прошлый грѣхъ, когда я велѣлъ отнимать у людей жизнь, имъ самимъ Богомъ данную, и мучится за это душа моя мукой ужасною, и прощу я подъ твоимъ мечомъ у тебя, отрокъ мой, милосердія: даруй мнѣ жизнь, сынъ мой Долгоживъ,— даруй жизнь мнѣ и повѣрь мнѣ по опыту, что если ты не проведешь мечомъ по моей шеѣ и не отдѣлишь отъ плечъ мою голову, то ты больше увидишь радости, чѣмъ бы сказавъ меня за то зло, которое я сдѣлалъ твоимъ неповиннымъ родителямъ.

А Долгоживу опять пришли на память предсмертныя слова отца его, и ярость въ душѣ его понизилась, и сталъ находить на него духъ милосердія, и отодвинулъ онъ мечъ съ шеи царя и сказалъ:

— Дарю тебѣ жизнь, и ты не отнимай впередъ жизнь ни у кого,— и съ этимъ Долгоживъ всунулъ мечъ въ ножны, и оба они съ царемъ Брамадатою обнялися и какъ будто бы вновь народилися и стали бесѣдовать.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

А въ бесѣдѣ Брамадата, царь бенаресскій, захотѣлъ узнать все зло, какое Долгоживъ и его родители испытали отъ его прошлой лютости и что съ самимъ Долгоживомъ случилось—отчего онъ взялъ надъ гнѣвомъ своимъ обладаніе. Долгоживъ разсказалъ Брамадатѣ про все, что испыталъ онъ, и когда дошелъ до того, какъ его спасали отъ гнѣва слова, которыя сказалъ ему передъ смертью его родитель: «не смотри ни слишкомъ далеко, ни слишкомъ близко, и знай, что вражда умиротворяется не враждою, а милосердіемъ», тогда Брамадата-царь спросилъ у него:

— Скажи же мнѣ, сынъ мой Долгоживъ, что разумѣешь ты въ этихъ словахъ, чтобы ими себя руководствовать?

А Долгоживъ отвѣчалъ ему:

— Разумѣю я, о, царь, такъ: то, что сказалъ мнѣ отецъ мой передъ смертью: «не смотри слишкомъ далеко» — это значить: не давай въ себѣ враждѣ долго длиться, а «не

смотри слишкомъ близко»—значить: не расходись съ человекомъ спѣшно, не испробовавъ повергнуть его кротко на лучшее. А что сказалъ мой отецъ, что «вражда не умиротворяется враждою, а милосердіемъ», то означаетъ, что ты, о, царь, умертвилъ моего отца и мать мою, а если бы я за это отнялъ тебѣ у тебя жизнь, то черезъ это вражда бы не умиралась, а умножилась, потому что тѣ, кто преданъ тебѣ, отняли бы у меня жизнь, а кто преданъ мнѣ, стали бы искать, какъ у нихъ отнять жизнь, и такъ черезъ насъ вражда бы не умиралась, а умножилась, и конца бы ей не было. А теперь, когда я не сталъ смотрѣть слишкомъ далеко, питая злобу, и не смотрѣлъ слишкомъ близко,— не разошелся съ тобою а повѣрилъ тебѣ, что ты не станешь отнимать жизнь у людей, — то и побѣждена вражда милосердіемъ. Вотъ и тебѣ годится то, что сказалъ мой отецъ,— что «не враждою умиротворяется вражда, а милосердіемъ». Это и думалъ мой отецъ передъ смертью, сожальѣя, что онъ разошелся съ тобою поспѣшно, не испытая перемѣнить твои мысли отъ грознаго обычая къ доброму.

И какъ сказалъ это отрокъ-Долгоживъ Брамадатъ, царю бенаресскому, то Брамадата-царь и задумался и на рѣсницахъ капля слезъ затяжелѣла и свѣсилась. И сказалъ Брамадата терпѣливому отроку:

— Коротко слово твое, сынъ мой, а смыслъ его длинень будетъ во весь вѣкъ всей жизни на землѣ всего рода человѣческаго.

И съ этой поры перемѣнился царь Брамадата во всемъ правѣ своемъ, и не было при немъ болѣе никогда казни надъ людьми, потому что онъ ни на что не смотрѣлъ слишкомъ далеко или слишкомъ близко и всегда помнилъ, что вражда умиротворяется не враждою, а милосердіемъ.

Оглавленіе

XXX тома.

	стр.
Легенда о совѣстномъ Данилѣ	3
Левъ старца Герасима. (Восточная легенда).	21
Аскалонскій злодѣй. (Происшествіе въ Иродовой темницѣ)	29
Сказаніе о Ѳеодорѣ-христианинѣ и о другѣ его Абрамѣ-жидовинѣ	88
Невинный Пруденцій. (Легенда)	112
Брамадата и Радованъ. (Индійское сказаніе)	179

INSTYTUT
BADAŃ LITERACKICH PAN
BIBLIOTEKA
00-330 Warszawa, ul. Nowy Świat 72
Tel. 26-68-63

F

24.124/23-3